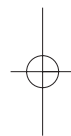

М.Ю. Сидорова
О.Н. Шувалова
ИНТЕРНЕТ-ЛИНГВИСТИКА:
ВЫМЫШЛЕННЫЕ ЯЗЫКИ

Издательство «1989.ру»
МОСКВА
2006

УДК 881.161.1:004.738.5
ББК 81.2 Рус-5
С 34

Сидорова М.Ю., Шувалова О.Н.

С 34 Интернет-лингвистика: вымышленные языки. М., «1989.ру», 2006, с.184.

Первая книга в серии «Интернет-лингвистика» рассказывает о проектах вымышленных языков в Интернете. Что такое вымышленные языки? Какими они могут быть? Чем они отличаются от других видов искусственных языков и от естественных языков? Что побуждает наших современников к языковому конструированию и созданию вымышленных миров? Как в проектах вымышленных языков отражается личность автора и наивно-лингвистическое сознание эпохи? Чем является лингвоконструирование для человека рубежа тысячелетий – игрой, опытом моделирования иных реальностей, попыткой решения внешних по отношению к компьютерной действительности проблем общения и взаимопонимания с другими людьми? Насколько безгранична наша фантазия? На эти и другие вопросы пытаются ответить авторы.

Без объявления
ISBN 5-98789-005-5

© М. Сидорова, О. Шувалова 2006
© Серия «Интернет-лингвистика»

Оглавление

Предисловие	4
Глава 1	
Естественные, искусственные, вспомогательные, фантастические, вымышленные... и другие	8
Классификация искусственных языков (конлангов)	10
Принципиальные различия между вымышленными языками и вспомогательными языками	16
Отличия вымышленных языков от естественных	21
Языки Толкина, клингон и D'ni как конланги, имеющие особый статус	22
Обзор литературы, посвященной вымышленным языкам	27
Глава 2	
Вымышленные языки в мире – фантастическом, реальном и виртуальном	35
Фантастическая литература и вымышленные языки	36
Общегуманитарные проблемы, связанные с конструированием языков	40
Конструирование языков и оппозиция «свой – чужой» в культуре и языке	40
Языковое конструирование как форма игровой деятельности и проявление языкового творчества	44
Глава 3	
Келен, эналь, ларимин	49
Келен (Kelen)	49
Языки эналь и ларимин	60
Глава 4	
Путеводитель по Интернет-ресурсам, связанным с ВЯ	74
Сообщества конлангеров и «сборные» Интернет-ресурсы, посвященные ВЯ	74
Инструкции и учебные материалы по языковому конструированию	80
Средства автоматизации языкового конструирования	90
Виды деятельности, возникающие вокруг проектов ВЯ в Интернете	94
Глава 5	
ВЯ в Интернете – модель описания	107
Игнорируемые возможности и проблемы	114
ВЯ и языковые универсалии	115
Глава 6	
Уровни языковой системы в проектах ВЯ	119
Заключение	136
Приложение 1	142
Приложение 2	152
Приложение 3	170
Библиография	176

Предисловие

1. Алиса сидела со старшей сестрой на берегу и маялась: делать ей было совершенно нечего, а сидеть без дела, сами знаете, дело нелегкое; раз другой она, правда, сунула нос в книгу, которую сестра читала, но там не оказалось ни картинок, ни стихов. «Кому нужны книжки без картинок-или хоть стихов, не понимаю!» — думала Алиса.

2. *Viat nârdjen Alisa ghurim zaudenos zilnui hâloi shûmjên telor; orcenosta khauran saunæth; thovâlat dûlasain nârdû ra prôthû væn, do baugharat græn zilnas, mabarnaxa khôl gintûsan hum ka?guilen hâchen væn; nhêrax 'Alisa: voirun târakhæ proth vârath, gintûsnos ka?guilenûsta khoil?*

Перед нами, как вы уже догадались, начало сказки Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» — в переводе на два чудесных языка:

наш родной, русский, замечательный тем, что на нем говорят более 250 млн. людей во всем мире, создана одна из величайших культур нашей планеты, язык, тезаурус которого включает около 500 тыс. слов [Мечковская 2001];

и Arêndron — язык семьи Uschœran планеты Atragam, которую вы не найдете ни на одной астрономической карте, язык, изобретенный Майклом Рептоном (Michael S. Repton), одним из энтузиастов конструирования вымышленных языков в Интернете, для своего фантастического мира. В этом мире на протяжении его многовековой истории возникали и рушились царства, дикие кочевые племена обретали цивилизацию, аналогичную европейской античности, и уходили в глубь веков, оставляя после себя памятники своей культуры, поколения сменяли поколения, Arêndron из живого превратился в язык науки, литературы и философии. И все это под неустанным попечением автора, волей его фантазии и конструкторского мастерства. Казалось бы, какое значение для лингвистики может иметь вымышленный язык, лишенный реальных носителей, имеющий единственную форму существования — виртуальную, в виде грамматического описания в Интернете, воплощающий не многотысячелетнюю деятельность народного духа, а ограниченный план, родившийся в голове одного человека? Различимы ли, вообще, авторские языки-карлики, большинство из которых даже не выходит из состояния проекта, на фоне гигантов — естественных языков, дающих лингвисту-исследователю огромное поле для наблюдений? Вымышленный авторский язык интересен нам как часть обширного движения лингвоконструирования, развивающегося на просторах мировой сети, как продукт одного из видов языковой деятельности, через которую человек реализует свои творческие способности, расширяет понимание себя и мира. Преодолевая преобладающую бессознательность нашего повседневного языкового существования, энтузиасты лингвоконструирования устанавливают новые отношения между человеком и языком — отношения создателя и создания, пусть даже ограниченные уровнем модели. Мы посвящаем свою книгу изучению этих отношений, поскольку мы глубоко убеждены: все, что интересно в языке «наивному» говорящему, должно быть интересно в языке и лингвисту. Связь «индиви-

дуальной», «внутренней» лингвистики и лингвистики научной, о чем писал сто лет назад И.А. Бодуэн де Куртене, не утратила своего значения и по сей день.

Современная лингвистика антропоцентрична: она ставит в центр своего внимания человека, рассматривая язык как средство, с помощью которого человек выражает себя, устанавливает контакт с другими людьми, достигает своих разнообразных коммуникативных целей. Язык, по выражению немецкого философа М. Хайдеггера, «дом бытия» человека. Человек не пассивный пользователь языка, он его активный творец и преобразователь. В естественных языках процесс творения и преобразования языка людьми происходит в ежедневной коммуникации по большей части бессознательно (хотя определенная доля языковой рефлексии у «наивных» носителей языка обязательно присутствует), и только филологи, профессионально занимающиеся изучением и нормированием языка, пытаются воздействовать на него сознательно и систематически. Однако существует вид деятельности, в котором каждый говорящий может стать создателем языка, — конструирование (моделирование) искусственных языков, получающее все большее распространение с развитием Интернета. Это занятие охватывает все большие и большие круги энтузиастов, во многих странах действуют «Общества моделирования языков» (в США подобное объединение в 1999 году насчитывало около 20 000 членов). Список конструированных языков (конлангов) на одном из самых авторитетных источников — langmaker.com — включает около 1 500 конлангов (см. Приложение 1). В этой деятельности язык, с одной стороны, выступает как объект исследования и конструирования, с другой — служит инструментом познания мира, решения важных мировоззренческих, культурологических и психологических проблем, волнующих современного человека.

Объектом описания и анализа в нашей монографии являются проекты вымышленных языков в Интернете. **Предмет** исследования составляют, с одной стороны, сами вымышленные языки как продукт языкового конструирования, их фонологические, грамматические и лексические системы и попытки создания текстов на вымышленных языках, с другой — специфика языковой деятельности «конструкторов языка», сочетание в ней исследовательской, моделирующей, игровой составляющих. Такой подход соответствует представлению Л.В. Щербы о троякой сущности языка, включающей языковую систему, языковой материал и языковую деятельность.

Термин «вымышленные языки» (ВЯ) принят нами для выделения одной из групп конструированных языков (конлангов, conlangs) с целью отграничения ее от вспомогательных международных языков (auxlangs) типа эсперанто, идо, ложбана и т.п. Следует сразу оговорить, что термин «вымышленные языки», в соответствии со сложившейся в движении «конструкторов языка» (конлангеров) и имеющихся исследованиях этого движения практикой, может употребляться в широком и узком смысле: в широком смысле «вымышленные языки» включают не только так называемые «персональные языки» (personal languages), изобретаемые отдельными энтузиастами и размещаемые в Интернете, но и «фантастические

языки» — создания писателей-фантастов, авторов художественных фильмов и компьютерных игр. Для «фантастических языков» Интернет является вторичной средой бытования, они были придуманы для обслуживания фантастических фикциональных миров как языки народов, населяющих эти миры, но в связи с большой популярностью некоторых из этих миров (например, фантастический мир Толкина, мир сериала «Star Trek», мир компьютерной игры «Myst») фантастические языки вышли за их пределы и получили распространение в виртуальной, а иногда, как это случилось с языками Толкина, реальной действительности. Такие фантастические языки рассматриваются нами попутно, поскольку а) они служат образцом и стимулом к конструированию языков для многих наивных говорящих; б) продолжают разрабатываться и обрабатываться участниками движения конлангеров. Однако еще раз подчеркнем, что основным предметом нашего исследования являются персональные, или авторские, вымышленные языки. В отличие от языков Толкина, фантастических языков кино и компьютерных игр, эти вымышленные языки не существуют в отрыве от своего грамматического (в широком смысле слова) описания в Интернете. Это принципиально важное свойство авторских ВЯ, противопоставляющее их всем другим видам искусственных языков и естественным языкам — первичность описания языка по отношению к языку как таковому. Пока автор ВЯ не напишет в грамматике, что в его языке есть частица *da* или пассивный залог глагола, в этом ВЯ нет ни частицы *da*, ни пассивного залога. Они возникают в тот момент, когда они зафиксированы в грамматике. Если в естественном языке новое слово какое-то время функционирует, не будучи занесенным в словари, то в ВЯ возникновение нового слова происходит именно путем добавления его в словарь. На эсперанто и языках Толкина говорят: новые единицы и явления в них могут появляться не только плановым путем, но и в употреблении и лишь потом (после более или менее долгого обсуждения) регистрироваться грамматикой и словарем. В ВЯ ситуация принципиально иная, поэтому к ним более применим термин «*проект*», чем «*грамматическое описание*»: описывают то, что уже существует, проектирование подразумевает создание объекта.

Персональные вымышленные языки и языки фантастические интересны не только сами по себе, а как часть более широкой гуманитарной проблематики.

В современном мире растет разнообразие и значение **игровой деятельности людей, осуществляемой посредством языка**. Постмодернистское сознание нашей эпохи обострило интерес рефлекслирующих носителей языка к форме выражения мысли, к потенциальным возможностям языка как инструмента игры. Языковое конструирование выполняет, как нам представляется, важную функцию в познавательной активности людей, осуществляемой через язык и направленной как на внутреннюю сущность человека, так и на окружающий его мир, а также помогает развитию интеллектуальных способностей личности.

Другой специфической чертой коммуникации в современном мире является **тенденция к построению искусственных миров**. Эта тенденция наблюдается в самых разных сферах коммуникации: от рекламы и кинематографа (на диске с новым фильмом будут содержаться различные до-

полнения, строящие мир, а иногда и миф этого фильма, например, рассказ о том, как снимался фильм, досюжетные биографии героев, «экскурсию» по городу, где разворачивается действие фильма) до ролевых игр и вымышленных миров, функционирующих в Интернете [Шувалова 2005][Сидорова 2005]. Этой же тенденцией объясняется повышение читательского интереса к научно-фантастической литературе, совершившей за последнее время как количественный, так и качественный скачок. С одной стороны, это отражение активизации уже упоминавшейся игровой деятельности, с другой – следствие растущей неудовлетворенности современного человека окружающим миром, проявление эскапизма. Язык – главный инструмент построения вымышленных миров, дающий названия для их природных и социальных реалий, собственные имена, позволяющий создать для этих миров духовную культуру (многие вымышленные миры имеют художественную литературу – поэзию и прозу на сконструированных языках). Для полновесной интерпретации «демиургического бума» последних десятилетий требуются совместные усилия специалистов разных отраслей знания – культурологов, социологов, психологов, профессионалов в области информационных технологий, но и лингвистам предстоит сказать здесь свое слово.

Одно из основных противопоставлений в человеческой культуре – «свой – чужой» — приобрело особую значимость в эпоху одновременной интернационализации и воинствующего национализма. Представители всех гуманитарных дисциплин пытаются найти ключ к пониманию межличностных и межэтнических барьеров, предрассудков, стереотипов, особенностей восприятия «чужого» и способов преодоления «чуждости». Язык – главнейшее средство создания и преодоления этих барьеров, формирования и выражения этих предрассудков и стереотипов. Образ чужого для большинства людей – это образ человека, говорящего на ином языке. Человечеству не удалось выработать единого универсального языка: ни один из проектов создания искусственного языка для международного общения не осуществился в полной мере. Языковое конструирование для фантастических миров служит полигоном, на котором не только опробуются вымышленные языковые системы, но и моделируются различные ситуации коммуникативного взаимодействия «свой – чужой» и вырабатываются способы оптимизации этого взаимодействия.

Глава 1

Естественные, искусственные, вспомогательные, фантастические, вымышленные... и другие

Искусственные языки могут быть для современного человека объектом изучения и способом коммуникации, упражнением для ума и предметом игровой деятельности.

Лишь часть искусственных языков создана профессиональными лингвистами. Только небольшой процент искусственных языков в настоящее время конструируется для того, чтобы реально служить целям международного общения, и еще меньше — получает распространение в этом качестве. Серьезные попытки разработки и распространения искусственных языков как средства коммуникации между людьми разных национальностей, призванного потеснить или вытеснить естественные языки, (воляпюк, эсперанто, идо и т.п.) можно считать делом прошлого. Последний крупный проект такого рода — логлан/ложбан (Lojban). И по лингвистическим, и по экстралингвистическим причинам ни один из искусственных языков не способен занять ни в дипломатии, ни в науке, ни в искусстве — ни в одной области человеческой деятельности место естественных международных языков.

С другой стороны, сейчас наблюдается взрыв активности наивных говорящих в создании искусственных языков, предназначенных для функционирования в ограниченных сферах, например, для обслуживания коммуникации вымышленных сообществ в фантастических мирах, или даже вообще не предназначенных для функционирования, а являющихся попытками продемонстрировать формальные и структурные возможности языка как такового. Огромное количество таких искусственных языков представлено в русском и англоязычном Интернете. О динамике явления дает представление следующая статистика сайта conlang.com, охватывающая 773 представленных в мировой сети языка, у которых указаны даты создания (по состоянию на 28 июля 2005 года):

Год	Число новых ВЯ	Год	Число новых ВЯ
1991	8	1999	44
1992	9	2000	58
1993	11	2001	66
1994	15	2002	121
1995	28	2003	132
1996	45	2004	132
1997	27	2005	43
1998	34		

Кто является творцами вымышленных языков? Что служит поводом к этой деятельности? По каким направлениям она развивается?

Стимулами и образцами для создания большей части подобных языков послужили лингвистические эксперименты Толкина. Языки Средиземья, сконструированные великим английским писателем, филологом по образованию, дали импульс творческой деятельности огромного количе-

ства поклонников его творчества. Читатели Толкина не только изучили и усовершенствовали эти языки, написали на них литературные произведения, они сами стали создателями новых языков и фантастических миров, в которых эти языки функционируют. В мировой сети имеются словари и грамматики эльфийских языков (Sindarin, Quenya, Nandorin, Telerin, Valarin и многие другие), шрифты для печатания на этих языках, библиотеки текстов, переводы с эльфийских языков на естественные и с естественных на эльфийские, лингвистические исследования этих языков. Немного меньшей популярностью пользуются языки орков и других сообществ, населяющих миры Толкина или миры, выдуманные читателями в качестве «продолжений» толкиеновских.

Второе место по популярности занимает Клингон (Klingon) – язык, изобретенный лингвистом Марком Окрандом для сериала «Star Trek» на основе языков американских индейцев. Распространение клингона целенаправленно поддерживается Институтом клингонского языка в США и финансируется компанией Paramount Pictures.

Современные авторы научно-фантастических произведений часто являются и авторами вымышленных языков. Некоторые из них даже уделяют время поддержанию электронного существования созданного ими мира, как например отечественный фантаст Антон Антонов, автор фантастической «Истории миров» и вдохновитель проекта «Хроники Вселенной» (<http://anton2ov.spb.ru> и <http://glos.net.ru/>). Многие выпускники лингвистических факультетов по всему миру также пробуют свои силы в конструировании языков и соответствующих им миров (см., например, <http://home.netcom.com/~sylvia1/Kelen>). Наконец, изобрести новый язык по силам и «наивному говорящему» — не лингвисту и не профессиональному писателю. Можно, конечно, относиться к таким проектам с некоторой долей филологического снобизма и сравнить их с графоманской поэзией, но мы намерены показать, что подобная интеллектуально-игровая деятельность заслуживает более позитивной оценки. Один из признанных специалистов по вымышленным языкам – Р. Харрисон – называет следующие сферы применения ВЯ:

- 1) лингвистическое исследование, например, для изучения процесса освоения нового языка человеком: конланги, как модели языка, имеют весьма полезную характеристику – их параметры можно изначально задавать и тщательно контролировать; преподавая вымышленный язык группе испытуемых, можно исследовать их (не)способность усвоить этот язык, влияние этого языка на их мышление и восприятие мира и т.д.;
- 2) создание искусственного интеллекта и общение с компьютером;
- 3) искусство: ВЯ используются в литературных и кинематографических произведениях как часть образа вымышленной культуры;
- 4) искусство для искусства: многие занимаются конструированием языков как хобби, от которого они получают удовольствие и которое удовлетворяет их потребность в творчестве;
- 5) создание тайных групповых и профессиональных языков, в том числе военных шифров;
- 6) психиатрическая помощь (<http://www.rickharrison.com/language/faq.txt>).

Для характеристики места вымышленных языков в классификации искусственных языков и роли языкового конструирования в структуре человеческой деятельности следует обратиться к имеющейся литературе, посвященной непосредственно проблемам языкового конструирования, а также рассмотреть некоторые философские и психологические вопросы, возникающие вокруг объекта нашего исследования.

Классификация искусственных языков (конлангов)

В следующей классификации мы используем английские и русские термины. Активное применение первых привело к тому, что терминологические сочетания, построенные по модели «прилагательное + существительное», путем сложения с усечением преобразовались в одно слово. Иногда такой термин легко переводится на русский язык: conlangs – конланги, conlangers – конлангеры (энтузиасты конструирования языков), artlangs – артланги (в этих случаях мы будем в тексте работы иногда использовать такой термин), но иногда ни транскрипция, ни транслитерация не помогают: auxlangs (в этих случаях иногда для краткости мы будем вводить в русский текст термин в его английском написании, добавив необходимое морфологическое оформление): auxlanger-ы – участники движения по созданию, изучению и распространению международных вспомогательных языков.

Следует отметить, что ни у ученых-лингвистов, ни в среде конлангеров нет терминологического единства в том, что касается обозначения классов искусственных языков. Если одни специалисты стремятся к уменьшению синонимии терминов, то другие соглашаются на множественность именований каждого класса искусственных языков: «Искусственный язык – это язык, который намеренно сконструирован одним человеком или небольшой группой людей за сравнительно небольшой период времени. Синонимы термина «искусственный язык» включают «плановый язык», «язык-модель» и «изобретенный язык». Искусственные языки, сконструированные для конкретных целей, также получают ряд терминологических обозначений. Языки, используемые в художественных произведениях, называют вымышленными или фикциональными. Те, которые сконструированы для обеспечения международной коммуникации, называются универсальными языками, вспомогательными языками, интер-языками или интерлингвами, международными языками и т.д. Царство искусственных языков также включает логические языки, числовые языки, символические, или иконические, языки и пазимологии (языки жестов)»¹ (<http://www.rickharrison.com/language/faq.txt>)

¹An artificial language is a language that has been deliberately designed by one person or a small group of people over a relatively short period of time. Synonyms for the term *artificial language* include *planned language*, *constructed language*, *model language*, and *invented language*. Artificial languages designed for specific purposes are also known by an array of other terms. Those used in works of fiction are called imaginary languages or fictional languages. Those designed to facilitate global communications are called universal languages, auxiliary languages (auxlangs), interlanguages or interlinguas, international languages, etc. The realm of artificial languages also includes logical languages, number languages, symbolic languages a.k.a. icon(ic) languages, and pasimologies (gesture languages).

Для целей нашей работы мы принимаем следующую типологию искусственных языков с соответствующими терминологическими обозначениями.

1. Auxlangs. Вспомогательные языки.

Языки, которые, по мысли создателей, предназначены служить в качестве международных искусственных языков: эсперанто, идо, ложбан и др. Они принципиально отличаются от предмета нашего исследования (эти отличия будут показаны ниже) и нами не рассматриваются. Лингвистическая литература, посвященная вспомогательным языкам, весьма обширна, см., например, [Кузнецов 1991][Языкознание 1998].

2. Вымышленные языки (ВЯ) в широком смысле.

2.1. Artlangs. Фантастические языки, придуманные авторами литературных и кинематографических произведений, а также компьютерных игр. Здесь выделяются:

2.1.1. Языки, вышедшие за пределы фантастических миров, созданных авторами, и обретшие жизнь в реальном и виртуальном мире: язык Толкина, клингон (язык сериала «Star Trek»), язык D'ni из мира компьютерной игры «Myst»;

2.1.2. Языки, «функционирующие» или просто упоминающиеся только в пределах соответствующего художественного произведения.

2.2. Personal languages. Личные, или персональные, языки – вымышленные языки, сконструированные отдельными авторами или группами авторов «для собственного удовольствия». Мы предлагаем назвать их «авторскими языками». Основной средой бытования авторских языков является Интернет. Описания авторских ВЯ, как правило, сопровождаются описаниями связанных с ними миров, культур, народов, полностью вымышленных самим автором или заимствованных из мифологии, художественной литературы, кинематографа, компьютерных игр. Проекты, не выходящие из зародышевой стадии и не связанные с созданием вымышленного мира, а также попытки частичной ревизии естественных языков принято именовать «языками-набросками».

Авторские языки – это языки, конструируемые за пределами художественной литературы, но не предназначенные для коммуникации в реальном мире. Эти языки изобретаются авторами, имеющими лингвистическое образование или не имеющими его, как языки вымышленных народов, населяющих вымышленные миры. Именно они и служат предметом нашего дальнейшего рассмотрения. Из него будет видно, что такая форма языкового творчества, носит достаточно массовый характер и играет весьма важную роль в развитии языкового (и не только языкового) сознания людей. Язык выступает здесь как объект и инструмент познания. Конструирование языка оказывается не просто одним из видов игровой деятельности, о необходимости которой для современного взрослого человека активно пишут сейчас психологи и социологи. Это и интеллектуальная гимнастика, помогающая творцу вымышленного языка глубже проникнуть в законы организации и функционирования языка вообще; это и один из эффективных способов понять проблемы межкультурной коммуникации и выработать разумное отношение к серьезнейшей культурной и социальной оппозиции современности – «Свой – Чужой».

Очевидно, что границы между классами ВЯ могут смещаться: язык, созданный писателем для фикционального мира, может выходить за его

пределы и использоваться для коммуникации в мире реальном, как это произошло, например, с клингоном и с эльфийскими языками, разработанными Дж. Р. Толкином для цикла романов-фэнтези об истории Средиземья. Сейчас даже ставится вопрос, не следует ли приравнять клингон, насчитывающий достаточно большое количество носителей, использующих его в устной и письменной коммуникации, имеющий литературу и СМИ, к живым естественным языкам.

Есть и другие способы классификации искусственных языков и другая терминология для обозначения их типов.

М. Розенфельдер предлагает классифицировать языки, пользуясь критериями структуры (structure) и назначения (purpose). По структуре выделяются искусственные языки европейского типа и неевропейского типа. По назначению — логические; вспомогательные; экспериментальные.

Существует термин «model languages», который то приравнивают к термину «искусственные языки, конланги», то используют для обозначения какой-то группы искусственных языков. Анонимный автор на сайте stra.teg.ru предлагает использовать для обозначения вымышленных языков термин «неконвенциональный язык»: «По Якобсону, «неконвенциональная трактовка в целом близка концепциям, верящим в содержательную неисчерпаемость слова и определяющее воздействие языка на мировоззрение» [Якобсон 1984;151]. В связи с тем, что в интерлингвистике не существует общего термина для обозначения вымышленных языков термин «модельный язык» не удовлетворяет нас, поскольку относится только к искусственно смоделированным языкам в экспериментальной лингвистике), мы введем термин «постконвенциональная интерлингвистика» и «неконвенциональный искусственный язык». Можно сказать, что «постконвенционализм» имеет отношение к искусственно созданным языковым системам, первоначально не предназначенным для прагматического использования, но в то же время являющимися основой для определенной «искусственной» культуры.

Неконвенциональный искусственный язык может не использоваться для коммуникации и остаться достоянием одного его создателя, что, однако, не умаляет его ценности, поскольку он становится актом чистого индивидуального творчества».

Идеолог движения конлангеров в Интернете Дж. Хеннинг в своей статье «Языки-модели. Возможности и цели» (часть I, вып. 3, 1 июля, 1995 — conlang.com) предлагает классифицировать языки-модели по объему, а также по времени существования и по реальности носителей языка. В зависимости от того, будет ли язык-модель использоваться как жаргон, как «язык имен собственных» (naming language), язык для общения или язык литературы, для него потребуются разный объем и степень детализации словаря и грамматики. Для жаргона достаточно горсточки слов, передающих «вкус другой культуры», и правил образования множественного числа². Для «языка имен собственных», создаваемого, чтобы дать имена пер-

² Жаргонами, в духе конлангерской терминологии, Хеннинг называет и «намеки» на фантастические языки в НФ литературе, когда автор использует в речи своих героев несколько слов из вымышленного языка.

сонажам и географическим объектам вымышленного мира, тоже не требуется особой грамматики. Для языка, который должен обслуживать реальную коммуникацию или художественную литературу, нужно гораздо большее. Классификация по времени жизни и по реальности говорящих подразумевает деление языков-моделей на языки, носители которых живут сейчас или являются воображаемыми народами прошлого или будущего. С учетом этих критериев четыре основные группы языков-моделей: «языки имен собственных», языки альтернативного прошлого³, языки будущего, прогнозирующие будущие стадии развития естественных языков, и вспомогательные языки.

Априорные и апостериорные искусственные языки

Важным классификационным противопоставлением, касающимся и ВЯ, и вспомогательных языков, является разграничение языков априорных и апостериорных. С. Н. Кузнецов в статье «К вопросу о типологической классификации международных искусственных языков» stra.teg.ru формулирует это разграничение относительно вспомогательных языков (он называет их МИЯ – международные искусственные языки) следующим образом: «По традиции, восходящей к работам Г. Мока, но еще больше к знаменитым трудам Л. Кутюра и Л. Ло, все МИЯ распределяются на два класса в зависимости от наличия/отсутствия их материального соответствия естественным языкам: если в план выражения МИЯ входят означающие, заимствованные из естественных языков, то такие МИЯ называются языками апостериори (например, в языке эсперанто большинство слов являются интернационализмами: *ornamento, satiro, linio* и др.); если же МИЯ не обнаруживают определенного материального соответствия естественным языкам, они носят название языков априори (так, названным эсперантским словам соответствуют следующие слова «философского» языка ро: *febac, ferap, debab* и др.)». При этом отмечается, что «противопоставление данных двух классов МИЯ носит не абсолютный, а относительный характер: в апостериорных языках могут использоваться некоторые априорные элементы (например, в эсперанто *iu* ‘кто-то’, *eso* ‘качество’), а в априорных языках иногда встречаются апостериоризмы (так, например, в ро названия рек образуются следующим образом: *Buraga* ‘Ганг’, *Burajo* ‘Иордан’, *Burale* ‘Лена’, *Burevo* ‘Волга’ и т. п., где последний слог воспроизводит начало натурального слова)» [там же]. В связи с этим возникла необходимость в введении термина «смешанные языки», или «языки микст» (Л. Кутюра, Л. Ло). Однако С. Н. Кузнецов отмечает значительную произвольность в употреблении этого термина, а также то, что в классификацию Кутюра и Ло должны быть внесены дополнительные коррективы, связанные с появлением апостериорных проектов, тяготеющих к полной апосте-

³ Это языки-модели, которые создаются в НФ литературе или отдельными энтузиастами-конлангерами для альтернативных ситуаций истории человечества и являются попытками ответить на вопросы: каким бы стал английский язык, если бы в битве при Гастингсе победили не норманны, а англо-саксы? какими бы стали языки Европы, если бы арабы не остановились в Испании, а дошли до Англии?

риорности, к максимальному сближению с естественными языками: «Таким образом, апостериорные проекты стали различаться по **степени апостериорности**: МИЯ, тяготеющие к полной, абсолютной апостериорности, называют обычно **натуралистическими**; МИЯ, обнаруживающие преимущественную (доминантную) апостериорность, получили название **автономных** или **схематических**» [там же].

Апостериорный язык может использовать в качестве источника несколько естественных языков. Так, любимое детище создателя популярного сайта langmaker.com Дж. Хеннинга — язык Dublex — имеет более 5 000 слов с корнями, заимствованными из 6 естественных языков.

Деление конлангов по степени априорности/апостериорности С.Н. Кузнецов характеризует как «структурно-генетическую классификацию» и указывает на возможность также классификаций по «количеству и качеству физических манифестаций» и «по структуре знака» (степени разработанности морфемного членения слов). Сочетание этих дифференцирующих признаков позволило С.Н. Кузнецову дать детальную классификацию вспомогательных языков. (работы С.Н. Кузнецова — крупнейшего отечественного специалиста по этому вопросу пересказывать здесь — нет смысла. Обращаем читателя к ним непосредственно — см. библиографию в конце книги.)

Интерес представляет и классификация Ричарда Харрисона, также детально разрабатывающего противопоставление априорности/апостериорности в конлангах, но более интересующегося ВЯ:

1. Искусственные языки апостериорного типа
 - 1.1. Модификации одного естественного языка
 - 1.1.1. Латинского
 - 1.1.2. Английского
 - 1.1.3. Других
 - 1.2. Модификации одного искусственного языка
 - 1.2.1. Эсперанто
 - 1.2.2. Других
 - 1.3. Комбинации близких искусственных языков
 - 1.4. Языки, комбинированные из близких естественных языков
 - 1.4.1. Языки с пан-(индо)европейским словарем
 - 1.4.1.1. Языки с романским словарем
 - 1.4.1.2. Языки с германским словарем
 - 1.4.1.3. Языки с романо-германским словарем
 - 1.4.1.4. Языки со славянским словарем
 - 1.4.1.5. Другие
 - 1.4.2. Языки с уральским словарем
 - 1.4.3. Языки с китайско-тибетским словарем
 - 1.4.4. Языки с семито-хамитским словарем
 - 1.4.5. Языки с нигерско-кордофанианским и нило-сахарским словарем
 - 1.4.6. Другие
 - 1.5. Языки, комбинированные из гетерогенных естественных языков
 - 1.5.1. Без существенных изменений в структуре слова
 - 1.5.2. С правилами отбора слов или с модификацией слов фонотактическими/морфологическими правилами

2. Искусственные языки априорного типа и смешанного типа

2.1. Предназначенные для говорения

2.1.1. Философские (с категориальными словарями)

2.1.2. Логические (априорные, но с некатегориальными словарями)

2.1.3. Смешанные априорно-апостериорные языки

2.2. Не предназначенные для говорения

2.2.1. Пазиграфы (языки символов)

2.2.2. Языки чисел или нот

2.2.3. Пазимологии (языки жестов)

2.2.4. Другие.

Иной классификационный принцип – потенциальное использование языка и потенциальные пользователи языка — использован Роберто Капуццо (Roberto Capuzzo; http://www.geocities.com/robocaps_tower_of_babel/Agora-011.htm):

1. Конланги неограниченного применения (ими может воспользоваться любой)

1.1. Общего назначения (международные вспомогательные языки)

1.1.1. Планетарные (для всего человечества)

1.1.2. Надрегиональные (например, рассчитанные на индоевропейскую аудиторию)

1.1.3. Региональные (например, рассчитанные на носителей романских языков)

1.1.4. Наднациональные (долженствующие служить общими языками в стране, населенной людьми, говорящими на разных языках, например, иврит)

1.1.5. Другие

1.2. Практические (не для использования в литературном творчестве, без претензии на благозвучие и гармоничность, например, Lingua franca⁴)

1.2.1. Ориентированные на один естественный язык (упрощенные версии естественных языков, иногда – со спорадическими включениями из других языков)

1.2.2. Паритетные (использующие общую часть из разных языков, принадлежащих целевой аудитории)

1.2.3. Абстрактные (концептуально новые для каждого пользователя из целевой аудитории)

1.2.4. Другие

2. Конланги ограниченного применения

2.1. Языки «для посвященных» (секретные языки), разделяемые на два подтипа в зависимости от того, насколько явной является их шифровальная сущность: а) языки, криптографический характер которых очевиден, и б) языки, криптографический характер которых скрыт

2.1.1. Языки военного назначения

2.1.2. Языки для использования в узкой закрытой группе

2.1.3. Языки, используемые с целью самозащиты

2.1.4. Языки абсурда

2.1.5. Другие

⁴ Сомнительное включение этого языка в искусственные объясняется, вероятно, тем, что автор классификации — итальянец и для него лингва франка — предмет особого интереса.

- 2.2. Языки, ориентированные на определенные дисциплины (научные или технические)
 - 2.2.1. Расширенные профессиональные жаргоны (для использования специалистами по данной дисциплине)
 - 2.2.2. Экспериментальные (как образцы или проверки теории)
 - 2.2.3. Другие
- 2.3. Фикциональные (для создания атмосферы вымышленного мира, не используются в реальной коммуникации)
 - 2.3.1. Фанта-исторические (земные языки, используемые в историях о вымышленном прошлом Земли)
 - 2.3.2. Исторические реконструкции (например, псевдоегипетский)
 - 2.3.3. Языки научной фантастики
 - 2.3.4. «Грамельот» (имитация звуков существующего языка)
 - 2.3.5. Другие
- 2.4. Нечеловеческие (некоторые пользователи – не люди)
 - 2.4.1. Животные
 - 2.4.2. Машины (например, языки программирования)
 - 2.4.3. Другие
- 2.5. Прочее

Наконец, на сайте <http://web.hku.hk/~antonio/c/conLang/class.htm> представлена попытка совместить различные классификации: априорно-апостериорную, целевую синтаксическую типологию, аналогичную типологии естественных языков. На первом этапе всем конлангам присваивается индекс по шкале априорности-апостериорности. Затем выделяются 4 класса по назначению:

A – вымышленные (фикциональные) языки (от ньюспика в романе Оруэлла «1984» и языков Толкина до персональных проектов);

B – «дисциплинарные», либо происходящие от жаргонов, например, язык хакеров, либо используемые для проверки гипотез, в частности гипотезы Сепира-Уорфа, и для логических операций (логлан, ро, оз);

C – используемые для коммуникации в международном, региональном, национальном контексте, для коммуникации внутри организаций (например, военные коды), для коммуникации в группах;

Z – другие (языки программирования и прочие, не входящие в первые три класса).

Таким образом, каждый язык получает буквенно-цифровое обозначение плюс характеристику по порядку компонентов – SVO.

Принципиальные различия между вымышленными языками и вспомогательными языками

Кардинальные, принципиальные различия пролегают между проектами вспомогательных языков для международного общения типа эсперанто, идо и т.п.; и вымышленными языками, изначально предназначенными для сконструированных миров. Вспомогательные языки призваны

- а) стремиться к охвату как можно большего числа пользователей;
- б) наилучшим образом отражать в своей семантике окружающую нас действительность, а также образ мыслей людей Земли;

в) выполнять (в идеале) требование равной структурной простоты на всех уровнях для носителей разных естественных языков нашей планеты либо – по установкам других создателей искусственных языков – брать за основу один из естественных языков. Вообще, для вспомогательных языков характерно наличие целого ряда требований, изначально к ним предъявляемых. Вспомогательный язык – это язык, который «должен быть таким-то и таким-то». Модальность долженствования, необходимости главенствует и в манифестах создателей вспомогательных языков, и в дискуссиях, которые ведутся участниками движения вспомогательных языков, и в научных работах исследователей. Возьмем, например, меморандум 1901 года по теории создания вспомогательного языка, написанный Эдгаром де Валем, автором языка Auli. В нем сформулированы принципы так называемой «натуралистической интерлингвистики»:

1) язык международного общения должен быть основан на естественном языковом материале, общем для большинства существующих языков;

2) в лексический состав международного языка должны входить «интернационализмы»;

3) грамматика международного языка должна быть естественной, т.е. основываться на грамматических системах естественных языков;

4) международный язык должен быть целостным, автономным организмом, жить и развиваться по собственным законам, гармонично усваивая новые элементы;

5) подобный язык должен основываться на несложных фонетических и грамматических структурах, общих для европейских языков, должен казаться естественным языком и быть используемым как в научном, так и повседневном общении [Jacob 1947;45].

Подобной же модальностью долженствования и необходимости пронизаны высказывания всех крупных теоретиков и практиков конструирования вспомогательных языков (см. в частности [Jespersen 1928] [Jespersen1931]).

А вот пример того, как конкретизируются требования к вспомогательному языку на одном из современных сайтов, посвященных языковому конструированию:

легкость изучения для пассивного использования;
легкость изучения для активного использования;
узнаваемый словарь (для кого?);
культурная нейтральность;
легкая фонетика;
простая фонотактика.

Совершенно очевидно, что каждый из указанных параметров является относительным и спорным. Дискуссионность изначально предполагающихся требований к вспомогательным языкам делает проблемной саму первичную цель их создателей – широкое распространение языка (подробнее об этом см. ниже в параграфе «Обзор литературы»). Э. Сепир, веривший в возможность создания универсального вспомогательного языка, писал в 1931 г. в статье «Разыскивается: универсальный язык» о том, что требование простоты, предъявляемое к международному языку, не так просто, как кажется. Понятие простоты в естественных языках весьма относительно.

На первый взгляд, трудно спорить с тем, что английская грамматика проще немецкой. Но истинная ли это простота или кажущаяся? Просто или сложно то, что в английском языке одно и то же слово может быть и глаголом, и существительным: *to cut / a cut, to help / to give help* и т.п.? Это просто, поскольку в указанных случаях не требуется специального аффикса для образования существительного от глагола. Ср. в русском необходимость выбора между суффиксальным и бессуффиксным способом: *понимать – понимание, выбирать – выбор, реформировать – реформа* или *реформирование*. Но в английском часто такое существительное может обозначать не действие, а его результат (*a cut on the hand* – порез на руке) и нет формальных показателей, разделяющих акциональное и субстантивное значения. Далее, нет регулярности в употреблении существительных такого рода: по-английски можно сказать «give a person a shove» or «a push», но нельзя «give him a move» или «a drop». Наконец, формальное равенство глагола и существительного имеется не для всех пар, ср.:

to help: help
to obey: obedience
to grow: growth
to drown: drowning.

При этом существуют еще *helping, growing* и т.п.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении простота оказывается иллюзорной.

Другой пример. Является ли свидетельством простоты или сложности английского языка широкое употребление в нем ряда глаголов, например, «to put» и «to get»? Они используются в самых различных значениях и могут заменить многие другие слова. Но как следствие возникает их семантическая размытость. Неисконному носителю английского языка трудно разобраться в разнообразных значениях подобных глаголов, и эта трудность для него не компенсируется формальной легкостью грамматики начального уровня. То же касается других естественных языков. Исследуя те компоненты французского, немецкого и других языков, в которых они претендуют на простоту, мы рано или поздно убеждаемся в том, что простота и здесь кажущаяся. Э. Сепир приводит в своей статье многочисленные примеры этому.

В той же работе Сепир говорит о том, каким трудноопределимым и субъективным понятием является богатство языка – другое требование, предъявляемое к универсальному языку. Разумеется, нельзя перенести в него все тонкие оттенки смыслов, которые обнаруживают в своих естественных языках их носители. Но существует огромный фонд общих мыслей и чувств, которые должны выражаться универсальным языком, причем этот общий фонд будет расти, по мере того как будет расширяться коммуникация между людьми на новом языке. Недостаточное богатство искусственного языка по сравнению с естественными поначалу будет объясняться тем, что он не был в употреблении достаточно долго. С другой стороны, известно, что любой национальный язык, который выходит за границы своей нации и начинает употребляться как международный, очень быстро в этой своей функции обедняется и становится вовсе не богаче конструированного языка.

Более важным Сепир считал вопрос о творческих возможностях языка. С этим вопросом также связано много иллюзий. Сепир писал: «Все язы-

ки, даже самые примитивные, имеют огромные возможности создания новых слов и комбинации слов по мере необходимости, но теоретические возможности такого создания во всех национальных языках, которые имеет смысл рассматривать как претенденты на роль международного, у mažаются большим количеством иррелевантных факторов, которые бы не действовали на искусственный язык». Если взять опять же английский язык, то в нем обнаружится множество формальных ресурсов, которыми он не пользуется адекватно, например, суффикс *-ness*, который мог бы применяться для создания бесконечного количества слов, называющих качество (*smallness, opaqueness*), однако только некоторые из этих форм реализуются в языке. Имеется существительное *width*, но не *wideness*; *beauty*, но не *beautifulness*. Традиция национального языка препятствует ему «делать все, что он мог бы делать». Искусственный язык может следовать при образовании слов и их комбинаций законам логики, без оглядки на «диктат иррационального употребления». Разум современного человека, полагал Сепир, становится все более критическим и аналитическим, поэтому он должен создать для себя «логически неуязвимое» средство выражения, «соответствующее строгому духу современной науки». Это не значит, что сконструированный международный язык должен доходить до совершенства математической символической системы, но в нем, по выражению Сепира, «должен быть ощутим прогресс в этом направлении».

Обсуждая слово «вспомогательный» в определении международного языка, Сепир подчеркивал, что это слово подразумевает, что для грядущих поколений международный язык будет действительно выполнять вспомогательную роль, не пытаясь занять место языков национальных, но это не означает его ущербности как языковой системы. Он должен обладать свободой и силой самовыражения и способностью выполнять всю ту работу, которая ожидается от любого языка. Международный язык должен быть максимально прост, регулярен, логичен и в то же время обладать максимальным богатством и творческими возможностями. Он должен предъявлять минимальные требования к среднему человеку на первом этапе обучения, но в своем полном воплощении выполнять максимальное количество работы, превратившись в логический эталон для всех национальных языков и стандарт перевода. Конечно, это недостижимый идеал, — признает Сепир, — но идеалы и не должны достигаться, они предназначены для того, чтобы обозначить направление движения.

В рассуждениях Сепира собраны многие ключевые понятия и идеи, обсуждаемые в связи с вспомогательными языками: движение к идеалу; максимальная простота, регулярность, логичность, противопоставление законов логики «иррациональному употреблению», конкуренция с национальными языками. Ни одно из этих понятий и ни одна из этих идей не формулируются априорно конструкторами вымышленных языков. Для вымышленных языков, в отличие от вспомогательных, главными являются не всеобщие требования, не стремление к абстрактному идеалу, а индивидуальная творческая активность автора, цель, им самим поставленная, разнообразие реализаций. Эти языки и их создатели не «должны», а «могут». В сообществе создателей ВЯ неприемлем такой жанр, как меморандум или манифест, указывающий другим, по каким принципам должен строиться «правильный» ВЯ. Модальность возможности преобладает даже в инст-

рукциях и учебных пособиях по конструированию ВЯ: их цель, как мы увидим в соответствующем параграфе главы 4, не поставить лингвоконструкторов в жесткие рамки, а предложить им набор возможностей, перспективные линии развития, расширить их лингвистический кругозор.

Вымышленные языки, в отличие от вспомогательных:

- а) не претендуют на широкий круг пользователей;
- б) призваны передавать картину мира, принципиально отличную от привычной нам, иначе вымышленный мир будет неинтересен;
- в) не связаны требованиями структурной простоты или похожести на один из естественных языков, хотя, естественно, эта похожесть неизбежна, пусть даже на самом общем уровне (деление звуков на гласные и согласные, необходимость выбора того или иного порядка компонентов S – V – O в структуре предложения, деление слов на части речи и т.п.). Вымышленные языки ярко демонстрируют нам, какие из универсалий семантики и структуры естественных языков оказываются неизбежными – переносятся в ВЯ сознательно или неосознанно, не подвергаясь сомнению, а какие из языковых универсалий регулярно подвергаются пересмотру и попыткам преодоления.

Причину, побуждающую людей к «странному увлечению, созданию собственных языков (private languages)», в своем знаменитом эссе «Тайный порок» (1931) Дж. Толкин объяснил так: «Я пробовал языки на вкус, и они пронзали сердце лингвиста. Это лишь укрепило меня в стремлении создать несуществующий сказочный язык, который доставлял бы эстетическое наслаждение...» [Tolkien 1931; 91]. А поклонники эльфийских языков Толкина среди причин, по которым люди занимаются конструированием и изучением ВЯ, называют следующие: «Некоторые из нас увлеклись изучением эльфийского языка, получая от этого примерно такое же удовольствие, какое люди получают от разгадывания хорошо составленного кроссворда: сам факт того, что нет ни одной опубликованной эльфийской грамматики, написанной самим Толкином, превращает «взлом кода» в увлекательнейшую задачу. Другой причиной может быть чистый романтизм, особая форма погружения в литературу: изучая элдаринские языки, вы пытаетесь подобраться поближе к бессмертным эльфам, как бы проникнуть в сознание к ним – справедливым и мудрым, перворожденным Земли, учителям человечества в его юности. Менее романтическая причина – вы хотите изучить построения талантливого лингвиста и творческий процесс гения, создающего свое любимое детище. Наконец, многие просто наслаждаются эльфийскими языками, как музыкой, как изоощренными и (по мнению многих) исключительно успешными экспериментами в области благозвучия»⁵.

⁵ «Some of us have embarked on the study of Elvish, perhaps with somewhat the same attitude as people enjoying a well-made crossword puzzle: The very fact that no real Elvish grammars written by Tolkien have been published makes it a fascinating challenge to "break the code". Or it may be pure romanticism, a special form of literary immersion: by studying the Eldarin languages, you try to get closer to - indeed into the heads of - the immortal Elves, fair and wise, the Firstborn of Eru Ilavatar, teachers of mankind in its youth. Or, less romantically, you want to study the constructions of a talented linguist and the creative process of a genius engaged in his work of love. And many simply enjoy the Elvish languages as one might enjoy music, as elaborate and (according to the taste of many) gloriously successful experiments in euphony».

Таким образом, если вспомогательные языки изначально предназначаются для эффективного выполнения коммуникативной функции, то ведущим началом при конструировании вымышленных языков является поэтическая функция языка, по Р.О. Якобсону, связанная с «вниманием к сообщению ради самого сообщения» и восприятием языка «как эстетического объекта» [Якобсон 1984;245].

Отличия вымышленных языков от естественных

Отличия вымышленных языков от естественных более очевидны, чем отличия вымышленных языков от вспомогательных. Во-первых, ВЯ имеет конкретного автора, конструирующего ВЯ в соответствии с изначальным замыслом и придающего ВЯ желаемые черты. ВЯ возникает и развивается не стихийно. Во-вторых, для ВЯ, как мы уже отмечали, коммуникативная функция не является основной. В-третьих, ВЯ имеют ограниченную сферу бытования, функционируя в основном в виртуальном пространстве Интернета. В-четвертых, для естественных языков при всем том, что «каждый язык по своему членит действительность», окружающая действительность первична, она существует до и помимо языка и мышления человека. В проектах ВЯ язык, народ – его носитель и мир, населенный этим народом, обычно моделируются одновременно: автор ВЯ может попеременно «дописывать» фрагменты вымышленного мира, модифицировать языковые структуры и вводить в язык новые смыслы, а также разрабатывать образ народа, говорящего на языке. Работа лингвокреативного мышления автора ВЯ на начальном этапе отличается от лингвокреативного мышления в естественных языках, как его описывает Б.А. Серебренников: «Нетрудно заметить, что создание слов и форм в различных языках мира обнаруживает зависимость двойного рода. С одной стороны, это создание зависит от наличия в окружающем нас мире соответствующих предметов и явлений, с другой стороны, оно зависит от наличия слов и форм в данном языке, которые могли бы послужить базой для образования новых слов и их форм. В авербальном типе мышления такой зависимости нет, поскольку авербальное мышление не зависит от наличия знаков. Результаты проявления лингвокреативного мышления во многом зависят от наличия конкретного языкового материала. Отличительная особенность создания языка состоит в том, что практически язык никогда не создается на пустом месте. Он создается всегда при наличии некоторого количества слов и форм, оставшихся от предыдущего состояния. Этот остаток обладает двумя характерными особенностями: с одной стороны, он играет роль материальной базы для создания в языке нового, с другой стороны, он в известной степени ограничивает сам процесс лингвосозидательного мышления, ставя его в определенные условия. Наличный языковой материал может в известной степени накладывать известное ограничение при создании новых слов и грамматических формул» [Серебренников 1998; 204]. «Наличного языкового материала» конструируемого языка на первом этапе не существует (хотя он может заимствоваться частично из естественных языков), значит не существует и указанных ограничений лингвосозидательного мышления. Более того, исходный вариант ВЯ далеко не всегда мыслится его создателем как итоговая, сегодняшняя стадия развития языка. Есте-

ственный язык развивается в одном хронологическом направлении – из прошлого в будущее. А конструктор ВЯ может идти от первоначальной системы как в прошлое, сочиня историю вымышленного мира «вглубь», восстанавливая древние стадии развития языка, якобы предшествовавшие первоначально придуманной системе, так и в будущее, моделируя последующее развитие. Соответственно, при конструировании прошлых и будущих этапов развития ВЯ автор должен учитывать, с одной стороны, запланированные им изменения в вымышленной действительности, с другой – «наличные ресурсы языка». Но и эти «наличные ресурсы» можно в любой момент изменить, отредактировать, если они мешают автору моделировать прошлое и будущее языковой системы. Электронная форма существования авторских ВЯ и ограниченность круга пользователей позволяют это сделать.

Отсюда вытекает еще одно различие между ВЯ и естественными языками. Развитие первых выглядит не как непрерывный процесс, осуществляющийся в коммуникации между людьми, а как прерывистый, «скачкообразный» процесс, заключающийся в сознательном внесении изменений автором или пользователями языка (с санкции автора). Это может быть добавление новых слов или новых грамматических правил, снятие фонотактических ограничений или добавление морфонологического процесса. Новшество может быть более или менее логично вписано в систему языка. Иногда изменение производится непосредственно в ВЯ, по воле автора, просто желающего добавить новую черту или элемент в ВЯ, чтобы разнообразить его, украсить, заполнить имеющуюся лакуну, усилить ту или иную семантическую или грамматическую характеристику языка. В других случаях автор вынужден внести изменение в ВЯ из-за изменений, которые «имели место» в вымышленном мире, из-за событий, которые по воле конструктора или по логике вымышленного сюжета, вышедшего из-под контроля автора, там произошли. Например, диалектные различия могут быть добавлены в язык создателем просто потому, что ему «так захотелось» (из эстетических соображений или в порядке лингвистического упражнения), или потому, что в фикциональном мире вымышленный народ разделился на несколько племен и некоторые из них отправились, скажем, завоевывать другие планеты.

*Языки Толкина,
клингон и D'ni как конланги, имеющие особый статус*

Nobody believes me when I say that my long book [The Lord of the Rings – М.С., О.Ш.] is an attempt to create a world in which a form of language agreeable to my personal aesthetic might seem real. But it is true. An enquirer (among many) asked what the L.R. was all about, and whether it was an allegory. And I said it was an effort to create a situation in which a common greeting would be *elen si-'la lu-'menn omentielmo* ['A star shines on the hour of our meeting'], and that the phrase long antedated the book.
Из письма Дж. Р.Р. Толкина сыну Кристоферу, 21 февраля, 1958

1. Дж. Р.Р. Толкин как вдохновитель движения конлангеров

Несмотря на то, что многочисленные попытки конструирования языков в художественной литературе известны и до Дж. Р. Толкина, «отцом»

движения энтузиастов-языкотворцев все-таки следует считать его. Считается, что Толкин был творцом почти двух десятков языков своего фантастического мира — Арды. Среди них

Квенья (Quenya) — древний язык эльфов;

Синдарин (Sindarin) — язык серых эльфов;

Адунаик (Adunaic) — язык людей Нуменора, сложившийся под влиянием эльфийских и кхуздула (см. ниже);

Вестрон (Westron) — общий язык народов Арды, происходящий из слияния адунаика с языками других народов; если адунаик разработан Толкином весьма подробно, то от вестрона известно лишь несколько слов и словосочетаний;

Другие человеческие языки Средиземья (язык рохиррим, язык людей Дэйла и др.) — известны нам лишь в малой степени⁶;

Телерин (Telerin) — язык морских эльфов;

Дориантрин (Doriathrin) — родной язык Лютуиен;

Нандорин (Nandorin) — язык лесных (зеленых) эльфов;

Старый Синдарин (Sindarin) — нечто среднее между начальным эльфийским и языком серых эльфов;

«потерянный язык» **Илкорин** (Ilkorin);

известный по всего нескольким словам **Аварин** (Avarin);

Кхуздул (Khuzdul) — секретный язык гномов, на котором звучит во «Властелине колец» их боевой клич: «Барук Кхазад! Кхазад ай-мену!»;

энтский язык — медлительный и певучий язык Пастырей деревьев;

оркские языки и «**черная речь**» (the Black Speech) — язык, созданный Сауроном во вторую эпоху, именно на нем было произнесено заклятье кольца);

Валарин (Valarin) — язык валаров и майаров, первый из языков Арды;

начальный эльфийский язык (Primitive Elvish).

Некоторые из этих языков разработаны Толкином (и его последователями) весьма детально и вполне пригодны для пользования. Так, на двух основных эльфийских языках — Квенья и Синдарине — имеется обширный корпус поэтических произведений, на них переведены некоторые важнейшие тексты человеческой культуры, в частности молитва «Отче наш». От других языков Арды нам известны горсточки собственных и нарицательных имен и зачатки грамматики.

Конструирование языков интересовало великого англичанина еще до начала его работы над историей Средиземья. Известны придуманные Толкином в юности языки анималик (Animalic), невбош (Nevbosh) и наффарин (Naffarin).

Реальность языков Арды для сознания поклонников и исследовате-

⁶ Считается, что «книги "Хоббит" и "Властелин Колец" Толкина представлены им самим как переводы мемуаров хоббитов, которые были написаны, естественно, на всеобщем языке (вестроне). При этом "перевод" вестрон стал английским, а языки, родственные вестрону стали языками, родственными английскому. Так, например, язык рохиррим в книгах Толкина представлен древнеанглийским, так что имена рохиррим, упомянутые в тексте (Теоден, Эомер, Грима и т.д.), на самом деле древнеанглийские. Языки северян (например, людей Дэйла) представлены древнеисландским, на этом же языке — имена гномов и Гэндальфа» [stra.teg.ru; 2002].

лей Толкина подтверждается серьезностью лингвистической проблематики, возникшей в связи с ними. Статьи, обсуждающие происхождение и эволюцию Синдарина, формирование «нормы» этого эльфийского языка, который Толкин несколько раз подвергал значительной переработке, весьма напоминают научные дискуссии об истории естественных языков. Не случайно, публикация этих статей на одном из англоязычных сайтов, посвященных языкам Толкина, предваряется предупреждением для неискушенных в лингвистике читателей о том, что в силу своей проблематики эти работы весьма терминологичны и представляют собой не популярные, а научные материалы. Тем не менее популярность лингвистического толковедения весьма велика, о чем свидетельствует, например, тот факт, что материалы самого популярного англоязычного Интернет-сайта, посвященного языкам Толкина, — **Ardalambion** <http://www.uib.no/People/hnohf/index.html> — переведены энтузиастами и профессионалами на десятки языков (от русского до корейского, от португальского до иврита, от польского до норвежского) и опубликованы на разных языках в полиграфическом виде.

Первые исследования по языкам Толкина появились в конце 1970-х годов после публикации черновики и незаконченных работ писателя, предпринятой его сыном Кристофером. Первыми ласточками стали в большой степени наивно-лингвистические книги «Введение в эльфийский» (An Introduction to Elvish) Д. Аллена (1978) и «Основы квэнья» (Basic Quenya) Н. Мартч (1984). Собственно лингвистическими можно назвать труды В. Флигера, Д. Харви и Р. Хелмса. С тех пор изучению подвергались все аспекты ВЯ Толкина – словарь, грамматика, фонология, история языков. Промежуточный итог исследованиям подвели два монументальных издания, вышедшие в начале 1990-х годов: «Рабочий словарь Толкина» (A Working Tolkien Glossary) в 7 томах (под ред. К. Толкина) и «Словарь эльфийских языков» (Dictionnaire des langues elfiques] Э. Ж. Клоцко.

Клингон

Второе место по популярности после толкиновских языков среди фантастических «конлангов» занимает клингон – язык из сериала «Star Trek», аудитория которого составляла, согласно статистике, еженедельно более, чем 30 миллионов телезрителей (<http://www.startrek.com/trekkies/funfacts.html>). Он был создан доктором лингвистики Марком Окрандом на основе исчезнувших языков американских индейцев, при этом с установкой на максимальное отличие от языков Земли, и представляет собой агглютинативный язык со структурой предложения OVS – «объект – глагол – субъект». В клингоне нет категории времени, нет рода, нет прилагательных; в нем оригинальная система письма (звуки, похожие на звуки английского языка, обозначаются строчными буквами, а звуки, отличающиеся по артикуляции от английских, — заглавными). Грамматические значения в клингоне выражаются богатым набором суффиксов, прикрепляющихся к субстантивному и глагольному корням. Некоторые суффиксы имеют фиксированную позицию в слове, другие – име-

ют разные значения в зависимости от позиции. Еще больше оригинальности в систему клингона вносят глагольные префиксы, одновременно обозначающие и субъект, и объект. Словарь клингона претендует на полную априорность.

Впервые несколько слов на языке воинственной космической расы клингонов прозвучали на телеэкранах в декабре 1967 года, их изобретателем был Дж. Духан (James Doohan). После выхода третьего кинофильма «Star Trek» фантастическая раса клингонов стала настолько популярной среди зрителей, что киностудия Paramount решила нанять профессионального лингвиста для конструирования клингонского языка.

С 1992 года в США существует Институт клингонского языка, занимающийся его изучением и распространением (<http://www.kli.org/>). В этом институте работают филологи, психологи, специалисты по информатике. Институт выпускает рецензируемый научный журнал на клингонском языке «HolQeD», содержащий статьи по клингонской культуре и языкознанию. О серьезности этого издания говорит то, что оно состоит на учете в Библиотеке Конгресса США (ISSN 1061-2327) и в каталогах Ассоциации современных языков (Modern Language Association). По клингону защищен ряд диссертаций (см., например, http://us.geocities.com/judith_hh).

Есть люди, свободно владеющие клингоном и даже создающие на нем литературные произведения⁷. На клингон переведены несколько пьес Шекспира⁸, на клингоне написана и исполнена опера. А для желающих его изучить созданы словари, учебники, пособия с кассетами – так же, как и для изучающих любой естественный язык. Словарь клингона, составленный Окрандом, разошелся тиражом в четверть миллиона экземпляров к 1995 году. Образы «Star Trek» за более чем 30 лет существования сериала прочно внедрили в массовую культуру и сознание людей в разных странах, поэтому неудивительно, что общества интересующихся клингонским языком есть в нескольких десятках стран. О том, что клингон воистину является межкультурным языком, свидетельствует сайт <http://www.asahinet.or.jp/~VZ4S-KUBC/tlindex.html#divihol>, созданный японским клингонистом Шиничиру Кубучи (Shin'ichirou Koubuchi). Японский энтузиаст не только составил руководство по клингонскому произношению на своем родном языке, но и перевел на клингон Ф. Кафку. Известны даже удиви-

⁷ О количестве клингоноговорящих землян спорят: одни исследователи утверждают, что таких энтузиастов уже столько, что можно говорить о клингоне как о живом языке, другие полагают, что «все, кто говорит на клингоне, могли бы собраться за одним обеденным столом» <http://donh.best.vwh.net/Esperanto/EBook/chap03.html#klingon>.

Естественно, преувеличивать реальное функционирование клингона склонны участники движения ВЯ, а конлангеры, занимающиеся международными вспомогательными языками, напротив, имеют тенденцию преуменьшать значимость клингона. См., например, статью одного из главных организаторов движения клингонистов Г.Проечела (Glen F. Proechel) «Клингон и эсперанто: странная парочка?» <http://donh.best.vwh.net/Languages/klingon.html>.

⁸ На странице <http://www.geocities.com/Athens/8853/index.html> среди многих других материалов о клингоне и на клингоне можно найти переводы «Гамлета» и Нового Завета, выполненные Проечелом.

тельные попытки нескольких любителей клингона воспитать из своих детей естественных носителей клингонского языка (англо-клингонского двуязычия).

Основная проблема сегодняшнего клингона в том, что последователи Окранда не могут договориться, как развивать лексикон этого языка дальше: создавать новые лексемы, используя только внутренние ресурсы клингона, или заимствовать из земных языков. Будучи изначально языком воинственной расы, клингон особенно скуден «мирными» словами, тогда как военный словарь в нем неплохо разработан. Нет согласия в среде клингонистов и по поводу системы письма: не всеми признается принятый Институтом клингона «pIqaD» — так на этом языке называется «имперский клингон».

Трудно сказать, сохранится ли жизнеспособность клингона, если сериал, с которым он связан, надолго прекратится или потеряет свою популярность.

D'ni

Язык D'ni был создан для серии компьютерных игр «Myst» сотрудником компьютерной фирмы Cyan Worlds Ричардом А. Ватсоном. По сюжету, это язык внеземной расы, прибывшей на землю. Название языка служит самоназванием народа и именем города на Земле (точнее, под землей, под городом Мехико), населенного этим народом. В компьютерных играх серии «Мист» язык D'ni был представлен в виде ряда слов, которые произносили персонажи, и надписей на стенах и предметах. Более подробная информация извлекается из трех книг, вышедших по следам серии. Существует Интернет-сообщество любителей игры и языка D'ni. Под руководством самого создателя языка Ватсона в Интернете желающие могут изучать D'ni, разгадывая лингвистические загадки, которые загадывает изобретатель языка, и расшифровывая имеющиеся надписи. Таким образом, этот конланг стоит особняком среди других: фактически его создание происходит коллективно, в онлайн-режиме, но поклонники вымышленного мира «Мист» принимают допущение, что язык уже существует в готовом виде, однако открывается им по частям. См. http://en.wikibooks.org/wiki/D%27ni_grammar:Foreword.

В целом, изучение языка D'ni сопоставимо с изучением исчезнувшего естественного языка. Имеется ряд исходных надписей: надпись на Золотом куполе, надпись на школьной доске, молитвы, написанные на стене арки, надпись на стене комнаты с картами и т.п. Из них извлекается лингвистическая информация, дополняется словарь и грамматика D'ni. Подобным занятиям посвящены десятки сайтов, см., например: http://www.eldalamberon.com/dni_dict.htm, <http://linguists.riedl.org/old/linguists.htm>, <http://linguists.bahro.com/>.

Особое место D'ni обусловлено не исключительной популярностью «Мист» (многие компьютерные игры имеют гораздо больше приверженцев), а тем статусом, который авторы серии придали языковому компоненту вымышленного мира, и той лингвистической «интриге», которая завязана и поддерживается вокруг D'ni его создателем. Например, онлайн-вая

ролевая игра «Ультима» (Ultima) собирает большую аудиторию, чем «Мист», можно даже утверждать, что ее мир более интересен, обширен и детально разработан, но ее ВЯ не вызывают у пользователей такого энтузиазма, как D'ni, поскольку авторы «Ультимы» не организуют исследовательской и творческой деятельности пользователей вокруг языков своего вымышленного мира.

Обзор литературы, посвященной вымышленным языкам

В отличие от исследований, посвященных искусственным международным языкам типа эсперанто, идо или ложбана⁹, работы, серьезно трактующие проблему вымышленных языков, исчисляются единицами. Тем не менее в имеющейся литературе подняты важные вопросы, связанные с причинами, побуждающими людей к языковому конструированию, способам этого конструирования и бытованием ВЯ в виртуальной и реальной среде. Целью данного параграфа является краткий обзор нескольких интересных работ такого рода.

В 1985 г. профессор английского отделения Парижского университета Дени-Дидро М. Ягелло (M. Yaguello) выпустила книгу под названием «Лингвистические лунатики» (английский перевод — «Lunatic Lovers of Language: Imaginary Languages and Their Creators», translated by Catherine Slater, 1991, London). В ней она красочно описывает изобретение языка как акт безумия: «Вы только посмотрите на лунатика, влюбленного в язык! Он сидит в уставленном книжными шкафами кабинете, он собирает горы информации, он упорядочивает и классифицирует ее, он составляет списки и заполняет картотеки. Он в тисках номинативной горячки, таксономического безумия. Он должен дать всему имя, но прежде чем дать имена, он должен выявить и расклассифицировать понятия, втиснуть целую Вселенную в систему условных знаков: создать перечни, иерархии и парадигмы». С помощью карикатурного изображения Джона Уилкинса (автора «универсального классификационного языка», заменившего произвольность и изменчивость знаков естественного языка на законы логической категориальной схемы – 1668 год) Ягелло нападает на всех конлангеров, называя их «дилетантами, влюбленными в язык и языки и не сведущими в науке о языке». Прибегая к поддержке психиатров, обнаруживших связь между шизофренией и стремлением говорить на непонятном другом языке, Ягелло настаивает на патологическом характере лингвоконструирования. «Персонажи» Ягелло могут действительно представляться опас-

⁹«Первый аспект изучения МИЯ является, главным образом, социолингвистическим: МИЯ исследуются с точки зрения их общественного функционирования и рассматриваются параллельно с другими явлениями, объединяемыми общей проблемой «язык и общество»: билингвизмом, интерференцией языков, проблемой стихийного и сознательного в языке, вопросами языковой политики и пр. Второй аспект является, главным образом, лингвосомиотическим: рассмотрению здесь подвергаются онтологические характеристики МИЯ, их сходства и отличия от других знаковых систем, типологические основы классификации МИЯ» [Кузнецов <http://miresperanto.narod.ru/esperantologio/tipologija.htm>].

ными, потому что она специально выбирает наиболее странные фигуры среди творцов языков – людей с психологическими или социальными странностями. Критике подвергаются самые разные лица – от академика Марра до Л. Заменхофа – творца эсперанто, от медиума Хелен Смит, умевшей вводить себя в самогипноз, в котором она начинала «говорить по-марсиански»,¹⁰ до массы их «наивных» последователей. Книга Ягелло получила широкую поддержку от тех, кто, подобно Дж. Шнаппу (J. Schnapp), называл языковое конструирование «углоссией» (аналогично утопии) или, подобно У. Эко, считал такую деятельность «техническим безумием», глоттоманией. Участники конлангерского движения, естественно, восприняли работу Ягелло весьма негативно.

Мнение Дж. Шнаппа, профессора Стэнфордского университета, более взвешенное, он называет конлангеров «филологами воображаемых миров», хотя и настаивает на том, что изобретение языков – занятие инфантильное, что любой вымышленный язык всегда беднее естественного (для него ВЯ – это «improvements of the natural languages»).

Создатель одного из основных Интернет-ресурсов, посвященных языковому конструированию — conlang.com (см. описание во второй главе), Дж. Хеннинг смотрит на конланги с другой точки зрения, называя их «языками-моделями». Под моделью Хеннинг понимает минимизированное, упрощенное представление какого-либо объекта, сохраняющее его существенные черты. Создание конлангов, по Хеннингу, естественное проявление человеческой творческой активности, подобное любому моделированию – постройке моделей поездов и самолетов, участию в ролевых играх и т.п. Интернет лишь объединяет энтузиастов языкового конструирования-моделирования. Оппоненты Хеннинга утверждают, что, напротив, Интернет, внося элемент соревновательности и давая возможность людям публично продемонстрировать их «достижения», провоцирует бесполезную глоттоманию, захватывающую, как наркотик. «Язык, — утверждают противники конлангов, — наша самая естественная «технология», социальная машина, используемая миллионами. Она должна работать. Язык, у которого нет аудитории, нет других говорящих на нем, это не язык». Точку зрения противников конлангов отражает также художественная литература: зачастую в фантастических произведениях изобретением языка занимается ученый-маньяк или просто шизофреник.

¹⁰Хелен Смит – псевдоним Катерины Элизы Мюллер, жившей в конце XIX – начале XX века в Женеве. «Марсианские» видения Х. Смит привлекли к себе внимание многих известных психиатров того времени и такого серьезного лингвиста, как Ф. де Соссюр. По сей день Х. Смит, рассказывавшая, находясь в трансе, необыкновенные истории о «жизни на Марсе» на «марсианском языке», представляет загадку для ученых, интересующихся парапсихологическими явлениями. Есть мнение, что несуществующий язык, на котором Смит бегло говорила, был ее бессознательным изобретением. Материалы на эту тему, которые равно можно считать научными и ненаучными, находятся, например, на сайте международного общества «Жизнь после смерти»: <http://www.survivalafterdeath.org/mediums/smith.htm> – биография Х. Смит; <http://www.survivalafterdeath.org/articles/cifali/martian.htm> – статья М. Сифали «Творение марсианского: создание воображаемого языка». Подобного рода парапсихологические феномены лежат вне поля нашего исследования.

Сара Л. Хигли (Sarah L. Higley) в статье «Аудитория, углоссия и конланг» ставит вопрос об аудитории, на которую нацелены вымышленные языки, иными словами, о «потребителях» конлангов, причем не таких конлангов, как эсперанто или оксиденталь, имеющих несомненный круг пользователей, и даже не таких, как клингон или квения. Два последних языка, будучи изначально порождениями индивидуальных сознаний, обрели в силу своей связи с популярнейшими вымышленными культурами множество поклонников, а вложенные в их распространение средства помогли тысячам людей овладеть этими языками, стать в полном смысле слова их носителями. Но Хигли интересуется иной феномен – проекты ВЯ в Интернете. Важно учесть, пишет Хигли, что конлангеры не изобретают «индивидуальный язык», о невозможности которого писал Л. Виттгенштейн, не изобретают язык для выражения «индивидуальных чувств и настроений», отличающихся от тех, которые выражает естественный язык. Создатели конлангов наполняют свои новые слова общественно значимыми смыслами, существующими в естественных языках. Отличие от естественных языков состоит в другом: конланги – это действительно модели, артефакты. Соответственно они и функционируют. Никто не плавает на модели парусника. Никто не думает и не говорит на конланге, хотя с конланга и на конланг можно переводить. Возражая Шнаппу и поддерживая Хеннинга, Хигли пишет: «Безусловно, конланги не способны воспроизвести все тонкости и историю реальных языков, но называть их «обеднениями естественных языков» так же странно, как было бы назвать кукольный домик «обеднением настоящего дома». Откуда это отношение к ВЯ как к угрозе или как к чему-то незначительному?» Хигли сама отвечает на свой вопрос: такое отношение – результат того, что изобретают языки одни люди, а критикуют другие, плохо понимающие суть движения конлангеров. Эта область языковой деятельности требует профессионального переосмысления.

Далее Хигли задается вопросом о месте изобретения языков в структуре человеческой деятельности: что это? Может быть, искусство? И к «аудитории» ВЯ надо относиться не как к пользователям реального языка, а как к аудитории произведений искусства? В этом случае создание языков ближе к музыке, чем, скажем, к архитектуре. «Аудитория» архитектора наслаждается его творением, не участвуя в его развитии. Конланги могут осваиваться, присваиваться и «исполняться» пользователями, как музыка. Но и от музыки их отличает важный параметр: большая их часть не звучит, они существуют на экране компьютера.

Проблема соотношения вымышленных языков и международных вспомогательных языков рассматривается в статье Р. Харрисона «Прощание с вспомогательными языками» (<http://www.rickharrison.com/language/farewell.html>) [Harrison 1997]. По словам автора, отдавшего несколько лет жизни бесконечной войне между сторонниками и противниками вспомогательных языков, эта статья знаменует его отказ от системы убеждений, свойственной сторонниками вспомогательных языков, и должна послужить предупреждением для любого, кто готов вступить на этот шаткий путь. Основные тезисы таковы:

1) Общественное признание искусственных вспомогательных языков весьма маловероятно: если трудности и исключения из правил в естест-

венных языках люди готовы принять просто потому, что «это так устроено», то любую грамматику и словарь вспомогательного языка они рассматривают «под микроскопом» и выражают неприятие любого языкового элемента, который кажется им произвольным или отклоняющимся от правила. Дело даже не в том, что в каждом вспомогательном языке можно найти такие элементы, дело в силе общественного предубеждения. Харрисон приводит яркий пример: у студентов колледжа вызвало смех сообщение о том, что в эсперанто слово, обозначающее «мать», образуется от слова, обозначающего «отец», вставкой аффикса. «Нет сомнения, что те же студенты спокойно и уважительно выслушали бы сообщение о таком факте, если бы оно касалось какого-нибудь естественного языка», — говорит Харрисон. Люди готовы принять произвольности и нерегулярности, которые «изобретены или принимаются целой культурой», но они не принимают подобные «баги»¹¹ в языке, который был создан одним или несколькими «конструкторами».

2) Основное занятие большинства людей, интересующихся проблемами вспомогательных языков, — бесконечные и бессмысленные споры по одним и тем же проблемам. Дебаты по поводу того, какими чертами должен обладать вспомогательный язык, продолжаются столетия, и им не видно конца. Очевидно, что невозможно прийти к соглашению, например, о том, какой словарь лучше — априорный (одинаково чуждый всем носителям естественных языков) или апостериорный (обеспечивающий большую легкость изучения для носителей определенных языков). Соответственно, к движению международных вспомогательных языков примыкают обычно люди, настроенные на спор, на несогласие. Догматизм участников этого движения и их постоянные дискуссии сделали их париями, персонами нон-грата на многих Интернет-ресурсах, где собираются любители языков. На сайтах, где происходит общение конлангеров, наблюдается тенденция выделить auxlanger-ов в отдельную группу, в отдельный форум, чтобы избавиться от их бесконечных споров и агрессивности. Редакторы журналов, которым по неосторожности довелось поместить хоть одну статью за или против эсперанто, жалеют об этом, оказавшись под огнем сторонников разных точек зрения. Auxlanger-ы нападают и защищаются. Новые проекты вспомогательных языков при ближайшем рассмотрении служат именно этой непрекращающейся войне. Агрессивность и догматизм auxlanger-ов, непрекращающееся «переливание из пустого в порожнее» в любом месте лингвистических дискуссий, куда их допустят, — все это послужило созданию образа «чокнутых», а этот образ в свою очередь негативно влияет на отношение общества к конструированию языков в целом.

3) Между вспомогательными языками и вымышленными (их Харрисон называет «художественными» — artlangs, понимая под этим «искусственные языки, сконструированные для удовольствия создателя как произведения лингвистического искусства») есть сходства и различия. «Создатели вымышленных языков конструируют языки по своему вкусу, открыто признавая это. Создатели вспомогательных языков тоже следу-

¹¹Харрисон использует термин, обозначающий неполадку в компьютерной программе.

ют за своими предпочтениями, но некоторые из них это упорно отрицают», — пишет Харрисон. Auxlanger призывает на помощь статистику и сложными умозаключениями пытается доказать, что именно он нашел единственно правильный способ конструирования языка. Каждый создатель вспомогательного языка свято верит в то, что «все остальные неправы». Среди создателей вымышленных языков такого отношения к творчеству коллег не наблюдается.

Соглашаясь с тем, что от некоторых вспомогательных языков можно получить эстетическое удовольствие, что целый ряд их представляет собой великолепные создания человеческого воображения, Харрисон утверждает: «Если бы эти интересные проекты были предложены миру в качестве вымышленных языков, а не вспомогательных, они бы имели огромный успех, потому что единственная цель вымышленного языка — доставлять удовольствие автору и его единомышленникам. Но эти проекты были представлены как всемирные вспомогательные языки, и мир их отверг, они потерпели неудачу». Харрисон приводит примеры высказываний auxlanger-ов, выражающих удивление тем, что людей могут интересовать вымышленные языки типа клингона или языков Толкина. Они не могут понять тот факт, что фантастическая и позитивная атмосфера, складывающаяся вокруг ВЯ, естественно, привлекает людей больше, чем агрессивная атмосфера постоянных скандалов в среде auxlanger-ов. Харрисон отмечает принципиальное различие в «социальном климате» сообществ создателей ВЯ и вспомогательных языков. Auxlanger-ы нацелены на соревнование, критику друг друга, обнаружение слабых мест в других проектах. Сообщество конструкторов ВЯ настроено на сотрудничество, на обнаружение положительных, сильных сторон в новых проектах, а не на нападки на слабые места.

Иногда auxlanger-ы утверждают, что для того, чтобы привлечь к искусственному языку больше пользователей, требуется более совершенная конструкция языка. Это не так. Обычные люди (не те, кого можно назвать «лингвофилами») учат язык потому, что их привлекает культура народа, говорящего на этом языке. Язык становится востребованным в международном масштабе не из-за своих структурных свойств, а из-за той культуры, которая за ним стоит. Когда авторы новых проектов вспомогательных языков декларируют, что их языки не принадлежат никакой отдельной культуре, они не замечают, что именно эта оторванность от культуры делает такие языки неинтересными для широкой аудитории. ВЯ, напротив, обычно связаны с реальными субкультурами или с фикциональными мирами и народами. Эта связь языка и культуры, отсутствующая у большинства вспомогательных языков, делает ВЯ привлекательными [там же]. И, добавим, перевешивает даже тот фактор, что на большинстве ВЯ «не с кем поговорить», в чем они явно уступают языкам вспомогательным.

Культовой фигурой в движении конлангеров является современная американская писательница, автор многих известных фантастических романов — Сюзетт Хаден Элджин (Suzette Haden Elgin). Она родилась в 1936 году в штате Миссури, закончила университет Сан-Диего и защитила две докторских диссертации по лингвистике — по английскому языку и

по языку навахо. До 1980 г. Элджин была профессором университета, в настоящее время – на пенсии, продолжает писать и заниматься общественной деятельностью (она феминистка). Для своей серии романов «Родной язык» Элджин создала феминистский язык Лаадан (Láadan), словарь и грамматика которого были опубликованы в 1988 г. Помимо конструирования языков, Элджин написала большое количество трудов по искусству общения, в частности по «вербальной самозащите». На ее личном сайте (<http://www.sfw.org/members/elgin/SiteMap.html>) находится ряд теоретических работ по лингвистике, в том числе по языкам научной фантастики и по лингвоконструированию. В работе «The Language Imperative» анализируются как социолингвистические, так и собственно лингвистические проблемы, связанные с искусственными языками, а также поднимается вопрос о роли научной фантастики в лингвоконструировании.

В главе под названием «Can a language be owned?» Элджин ставит вопрос о правах создателя языка на свое изобретение и последствиях, вытекающих из этих прав, в том числе о роли финансовых факторов в движении конлангов. Рассматриваются разные случаи: приобретение Британским советом прав на вспомогательный язык Basic English, судебные тяжбы между Дж. Брауном – создателем Логлана – и группой реформаторов Логлана, наконец, о той позитивной роли, которую, по мнению Элджин, сыграл в сознании среднего американца, не желавшего знать чужих языков, Клингон — ВЯ, начавший свой путь с нескольких слов в сериале Star Trek и изучающийся сейчас тысячами людей в мире. При всем своем «внеземном» облике, нарочитой сложности языковой системы Клингон получил широкое распространение (поддержанное, разумеется, финансово и рекламно одной из крупнейших голливудских киностудий – Парамаунт) и, безусловно, вышел из-под контроля М. Окранда, бывшего его единственным создателем. Отношение к своему конлангу – Лаадану – Элджин определяет так: она создала его, но не рассматривает себя как его владелица или руководительница этого проекта. Он был частью ее научной работы, был лингвистическим экспериментом и воспринимался в связи с этим совершенно серьезно. Ей и не могло прийти в голову заниматься его «маркетингом», но когда проект был опубликован, она не намерена больше контролировать «развитие» Лаадана. Таким образом, Элджин выступает против претензий авторов распространяющихся ВЯ на эксклюзивное право вносить изменения в язык и любым образом управлять его развитием.

Собственно лингвистические проблемы поднимаются в главе «Связь между языком и восприятием реальности», где гипотеза лингвистической относительности иллюстрируется на примере фантастического романа Дж. Вэнса (Jack Vance) «Языки Пао». В нем речь идет о государстве, которое формировало своих подданных для будущей профессии еще в детстве, заставляя выучивать один из вариантов национального языка, – специально «отредактированный» для той или иной сферы деятельности (военная, дипломатическая, торговая, творчество и т.п.). К такому положению паониты пришли не сразу, разные языки были искусственно разработаны и внедрены в силу необходимости. Раньше в языке Пао не было глаголов, соответственно, они мыслили категориями состояния, а не действия и не

могли сопротивляться внешней агрессии. Теперь же будущие солдаты получили язык с четкой, «строевой» (в смысле «строевой подготовки») грамматической структурой и лексиконом, формировавшим мышление защитника отечества: слова *удовольствие* и *сопротивление*, *отдых* и *стыд*, *инопланетянин* и *враг* в этом языке синонимы. С другой стороны, для носителей разных языков Пао одно и то же слово или выражение стало означать разные понятия, например, значение выражения «человек, добившийся успеха», коренным образом различается в языке солдат, торговцев, изобретателей и других категорий граждан Пао. Сначала все шло успешно. Конец государству, построенному на «лингвистической относительно-сти», пришел, когда группа заговорщиков тайно выучила несколько языков, позволивших им переосмыслить действительность и по-другому «управлять» ей.

Помимо собственно проекта ВЯ Лаадан, Элджин является автором книги «The Linguistics & Science Fiction Sampler» (1994) и ряда опубликованных в Интернете обзоров по этой теме. В книге в частности предлагаются советы по конструированию ВЯ. Фантастическая литература трактуется исследовательницей как полигон для лингвистов, позволяющий им экспериментировать и делать интересные наблюдения над языком. В одной из статей, посвященной использованию языка в качестве механизма для решения проблем человечества и использованию НФ в качестве лаборатории для изучения этих лингвистических решений, говорится о том, что язык – самый мощный механизм, который у нас есть для изменения отношения людей к миру и друг другу и для передачи информации. Большинство экспериментов, связанных с оказанием влияния на людей при помощи языка, не могут проводиться в реальном мире, прежде всего из этических соображений. На помощь приходит «мысленная лаборатория» научной фантастики. Как использовать ресурсы НФ для языковых исследований? Можно моделировать ситуации, «do things with words» и наблюдать, что получится, каковы будут последствия. Например, с помощью введения в лексикон человека новой номинации можно изменить фокус его внимания, как это происходит на страницах романа Элджин «Родной язык», когда один из персонажей учит другого новому слову — ‘athad’:

«When you look at another person, what do you see? Two arms, two legs, a face, an assortment of parts. Am I right? Now, there is a continuous surface of the body, a space that begins with the inside flesh of the fingers and continues over the palm of the hand and up the inner side of the arm to the bend of the elbow. Everyone has that surface; in fact, everyone has two of them.

I will name that the ‘athad’ of the person. Imagine the athad, please. See it clearly in your mind — perceive, here are my own two athads, the left one and the right one. And there are both of your athads, very nice ones.

Where there was no athad before, there will always be one now, because you will perceive the athad of every person you look at, as you perceive their nose and their hair. From now on.... Now it exists.»

Этот процесс Элджин называет «позитивной сменой фокуса» (positive linguistic refocusing). Возможен обратный процесс – негативная смена фокуса (negative linguistic refocusing): «Возьмите нечто, что уже существует, и спрячьте, сделайте так, что трудно или невозможно будет обратить на

это внимание, или подчеркните в объекте то, что не хотите прятать, и замаскируйте то, что хотите скрыть. Например, возьмем «firing employees» и назовем это действие «letting people go» (как будто мы даем им свободу, которой они жаждали) или «shedding employees» (словно это природный процесс, подобный падению листьев осенью, который компания не контролирует и за который не отвечает). Оба эти процесса смены фокуса можно смоделировать в ВЯ фантастического произведения и наблюдать их последствия. Естественно, свой ВЯ феминистка Элджин стремилась обустроить так, чтобы и позитивная и негативная смена фокуса происходила в духе борьбы с «мужским шовинизмом».

Для нас важно то, что в работах Элджин — профессионального лингвиста, в то же время имеющего опыт языкового конструирования и успешно занимающегося литературным творчеством, проблема ВЯ связывается, во-первых, с теорией лингвистической относительности, во-вторых, с проблемой эффективности общения между людьми, и наконец, с изучением коммуникации в фантастической литературе, где могут моделироваться разнообразные ситуации межличностного и межкультурного общения, создаваться фикциональные миры для «функционирования» самых разнообразных ВЯ, а главное — решение лингвистических проблем включается там в сюжетные, причинно-следственные связи. В НФ есть возможность не просто сконструировать тот или иной тип ВЯ, ту или иную коммуникативную ситуацию, но и проанализировать, «что было бы, если бы...»

Глава 2

Вымышленные языки в мире – фантастическом, реальном и виртуальном

Imagination is more important than knowledge.
Knowledge is limited. Imagination encircles the world.

А. Эйнштейн

Спрос определяет предложение. В том числе и в гуманитарной сфере. Поэтому сегодня, если вы хотите построить свой собственный мир, вы можете, например, записаться на дистанционные курсы World Builders при Государственном университете Калифорнии, Лос-Анджелес (California State University, Los Angeles) <http://www.world-builders.org/>. Там вас научат, как смоделировать солнечную систему, более или менее отличающуюся от нашей, поверхность планеты и климат, возникновение жизни и разнообразие жизненных форм и так далее, и тому подобное. Можно пойти иным путем – воспользоваться одной из доступных в Интернете программ конструирования миров или многочисленными инструкциями, охватывающими самую разную проблематику: от того, как избежать расовых и национальных стереотипов при создании вымышленных обществ, до принципов моделирования религии, от изобретения «не-дарвиновской» системы эволюции до конструирования «конца света» в одном отдельно взятом вымышленном мире (см., например, <http://www.seventhsanctum.com/www/wwwfull.html> или <http://hiddenway.tripod.com/world/>). В любом случае рано или поздно вы доберетесь до того момента, когда в вашем фантастическом мире появятся разумные существа, а значит вы должны будете обеспечить их вымышленным языком, соответствующим облику этих существ и миру, который вами создан.

Вы можете идти и другим путем: от языка к вымышленному миру. Даже тот автор, кто сначала захвачен чисто лингвистической идеей: выдумать ВЯ без глаголов, или только с односложными словами, или с самой сложной, какую только можно представить, системой местоимений (подобные примеры мы увидим в дальнейшем), не может создавать «язык-не-для-кого». Образ народа, фантастической расы, которая будет говорить на этом языке, сначала туманный, будет обрастать подробностями; параллельно, хотите вы этого или нет, детализируется картина мира, окружающего данную расу. Это происходит уже на стадии формирования первичного, весьма ограниченного лексического состава вашего ВЯ и начал грамматики. Уже по тому, включите ли вы в первоначальный лексикон слова типа *конь, шатер, племя, река, раб, лук* или *ракета, лазер, луч, скафандр, космос*, можно будет сделать какие-то выводы о культуре народа, которому язык принадлежит. Даже через выбор существительных для демонстрации склонения и глаголов для демонстрации спряжения в грамматике будет проглядывать облик «мира, в слове явленного».

Важно то, что, как бы ни двигался создатель ВЯ (от языка к вымышленному миру или наоборот) связь между лингвоконструированием и моделированием миров неразрывна. Каждый автор ВЯ в полном согласии со

знаменитой формулой биологии «Филогенез повторяет онтогенез» проходит ту же дорогу, что и создатели «бумажных» фантастических миров – писатели фантасты докомпьютерной и компьютерной эры. В «постгутенберговскую эпоху» виртуальные (или, как говорят исследователи электронной коммуникации, «опосредованные компьютером») миры стали очередным после художественной литературы и кинематографа полигоном для «экспериментальной» проверки гипотез, трактующих отношения между языком – сознанием – действительностью.

Фантастическая литература и вымышленные языки

Научная фантастика — не просто вид литературы, но «тенденция сегодняшней культуры» [Урбан 1972; 25]. Особенность научной фантастики состоит в том, что автор предлагает читателю некое научное или не совсем научное допущение и далее строит вокруг него ту картину мира, которая, по его мнению, сложится при существовании данного допущения. То есть, писатель строит несколько иную модель реальности, научной, технологической, культурной, социальной. Поскольку мы говорим о моделировании социальных процессов (науки, искусства, культуры, технических достижений), то можно говорить о моделировании сознания и языковых проблем в том числе [Маркалова 2002]. Не случайно в конце XX века в программах западных университетов появились курсы, посвященные изучению ВЯ в научной фантастике. Так, в университете Техаса программа подобного курса включала рассмотрение следующих проблем:

1. Какова природа человеческого языка и гуманоидного языка (языка существ, близких к человеку) в целом?
2. На каких языках (или на каком языке) будут люди говорить в будущем?
3. Как изменится в будущем английский язык?
4. Могли бы животные и/или другие разумные существа общаться с людьми?
5. Каким образом?
6. Смогут ли когда-нибудь компьютеры владеть языком так же, как люди?
7. Станут ли они разумными?
8. Какая связь существует между языком и сознанием?
9. Какая связь существует между языком и картиной мира?
10. Отражает язык наш взгляд на мир или управляет им?
11. Можно ли использовать язык как оружие?
12. Как могли бы выглядеть коммуникативные системы «чужих»?

Для решения этих проблем анализируются: преимущества звука как средства коммуникации, отличия фонетики от фонологии (звуков от фонем), основные черты артикуляционного аппарата человека, различные системы письма, морфемика и морфология, возможные стратегии словообразования (аффиксация, придание смысла ранее асемантическим комбинациям звуков, заимствование, метафора и т.д.), общая теория синтаксиса, вопрос о многозначности в человеческом языке, особенности организации

лексических систем (полисемия, омонимия, семантические изменения), эволюция языка в соотношении с историей народа, законы звуковых изменений, социолингвистика, диалекты, идиолекты, лингва франка, искусственные языки, сопоставление человеческого языка с коммуникативными системами животных. (см. <http://www2.truman.edu/~mshapiro/lingcon.html>)

Как мы видим, содержание предмета «ВЯ и научная фантастика» вовсе не легковесно. Тем не менее, на сегодняшний день «фантастиковедение — наука, никак институционально не оформленная и не имеющая собственного легитимного статуса» [Косарева 2001; 48], при том, что в отечественной науке насчитывается около 200 кандидатских и докторских диссертаций, посвященных изучению фантастики, в разных областях гуманитарного знания: литературоведении, искусствоведении, философии, педагогике [там же]. Однако вымышленные языки в фантастике, как мы уже упоминали, не стали предметом целенаправленного изучения в российской лингвистике.

Исключением служит работа Н. Маркаловой «Лингво-фантастическое исследование» [Маркалова 2002]. Н. Маркалова предлагает краткий обзор лингвофилософских идей, которые получают свое преломление в научной фантастике.

Важнейшая лингвофилософская проблема, которая обсуждается в фантастической литературе и может служить сюжетообразующим фактором, — это проблема лингвистической относительности. Идеи В. Гумбольдта, Э. Сепира и Б. Уорфа находят понимание у писателей-фантастов, для которых особенно важна мысль о языковой призме, через которую преломляется наше видение мира. «Как ни одно понятие невозможно без языка, так без него для нашей души не существует ни одного предмета, потому что даже любой внешний предмет для нее обретает полноту реальности только через посредство понятия», — писал Гумбольдт. Герои романа «Вавилон-17» С. Дилени провозглашают: «Вначале было слово. Пока что-то не названо, оно не существует.» — и сетуют:

«Возьмите этих кирибианцев, у которых достаточно знаний, чтобы их вареные яйца несли их от звезды к звезде: у них нет слова *дом*, *жилье*, *жилище*. «Мы должны защищать свои дома и семьи». Когда готовили договор между нами и Кирибией во Дворе Внешних Миров, я помню, понадобилось сорок пять минут, чтобы сказать эту фразу по-кирибиански. Вся их культура основана на жаре и смене температур. Наше счастье, что они знали, что такое семья, кроме людей, они единственные имеют семьи. Но что касается «дома», то кончили следующим описанием: «...помещение, которое создает температурное различие с внешним окружением на такое количество градусов, которое делает возможным существование организма с температурой тела в 98,6 градуса; это же помещение способно понизить температуру в жаркий сезон и повысить ее в холодный; где имеются условия для сохранения от порчи органических веществ, используемых в пищу, а также для нагрева их до температуры кипящей воды, чтобы сделать их вкус более соответствующим для обитающих в этом помещении, которые благодаря смене миллионов жарких и холодных сезонов при-

способились к таким изменениям температуры...» и так далее. В конце концов, нам удалось дать им некоторое представление об идее «дома» и о том, почему его нужно защищать».

«В романе С. Дилени «Баллада о Бете-2» рассказывается о связи между изменениями в языке и средой обитания людей. Обитатели первых космических кораблей, вынужденных лететь к месту назначения несколько столетий, веками жили в невесомости и утратили представления о пространственной координации. «Сверху», «снизу», «сбоку», «под», «над», «между» стали синонимами. Это вызывает затруднения для землянина. В романе «Вавилон-17» описан язык, в котором нет понятия «я». Человек, говорящий на этом языке, не воспринимает себя как личность, у него нет инстинкта самосохранения, его можно использовать как подрывника-камикадзе без его ведома. Дилени создает различные диалекты в романе «Нова», коды в повести «Время, словно низка самоцветов». В «Балладе о Бете-2» и «Пересечении Эйнштейна» его интересуют также погрешности в передаче информации во времени, когда между отправителем информации и получателем проходят века и культура, которую описывали эти слова, давно утеряна» [там же]. Роман Дилени «Тритон» — «это целый склад лингвистических тем, но они не описаны также подробно, как в «Вавилоне-17», где автор буквально запутывается в них. Его главный интерес в «Тритоне» это семантика, но не семантика Коржибски, а та, что содержится в философии языка. В эпиграфе каждой из семи глав романа можно найти цитаты из Витгенштейна, Куайна и даже Фуко» [Meuys 1980].

Н. Маркалова указывает на некоторые языковые средства, которые используют писатели, желая показать отличия в мышлении и культурах инопланетных рас. «Аскетическая практика и духовная культура, религий весьма различных, как известно, запрещает произносить слово «я»» [Хайдеггер 1993]. В романе «Время перемен» Роберт Сильверберг создал культуру, в которой употребление местоимений «я» и «меня» считается неприличным. Он описывает как предпосылки такого запрета, так и его последствия для говорящих на данном языке: «Тем самым вам отказано в целом образе мышления, сопутствующем употреблению таких слов, как «я» и «мне», — покачал он головой. — Заповедь заставляет вас ваши личные дела придерживать внутри себя и допускает откровенность лишь со своими побратимами и исповедниками. Обычай возводит вокруг себя стены оказал влияние даже на вашу грамматику».

Мы видим, что важнейшая социокультурная оппозиция «свой – чужой» находит в фантастической литературе широкую почву для реализации. Язык играет первостепенную роль в демонстрации иного разума, отличного от человеческого.

Фантастов также интересует конструирование языков, спонтанное и целенаправленное их изменение. «Конни Уиллис, например, в рассказах «Посиневшая луна» и «Тайм-аут» исследует возможность изменения формы нерегулярных глаголов и замены ее регулярными. Тоже самое попытался описать Спрэг Де Камп в своем эссе «Язык для путешественников во времени». Он говорит о постоянном укорачивании слов и предложений для передачи большего количества информации за тот же отрезок времени. Язык становится более компактным, но менее гибким, говорящим прихо-

дится догадываться о большинстве невысказанных слов, неправильная догадка ведет к сбою в коммуникации между двумя говорящими» [Маркалова 2002]¹².

Фантасты размышляют и над проблемой создания идеального языка. «Нормальные языки родились во времена невежества и предрассудков и генетически содержат закрепленные в структурах неверные представления о мироздании,» – пишет Р. Хайнлайн в повести «Бездна». «Действительно, мы говорим «солнце взошло», а это — метафора, закрепившая в языке птолемеевское геоцентрическое представление о вселенной. И хотя мы все знаем, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот, мы продолжаем использовать данную метафору» [Телия 1988]. Фантастический идеальный язык, созданный Хайнлайном, – спидток (speedtalk), по утверждению его автора, «не содержит тех ошибок, которым изобилует английский, ибо он структурирован так же, как реальный мир» (цит. по Маркаловой).

Другим интересным источником, в котором трактуются проблемы лингвистической относительности, межличностной и межкультурной коммуникации и вымышленных языков в научной фантастике, является книга У.Е. Мейерса «Чужие и лингвисты: изучение языка и научная фантастика» (Walter E. Meyers, «Aliens and Linguists: Language Study and Science Fiction», 1980). На первой же странице Мейерс констатирует разительный контраст между богатством лингвистических проблем, поднимаемых в НФ, и относительной бедностью их лингвистического объяснения. Свое исследование он посвящает проблемам эволюции ВЯ в фантастических произведениях во времени, описывает коммуникацию с «чужими», многообразные примеры различных коммуникативных систем «чужих», представленные в литературе, исследует с лингвистической точки зрения телепатию. В пятой главе обсуждается влияние теории языковых универсалий на характер коммуникативных систем, которыми снабжают авторы НФ свои внеземные разумные расы. В шестой главе демонстрируется важность знания лингвистической теории для создания особого жанра НФ – рассказов о первом контакте с иной цивилизацией. Обсуждается большое количество НФ произведений, в которых персонажу приходится учить новый язык, а вместе с ним приобщаться – успешно или нет – к чужому способу мышления, к чужой культуре. Выясняется, что писатели-фантасты разработали много путей, «облегчающих» изучение чужого языка, в том числе способы избежать языковой проблемы, включая автоматический перевод. Результатом исследования стала «История лингвистики в научной фантастике», включающая всю НФ классику, главным фокусом которой является языковая проблема. В последней, двенадцатой главе, речь идет о том, «что лингвистика и НФ могут совместно рассказать нам об обществе».

Существует также довольно много статей и монографий практического плана, дающих рекомендации для писателей по использованию ВЯ в

¹² Следует заметить, что языковые системы, конструируемые в реальности для потенциального контакта с инопланетянами и изучаемые ксенолингвистикой, не являются предметом нашего исследования, так как, подобно вспомогательным языкам, создаются с основной целью обеспечения коммуникации в реальном мире.

литературных произведениях. Эти рекомендации варьируются от частных (например, указывается, что в случае, если прямая речь персонажа представляет собой «перевод» с вымышленного языка, то слова автора, в которых определяется этот язык, должны предшествовать реплике, т.е. не *“Someone’s following us”*, *said Kelia in Wessisc*, *a Kelia lowered her voice and whispered in Wessisc*, *“Someone’s following us.”*) до весьма общих принципов, касающихся связей между языком и культурой и применения гипотезы Сепира – Уорфа при создании фикциональных миров (<http://fmwriters.com/Visionback/Issue%202/LanguageDamon.htm>).

*Общегуманитарные проблемы,
связанные с конструированием языков*

«... Для решения наиболее фундаментальных проблем человеческой культуры знание языковых механизмов и понимание процесса исторического развития языка, несомненно, становятся более важными, чем более изоциренными становятся наши исследования в области социального поведения человека. Именно поэтому мы можем считать язык символическим руководством к пониманию культуры. <...> Языкознание лучше всех других социальных наук демонстрирует своими фактами и методами, несомненно более легко устанавливаемыми, чем факты и методы других дисциплин, имеющих дело с социологизированным поведением, возможность подлинно научного изучения общества, не подражая при этом методам и не принимая на веру положений естественных наук» [Сепир 1993; 260, 265]. На рубеже веков гуманитарные науки все более тесно объединяют свои усилия для изучения человека. Исследование проектов языкового конструирования оказывается важным для рассмотрения следующих междисциплинарных проблем: оппозиция «своего» и «чужого» в культуре и психологии; влияние виртуальных миров на реальный мир; роль игровой деятельности в жизни современного человека.

**Конструирование языков и оппозиция
«свой – чужой» в культуре и языке**

Полезность партнера по коммуникации заключается в том,
что он другой.
Ю. Лотман

Оппозиция «свой – чужой» является одной из самых значимых в культуре. Человеческое сознание давно бьется над проблемой определения категорий «своего» и «чужого». Это дуальное противопоставление определяет многие аспекты деятельности личности и общества, восприятия культурных явлений, организации коммуникации между людьми. Научно-фантастические литературные произведения и внелитературные опыты по созданию фантастических миров и фантастических языков для этих миров являются для современного человека одним из основных способов осмысления оппозиции «свой – чужой».

Оппозиция «свой – чужой» приобрела особую значимость в эпоху одновременной интернационализации и воинствующего национализма. «Культурная ситуация начала XXI века характеризуется сложностью и многозначностью, прошлое и настоящее соседствуют в культурном пространстве современности, иногда враждуя, иногда образуя некое полиморфное поле. Смена культурной парадигмы поставила человека в положение «на границах» временных и темпоральных структур, «размывание» границ которых сопровождается высокой коммуникативностью, преодолением замкнутости традиционных культур и этнических, гендерных, эстетических стереотипов, плюрализмом культурных кодов и множественностью смыслов. В этом новом культурно-пространственном измерении четкость приемлемых еще в середине прошлого века моделей, построенных на бинарных оппозициях типа «Традиция/ Современность», «Запад/Восток», «Свой/Чужой» начинает утрачиваться, а сами модели утрачивают свою категоричность. В современной культуре человек сталкивается одновременно с совершенно разнородными явлениями, которые трудно классифицировать в привычные рамки бинаризма, но в то же время дуалистичность категориального аппарата стремится свести разнообразие и амбивалентность феноменов культурной и социальной жизни к структурной определенности, несущей в себе аксиологический смысл» [Шапинская 2002].

Представители всех гуманитарных дисциплин, практики политики и информационных отраслей, простые люди пытаются найти ключ к пониманию межличностных и межэтнических барьеров, предрассудков, стереотипов, особенностей восприятия «чужого» и способов преодоления «чуждости». Язык – главнейшее средство создания и преодоления этих барьеров, формирования и выражения этих предрассудков и стереотипов. Образ чужого для большинства людей – это образ человека, говорящего на ином языке.

В современной науке проблема «свой – чужой» ставится на нескольких уровнях абстракции, при этом характерна тенденция к переосмыслению «чужого» как «Другого», снимающая непримиримую полярность оппозиции и признающая ценность обоих полюсов. Предлагают даже всю западную философию делить на философию «до Другого» (философия Одинакового) и «после Другого» (философия инаковости). В философии рассматривается противопоставление Я и Другого, с одной стороны, как основа самоинтерпретации, самопознания Я (личности), с другой — в аспекте межличностных и межэтнических взаимоотношений.

Именно такое понимание чужого лежит в основе большинства произведений современной фантастической литературы и проектов ВЯ. Интерес к противопоставлению «свой – чужой» в проектах ВЯ отражает и тот факт, что это противопоставление в **этнологии, культурологии, фольклористике** включается в состав наиболее сильных этнокультурных стереотипов в картине мира народов. Фольклорный (легенды, устные рассказы, приметы, поверья, присловья, народные языковые клише) и этнографический материал доказывает, что во всех традиционных национальных культурах имеются особенности восприятия «чужих» (представителей другой национальности или конфессии), при этом образ «чужого», формируемый

народной традицией, основывается в большей степени на фольклорно-мифологических стереотипах и традиционных верованиях, нежели на «объективном» знании традиций этнических соседей [Белова 1997] [Белова 2002]. Так, этнически и конфессионально «чужие» соседи в глазах населения регионов, где издавна происходят тесные этнокультурные контакты, традиционно оказывались «мифологизированными» персонажами, обладающими способностями к магии и ведовству, связанными с потусторонним миром, имеющими «нечеловеческое» происхождение и т.п. В рамках оппозиции «свой-чужой» происходила интерпретация бытового и ритуально-обрядового поведения «чужих»; при этом основными принципами были: зеркальное отражение особенностей «чужой» культуры, инверсия, «перевод» чужих реалий и понятий на язык «своей культуры», так называемые «наветы» [там же]. Имеется много исследований, в которых анализируются способы формирования фольклорного (этнолингвистического) портрета «чужого», его основные составляющие, прослеживается механизм мифологизации этнических соседей в народной культуре.

Не свободен от мифологем современный человек технократического общества. Это мифологемы как старые, происходящие из фольклора, так и новые, в том числе связанные с научно-технической революцией. Одна из этих мифологем — образ космического чужого, широко представленный в фантастических произведениях разных видов искусства, прежде всего в литературе и кинематографе. Мифологизированность противопоставления «свой — чужой» отражается в существовании системы двойных стандартов, которые мы привыкли применять, оценивая свою и чужую культуру: «Распространено убеждение, что чужие не в состоянии понять нашу национальную (или в масштабе индивидуальном — мою) душу, причем эти чужие обычно так же оценивают наши возможности по отношению к себе. Это не мешает нам, как правило, демаскировать, демистифицировать или подвергать сомнению содержания и ценности, вписываемые другими в образ своей души. Мы указываем, что он имеет очень мало общего с действительностью или даже является ее яркой противоположностью. Мы усматриваем в тех способах, в которых другие понимают свою национальную душу, проявление детского альянса фантазии и инфантильности, идентифицируем их — постигаемую нами с позиции внешних наблюдателей — непонятность с абсурдом и нонсенсом или находим в них идеологическое обоснование скрываемых имперских замыслов и амбиций. В то же время в отношении к самим себе мы принимаем иногда перспективу ожидаемого — понимаемого как реальное — будущего, в котором подразумеваемая исключительная, сверхпартикулярная ценность нашей собственной, национальной (как и индивидуальной, конфессиональной, цивилизационной и т. п.) души откроется — преображая их жизнь и сознание — также другим...» [Брода 2002]. Перечисленные польским ученым М. Бродой стереотипы действительно отягощают современного человека. Попытки создания вымышленных миров и моделирования сознания, истории, образа жизни «чужих» в системах ВЯ — пути преодоления позиции «внешних наблюдателей». «Всякое новое явление для своего успешного вхождения в культурную реальность должно обрасти культурными ассоциациями, которые станут гарантом того, что данное явление будет

восприниматься человеком не как нечто чуждое, но как органично присущее нашей культуре. Фантастика в отношении некоторых культурных феноменов оказывается незаменимой в вопросе создания подобного ассоциативного ряда» [Косарева 2001; 52].

С этой точки зрения, лингвоконструирование представляет гораздо более позитивный пласт языковой деятельности, чем, например, общественно-политическая коммуникация, СМИ, «паблик релейшнз» — сферы коммуникации, так же весьма успешно создающие новые мифы. Исследование современной рекламы показывает, что из трех возможных репрезентаций Других: «1) исключение Других, 2) изображение Других и говорение за Других, 3) присутствие Других, возможность для них говорить и быть услышанным» — типична репрезентация Другого/инаковости через Одинаковость/идентичность без какого-либо учета и ссылки на признание различия Другого. «В большинстве роликов властью наделяется «говорящая» Одинаковость/идентичность, которая устанавливает свои правила развития властных отношений» [Смирнова 1999]. Научно-фантастическая литература и проекты ВЯ представляют диаметрально противоположный подход, акцентируя внимание на ценности Чужого как для отдельной личности, так и для культуры в целом. «Посредством того же самого акта, в силу которого он [человек, народ – М.С., О.Ш.] сплетает (herausspinnt) язык изнутри себя, он влетает (einspinnt) себя в него; и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Освоение иностранного языка можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира; до известной степени фактически так дело и обстоит, поскольку каждый язык содержит всю структуру понятий и весь способ представлений определенной части человечества» [Гумбольдт 2000]. Если заменить в этом высказывании «освоение иностранного языка» на «конструирование вымышленного языка», то оно останется истинным.

Специалисты по межкультурной коммуникации указывают, что помимо чисто переводческих вопросов, связанных с проблемой соотношения грамматики и лексики языков, проблемы понимания между представителями разных культур и даже между личностями в пределах одной культуры возникают из-за «различия символических средств, поведенческих и ролевых моделей, ценностей, присущих разным сообществам» [Ярмахов 2002]. «Важнейшим условием межкультурной коммуникации этносов являются особенности их ценностных миров, соотношение между их ценностными системами». Ценностные системы включают: ранговое положение тех или иных культурно-ценностных ориентаций (их приоритетность и предпочтительность); их сравнительное значение («удельные веса»); аксиологический знак (положительный или отрицательный – «ценности» или «антиценности») [Радовель 2002]. Также значительную роль в ценностных системах играют так называемые «автостереотипы» — представления культурной общности о себе.

Языковое конструирование позволяет человеку расширить круг своих «символических средств, поведенческих и ролевых моделей, ценностей», сделать попытку сознательного преодоления своих «автостереотипов», соз-

дать новые «ценностные миры», объективированные в языковых системах, будь то мир воинственной марсианской цивилизации, или гипотетической планеты, населенной бессмертными однополюми существами, или страна драконов. Исследуя проекты ВЯ в Интернете, мы видим, что в инструкциях по языковому конструированию настоятельно рекомендуется создавать не один изолированный язык, а предусматривать для его вымышленных носителей возможность языковых контактов с другим вымышленным народом, возможность заимствования и обогащения языка и культуры через общение с другим языком, с другой культурой. При этом контакт между двумя вымышленными языками и культурами никогда не мыслится в терминах порабощения, уничтожения, подчинения, а только как сотрудничество и взаимообогащение, даже если в данном фантастическом мире политически одно лингво-культурное сообщество подчиняет себе другое.

Вероятно, прав философ М. Бубер, когда утверждает, что «инстинкт контакта», врожденное стремление к установлению отношения с Ты – сущностное свойство человека. Основные слова человека двойственны: это Я-Ты и Я-Оно [Бубер 1995]. Можно предположить, что тяга к изобретению ВЯ и вымышленных культур есть проявление этого изначального стремления человека к Другому, находящее выражение не в поиске и установлении отношений с Ты вовне, а в создании такого Ты внутри себя и в объективации его средствами выдуманного языка. С этой точки зрения, лингвоконструирование оказывается весьма позитивной деятельностью для развития человеческой личности, деятельностью, расширяющей не только лингвистический кругозор человека или совершенствующей его способность к логическому мышлению, но и формирующей его мироощущение и самоощущение в гуманистическом духе: «Отношение есть взаимность. Мое Ты воздействует на меня, как и я воздействую на него. Наши ученики учат нас, наши создания создают нас» [Бубер 1995].

Языковое конструирование как форма игровой деятельности и проявление языкового творчества

В. Гумбольдт писал: «Создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества. Язык — не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения, а этого человек только тогда сможет достичь, когда свое мышление поставит в связь с общественным мышлением.

Таким образом, если каждый язык, взятый в отдельности, мы рассмотрим как попытку, направленную на удовлетворение этой внутренней потребности, а целый ряд языков — как совокупность таких попыток, то можно констатировать, что языкотворческая сила в человечестве будет действовать до тех пор, пока — будь то в целом, будь то в частном — она не создаст таких форм, которые всего полнее и совершеннее смогут удовлетворить предъявляемым требованиям... Язык — одно из тех явлений, которые стимулируют человеческую духовную силу к постоянной деятельности. Выражаясь другими словами, в данном случае можно говорить о стремлении

воплотить идею совершенного языка в жизнь. Проследить и описать это стремление есть задача исследователя языка в ее окончательной и вместе с тем простейшей сути» [Гумбольдт 2000]. Конечно, Гумбольдт использует здесь слово «человек» как обозначение класса. Но это не отменяет его идеи о необходимости языка для развития духовных сил и формирования мировоззрения каждого человека, о роли языка как стимула деятельности человеческой духовной силы. Стремление к языкотворчеству, которое Гумбольдт понимает как внутреннее стремление человечества и разных народов, может проявляться с особой силой у отдельных личностей. У некоторых оно выливается в литературную деятельность, у других – в языковое конструирование.

В современном индустриальном мире подавляющее большинство людей выведено условиями своего труда и жизни за рамки свободного, сознательного творчества. Точное выполнение своих функций, соответствие месту в организационной, социальной, профессиональной матрице оказывается более ценно, чем проявление личной индивидуальности и развитие личности. В результате возникают психологические проблемы. Н. Клейн в известной книге «No logo» («Люди против брэндов») характеризовала современное общество как цивилизацию, которой управляют имидж и спинальные хирурги (намек на сидячий образ жизни современного цивилизованного человека) [Клейн 2002]. В то же время происходит абсолютизация путей познания, свойственных европейской культуре, методов ее науки, образования, развития личности. Мир современного человека – это мир стереотипов, закрепленных социальных и профессиональных ролей.

Однако далеко не все люди чувствуют себя удовлетворенными этим регламентированным, стандартизованным миром. Не случайно широкое распространение получили в последнее время так называемые «ролевые игры»: компьютерные, «полевые» (осуществляемые в реальности), образовательные. Создаются многочисленные проекты «воспитания воображения», «строительства новых миров» и т.п. (см., например, <http://www.artofimagination.org/Pages/AboutUs.html> — сайт «Общества в защиту искусства воображения» или сайт консультанта Союза международных организаций Э. Джаджа <http://www.laetusinpraesens.org/>). При Институте человека РАН создан Центр виртуалистики. Взрослая часть человечества стремится к игре, чему способствует распространение компьютеров и Интернета.

Объяснить эту потребность можно с точки зрения разных теорий игры. Еще Ф. Шиллер отмечал, что игра – проявление избытка сил и эстетическая деятельность¹³. Примерно такого же взгляда придерживался Г. Спенсер, утверждавший, однако, что по сравнению с эстетической деятельностью игра носит низший характер: «Игра есть точно такое же ис-

¹³ «Животное работает, когда недостаток чего-либо является побудительной причиной его деятельности, и оно играет, когда избыток силы является этой причиной, когда излишек силы сам побуждает к деятельности» [Шиллер 1935; 287]. «Предмет побуждения к игре, представленный в общей схеме, может быть назван живым образом, понятием, служащим для обозначения всех эстетических свойств явления, одним словом, всего того, что в обширнейшем смысле слова называется красотой» [там же; 242].

художественное упражнение сил, которые вследствие недостатка для них естественного упражнения становятся столь готовыми для разрядки, что ищут себе исхода в вымышленных деятельностях на место недостающих настоящих деятельностей» [цит. по Эльконин 1978]. Другие авторы связывали происхождение игры не с искусством, а с трудом (К.Маркс, Г.В. Плеханов). В советской науке подчеркивалась воссоздающая (мы бы сказали — моделирующая) сущность игры, ее не утилитарный характер и ее две функции — тренировочная (дидактическая) и коллективизирующая (социальная). Отмечалась неизбежность вытеснения игры как формы деятельности искусством по мере взросления человека. Западные ученые (а из отечественных — К.Д. Ушинский) указывали на связь игры и воображения, игры и развития сознания (К. Бюлер, Д. Дьюи). Возникла концепция равноценности человека играющего и человека созидющего (И. Хейзинга), стало подчеркиваться, что игра есть способ реализации потребностей и интересов человека, а также путь развития способностей и различных сторон личности.

Конструирование ВЯ подпадает под признаки игры. Оно не утилитарно, выполняет обе указанные функции и в основе его лежит моделирование языка, его системы, развития и функционирования. В то же время, как мы уже говорили выше, эта деятельность носит эстетический характер, а ее результаты есть результаты творческие. Для нее требуется высокий уровень развития воображения. Лингвоконструирование способствует психологическому комфорту личности, возникающему в результате достижения целей, удовлетворения результатами своего труда, общения с единомышленниками, чувства, что «праздное» времяпрепровождение оказывается и приятным, и полезным.

ВЯ — виртуальные модели

Лингвоконструирование и создание вымышленных миров происходят в виртуальном пространстве. Влияние виртуализации на современное общество и человека еще плохо изучено и составляет предмет живого интереса самых разных дисциплин (философии, психологии, социологии, теории коммуникации и т.д., см., например, [Носов 1994] [Виртуальная реальность 1997]), которые ищут корни размышлений о реальности и виртуальности в сочинениях Платона и средневековых ученых. «...Все чаще мы слышим, как понятие «виртуальный» употребляется в контексте, совершенно выходящим за рамки области информатики и компьютерной техники. Так, вошли в обиход такие, еще до недавнего времени бывшие «нереальными» сочетания, как «виртуальная корпорация», «виртуальные деньги», «виртуальная демократия», «виртуальное обучение» «виртуальная игрушка» «виртуальная студия» и т.п. Подобные факты говорят о том, что проблема, связанная с распространением виртуальных технологий, выходит за рамки специальных наук и становится проблемой, требующей философского обобщения. Глубина проникновения виртуальности в социальную и индивидуальную жизнь позволяет говорить о «виртуализации» общества» [Емелин 1999]. Анонсы новых виртуальных проектов — <http://www.membrana.ru/themes/vr/> — заставляют одновременно со-

дрогаться от ужаса, вызванного наступлением мира симулякров, и удивляться безграничности человеческой фантазии¹⁴. «Победила другая стадия ценности, стадия полной относительности, всеобщей подстановки, комбинаторики и симуляции» [Бодрийяр 2000; 52]. (См. также статью психиатра С. Выгонского на <http://www.internet.ru/index.php?itemid=12796> и ее обсуждение).

Очевидно, что развитие виртуальной компьютерной среды попало на благодатную почву – оно совпало с эпохой постмодернизма, индивидуализма, скептицизма, эпохой «симуляций» — см. [Baudrillard 1994]. Виртуальная действительность не только заимствует из реальной, но и служит для реальной действительности источником заимствования: персонажи фикциональных миров «выходят» за пределы литературных и кинематографических произведений в ролевые игры (вспомним хотя бы движение толкиенистов); писатели черпают сюжеты из компьютерных игр и используют приемы компьютерных жанров (например, роман популярного современного писателя Д. Быкова «Эвакуатор» написан по законам «текстовой ролевой игры» — одного из популярных сетевых жанров, в котором создаются вымышленные миры). Среди проявлений виртуализации выделяют позитивные и негативные: «... Использование виртуальной реальности для создания игровых пространств хоть и спорно, но, все же в целом оправдано. Главное здесь, да и вообще в любой другой области применения VR-технологий – соблюсти ту грань, когда симуляция перестает способствовать рождению новых реальностей, а начинает заслонять, маскировать события настоящей жизни» [Емелин 1999]. Ярким примером подобной деструктивной симуляции может послужить использование виртуальных технологий при ведении военных действий, когда военные, наносящие удары, отгорожены от их последствий, от ужасов войны дисплеями и огромными расстояниями [Бодрийяр 1994].

К областям, дающим возможность позитивно использовать VR-технологии, относят конструкторскую деятельность и дизайн в производстве, геологию, экологию, архитектуру и градостроительство, виртуальное моделирование природных процессов в метеорологии, обучение сложным хирургическим операциям в медицине. Реальные эксперименты, испыта-

¹⁴ Примеры анонсов этого года:

«Виртуальный щенок радуется виртуальной косточке не хуже настоящего. И убирать за анимированным песиком тоже надо, пусть и с помощью кнопок. Дети и взрослые увлечённо разговаривают с ботами [боты – виртуальные персонажи, не существующие в действительности]. Мир сошёл с ума? Не больше, чем обычно»

или

«Если верить биологам, губы – одна из самых чувствительных частей тела. Однажды об этом задумались японские инженеры и решили – это же новый канал передачи информации! Так появился виртуальный симулятор питья через соломинку. "Подобный соломинке пользовательский интерфейс" (Straw-like User Interface — SUI) увидел свет в лаборатории Инами (Inami Laboratory) Токийского университета электрокоммуникаций (University of Electro-Communications). Авторы работы решили смитировать процесс питья через соломинку. Но, удивитесь вы, что же тут можно воспроизвести, без использования, собственно, жидкости? Это колебания давления в соломинке, которые возникают, когда вы всасываете напиток; звуки, которые при этом слышны, а ещё тонкие вибрации самой соломинки, которые хорошо чувствуют ваши губы».

ния, изыскания в этих областях все больше заменяются на операции над виртуальными моделями, «безболезненные» для реальности [Емелин 1999]. Примеры таких изысканий в области социальных наук: от изучения распространения слухов до моделирования демографических процессов, от симуляции развития диаспоры до исследования функционирования разного рода убеждений в обществе — можно в изобилии увидеть в издании *The Journal of Artificial Societies and Social Simulation* (см., например, том 2, вып. 3 «Computer Simulation in Anthropology» <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/2/3/contents.html> и раздел «Epistemological Perspectives on Simulation» в томе 8, вып. 4 <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/JASSS.html>).

Конструирование ВЯ можно причислить к позитивным проявлениям виртуального моделирования. За пределами лингвистики находятся требующие исследования вопросы о том, насколько глубоко погружаются создатели ВЯ в конструируемые ими миры, не происходит ли при этом в их сознании замещения реальной действительности действительностью виртуальной, насколько и каким образом вымышленные миры проникают в реальность (весьма общее освещение типологии реальностей и их взаимодействия см. в [Борчиков 2001]).

Отметим, однако, важное отличие вымышленных языков-моделей от всех перечисленных типов виртуального моделирования реальных объектов и от научного определения модели. «Понятие модели оказывается не-обходимым тогда, когда вместо интересующего нас объекта мы начинаем изучать, или использовать, или взаимодействовать с некоторым другим объектом, в некотором отношении похожим на первый, с целью распространения наших наблюдений (испытаний, действий) над последним на первый объект», — пишет А.Н. Барулин, подтверждая свое мнение краткой историей понятия модель в науке [Барулин 2002; 27-28]. В качестве примера приводится модель корабля. Но совершенно очевидно, что при таком подходе остается за бортом большая сфера человеческой деятельности, включающая моделирование ради моделирования, целью которой является не исследование исходного объекта посредством модели, а именно создание модели, получение удовольствия от работы над моделью и наблюдения за моделью как таковой. Это верно и по отношению к модели корабля: одно дело, если она создается в научно-исследовательском институте, другое — если это продукт творчества моделиста-любителя. Это верно и по отношению к ВЯ: для конлангеров они самоценны, а не просто служат инструментом познания естественных языков или языка как такового. Эстетическую или гедонистическую функцию моделирования авторы научных теорий моделей, естественно, упускают из виду.

Глава 3

Келен, эналь, ларимин

Как мы уже говорили, количество англоязычных и русскоязычных ресурсов, посвященных конструированию языков, превышает полторы тысячи. Эти ресурсы включают собственно сайты, на которых демонстрируются искусственные и вымышленные языки, и сайты, содержащие каталоги таких языков, инструкции по языковому конструированию, обсуждение имеющегося опыта и т.д. Они живут и умирают, но меньше их не становится. По прогнозам Дж Хеннинга, в этом десятилетии будет создано около тысячи Интернет-проектов ВЯ.

Мы приводим два примера ВЯ: 1 из англоязычной и 1 из русскоязычной частей Интернета. Каждый из них связан с вымышленным миром, созданным самим автором языка. Примеры отобраны так, чтобы показать проекты, выполненные непрофессионалом и автором, получившим лингвистическое образование, продемонстрировать разнообразие задач, ставящихся авторами ВЯ, и способов решения этих задач. Кроме того, эти два ВЯ мы имели возможность пронаблюдать в динамике: за время нашей работы над книгой, с лета 2005 года по начало 2006, оба автора внесли радикальные изменения в свои проекты.

1. Келен (*Kelen*)

В качестве примера вымышленного языка, сконструированного профессиональным лингвистом для придуманного им фантастического мира, рассмотрим Келен (*Kélen*) – эльфийский язык Сильвии Сотомайор¹⁵. Келен является одним из проектов ВЯ, в котором грамматика описана не по уровням, а по частеречному принципу.

Еще в средней школе, вдохновленная Толкином, Сотомайор создала мир, населенный эльфами и драконами, и основы языка эльфов-Келени. В университетские годы, изучая лингвистику, Сотомайор особенно заинтересовалась языковыми универсалиями и задумалась о возможности конструирования «не-человеческого» языка. Келен стал ее лингвистической лабораторией. Поскольку у нас нет контакта с не-человеческими расами, которые могли бы послужить объектом сравнения, Сотомайор решила пойти путем отталкивания от универсальных свойств естественных языков. Одна из основных языковых универсалий – противопоставление имен и глаголов, более выраженное в одних языках и менее яркое в других. Сотомайор сконструировала язык без глаголов.

Келен стал языком существительных и частиц. Вместо большого открытого класса глаголов в Келене представлен небольшой закрытый грам-

¹⁵ Старая версия Келена была доступна на электронной странице его изобретательницы home.netcom.com/~sylvial/Kelen, а новая, появившаяся, когда наша книга уже готовилась к печати, располагается по адресу <http://www.terjemar.net/kelen.php>.

матический класс частиц – показателей предикативных и смысловых отношений (relationals), в которые вступают именные группы в предложении. Сочетание подобного показателя и именной группы образует простейшую структуру предложения. Этих частиц четыре.

LA - показатель существования именной группы, являющейся субъектом предложения, причем эта частица указывает на существование как таковое или на существование в каком-либо состоянии или пространстве:

- существование:

la jacēla

LA bowl(N.sg.)

'There exists a bowl' или 'There is the/a bowl';

- нахождение в состоянии:

la jacēla la janēla

LA bowl(N.sg.) red(N.sg.)

'There exists a bowl, a red thing' или 'The bowl is red';

- нахождение в пространстве:

la jacēla sūjatēwa

LA bowl(N.sg.) on table(N.sg.)

'There exists a bowl on the/a table' или 'The/a bowl is on the/a table'.

С частицей *NI* основная именная группа обозначает нечто, что претерпело изменение состояния (под влиянием какого-либо каузатора или без него) или местоположения (движение):

ōra nī jacēla jahīwa

completed NI bowl(N.sg.) broken(N.sg.)

'The bowl broke'.

Вторая валентность *nī* может быть занята именем лица или предмета, вызвавшего изменение состояния. Имя каузатора маркируется падежным показателем *ā*. Третья валентность – именем инструмента с падежным показателем *to*:

ōra nāmma anāmāesi anmāmi to jacāta

completed NI+3p.sg.agent ants(N.co.) flat(N.co.) TO shoe(N.sg.)

'She flattened ants with a shoe.'

Частица *SE* при именной группе обозначает, что эта группа называет нечто, имеющее источник и/или цель. Второе, не обязательное к заполнению место при этой частице может быть заполнено именем источника, маркированным либо показателем *ke* (целлеполагающий источник, одушевленный источник), либо *to* (нецеллеполагающий источник, неодушевленный источник, инструмент), а также именем цели, маркированным показателем *mo* (бенефициант). Например:

selre anlāsi

SE+1p.sg.src/2p.sg.goal greetings

'From me to you, greetings', или 'I give you greetings', или 'I greet you';

anelnirne jamīra

SE(prog.)+1p.pauc.src/2p.pauc.goal fright

'From us(few) to you(few), a fright', или 'We are giving you a fright', или

'We are frightening you';

temme jacōña

SE(past)+3p.sg.src/3p.sg.goal kiss

'From her to him, a kiss', или 'She gave him a kiss', или 'She kissed him'.
 Значения частиц существенно изменялись от одной редакции келена к другой. Например, в предыдущей версии *PA* – это показатель того, что при одной именной группе имеется другая в качестве атрибута. В последней версии *pa* описывается Сотомайор как показатель партитивных отношений, однако трактуемых автором весьма широко, как мы видим из следующих примеров:

pa ankēji ancōra

PA whole part

PA sky blueness

'The sky is blue' (The sky has blueness);

pa sāen anlōrāl

PA whole part

PA 3p.sg. sorrow

'She is sad' (She has sorrow);

pa liēn ankēlen ansōri pē

PA whole part part

PA 1p.sg. Kélen words few

'I don't speak Kélen well' (I have few words of Kélen).

Изменяясь, частицы келена выражают именно те грамматические категории, которые свойственны глаголу. Так, *LA* имеет следующие временные, аспектуальные и модальные формы:

la – настоящее узуальное и гномическое;

an – настоящее актуальное;

te – имперфект;

reha – будущее определенное, "will be, must be";

heja – желательность, вероятность, "should be", "ought to be";

hie – гипотетичность, возможность "could be", "might be";

wa – отрицательная форма, которая у Сотомайор представлена только в настоящем времени - "is not".

NI не изменяется по временам, аспектам и наклонениям. Но когда каузатор изменения одушевленный, тогда эта частица ставится в соответствующей личной форме.

Пример:

ōrra ñalla jacēla jahūwa

completed *NI*+1p.sg.agent bowl(*N.sg.*) broken(*N.sg.*)

'I made the bowl break' или 'I broke the bowl'.

Для разных вариантов семантических отношений каузатора и пациенса существуют дополнительные правила изменения *ni*, включая взаимодействие с частицей *se*.

Частица *SE* получает личные формы, если любой из ее актантов одушевленный. Кроме того, *SE*, подобно *LA*, изменяется по временам:

s(e) – настоящее узуальное и гномическое; *an* – настоящее актуальное;

t(e) – имперфект; *reh* – будущее определенное;

hej – желательность, вероятность; *hi(e)* – гипотетичность, возможность;

Вместо отрицательной формы используется частица *wā* в конце предложения:

temme

jacōña wā

SE(past)+3p.sg.src/3p.sg.goal kiss (neg.)
 'From her to him, a kiss, not', или 'She didn't give him a kiss', или 'She didn't kiss him'.

Частица *pa* не изменяется.

Итак, в сочетании с небольшим числом падежных показателей, например, *ke* – для агенса и исходного пункта или каузатора движения, *to* – для конечного пункта или цели и т.п., частицы келена дают возможность устанавливать отношения между именными группами в предложении. Поскольку относительные частицы выражают также время и лицо, их можно, по мнению создательницы языка, рассматривать как связки, что не делает келен более «человеческим». Ведь неизвестно ни одного человеческого языка, где было бы более одной асемантической связки или где существовали бы связки при отсутствии глаголов.

Действительно ли келен безглаголен? И что тогда понимается под глаголом, если перечисленные частицы автор ВЯ отказывается причислить к этому классу? С семантической точки зрения, эти единицы являются, хотя и весьма общими, выражениями пропозиций, создают при себе набор актантных позиций. Они предикативны в полном смысле этого слова: выражают отношения между субъектом (предикцируемым компонентом) и приписываемым ему признаком, а также отношения между говорящим и содержанием предложения в предикативных категориях времени, модальности и лица.

Грамматика языка Келен структурирована по частеречному принципу. Общих разделов «Словообразование», «Морфология», «Синтаксис» нет. Зато присутствуют разделы: «Существительное»; «Местоимение»; «Частицы»; «Модальные маркеры» (показатели модальности, которые ставятся в конце или начале предложения; выделяется 6 модальных типов предложения: утверждение – не выражается маркером; эмпфаза – выражается маркером *lā*, вопрос – маркером *kēñ*, позволение – *cī*, императив – *kā*, запрет – *wē*); «Модификаторы предложения» (весьма разнообразные по своей грамматической сути показатели, относящиеся ко всему предложению, clausal modifiers: *ōrra* – показатель предпрошедшего времени, *luhañen* = *used to*, *wā* – отрицание всего предложения и др.); «Предлоги и падежные показатели» (есть и отдельная страница «Место и направление», где рассматриваются средства выражения этих значений); Союзы» (три группы: логические связки, темпоральные, причинно-следственные).

На примере двух редакций **субстантивного словоизменения и словообразования** в келене можно увидеть популярные способы развития грамматической системы, которыми пользуются авторы ВЯ:

- 1) детализация грамматической семантики определенной языковой категории, увеличение количества значений в ней (на примере шкалы одушевленности);
- 2) отмена одного из членов грамматической категории (устранение великомножественного числа);
- 3) изменение грамматического статуса ранее присутствовавших в языке аффиксальных значений (трактовка собирательности и дистрибутивности как членов числовой оппозиции);
- 4) изменение и усложнение правил использования аффиксов без увеличения числа аффиксов.

В прошлогодней редакции келена в нем было три словоизменительных приставки и три словоизменительных суффикса. Они имели следующие значения. Приставки: *ma-* ~ *m-* – одушевленность; *ja-* ~ *j-* – неодушевленность; *an-* – абстрактность. Суффиксы: *-a* ~ *-e* ~ *-0* – единств. число, *-i* – множ. число, *-ien* – дистрибутивность (значение, передаваемое в переводе словом *various* «различные»).

Комбинации приставок и суффиксов давали оттенки этих значений: так, для обозначения маленьких групп людей (пар, троек, ближайших родственников) использовалась комбинация суффикса множественного числа с абстрактным префиксом, передающая значение собирательности, а сочетанием абстрактного префикса с дистрибутивным суффиксом усиливалось значение множественности. Эту форму Сотомайор назвала «the greater plural» – «великомножественное» число (оно было нужно, в частности, для перевода текста о Вавилонской башне).

Примеры на выражение этих значений у одушевленных существительных:

<i>makira</i>	(единственное одуш.) двоюродный брат или сестра
<i>málne</i>	(единственное одуш.) счастливый человек
<i>análne</i>	(абстрактное одуш.) счастье
<i>makiri</i>	(множественное одуш.) много двоюродных братьев или сестер
<i>málni</i>	(множественное одуш.) много счастливых людей
<i>makkirien</i>	(дистрибутивное одуш.) разные родственники, клан
<i>málnien</i>	(дистрибутивное одуш.) разные счастливые люди
<i>ankiri</i>	(коллективное одуш.) группа родственников
<i>análni</i>	(коллективное одуш.) группа счастливых людей
<i>anakkirien</i>	(великомножественное одуш.) все родственники

Имелся также набор продуктивных словообразовательных суффиксов: уменьшительный, увеличительный, инструментальный, обозначающий агенса или причину и обозначающий пациенс или объект, на который направлено действие. Особую группу образовывали вокативные префиксы, служащие для обращения к собеседнику в формальной и неформальной ситуациях общения.

В версии этого года словоизменительные приставки и суффиксы в Келене сохранились, но приписываемые им значения изменились и встали в другие отношения с категориями одушевленности и числа: те же три приставки выражают значения одушевленности/неодушевленности и стативное (абстрактные имена и процессы); те же три суффикса – значения генерическое (родовое), собирательное и дистрибутивное. Собирательность и дистрибутивность введены в категорию числа как равноправные члены (хотя и с оговоркой, что это понимание не соответствует традиционному), наряду с единственностью и множественностью. Великомножественное число отменено. Категория числа, таким образом, состоит из четырех граммем: единственное – множественное – собирательное и дистрибутивное. Формы единственного, множественного, собирательного и дистрибутивного числа образуются регулярным образом от всех существительных.

Общая схема приставочно-суффиксальных комплексов келена и выражаемых ими значений:

	неодуш.	одуш.
единств.	<i>ja-N-a</i>	<i>ma-N-a</i>
множ.	<i>ja-N-i</i>	<i>ma-N-i</i>
собирает.	<i>an-N-i</i>	
дистрибут.	<i>ja-N-ien</i>	<i>ma-N-ien</i>

Примеры одного корня в сочетаниях с разными приставками и суффиксами:

<i>jatūra</i>	отдельная рана, травма
<i>matūra</i>	раненый, травмированный человек
<i>jatūri</i>	разные раны, травмы, полученные в результате одного или нескольких событий
<i>matūri</i>	люди, получившие раны, травмы в результате одного события
<i>antūri</i>	совокупность ран, травм, полученных в результате одного события
<i>jattūrien</i>	различные раны, травмы, полученные в результате разных событий
<i>matūrien</i>	люди, получившие раны, травмы в результате разных событий

В новой редакции появляется и другое значительное нововведение – шкала одушевленности–неодушевленности, вызывающая в памяти формирование грамматической категории одушевленности в истории русского языка у существительных мужского рода в зависимости от их семантики. Одушевленные существительные (анрѣи) обычно относятся к людям и к предметам, которым приписывается персональность. Точный список одушевленных существительных варьируется не только по диалектам и стилям, но и в зависимости от принадлежности говорящего к тому или иному роду келени. Строгие правила «кодифицированного» келена предписывают употребление с приставкой, выражающей одушевленность, только обозначений людей народа келени. В менее формальных сферах языка право на одушевленность получают также люди и представители другой келенской расы – *īāīi*, а также некоторые животные и природные силы.

Шкала одушевленности, соответственно, выглядит так: келени, принадлежащие к тому же роду, что говорящий – другие келени – *īāīi* и люди – домашние животные и некоторые природные силы – животные вообще и природные объекты – инструменты – все остальное. Например, слово *jatūmse* обозначает небольшого хищного зверька. Если его держать в качестве домашнего животного, то он называется *matūmse*. Слово *malō* обозначает солнце, а соответствующее слово с приставкой, выражающей неодушевленность, *jalō* служит для номинации ярких предметов. Для передачи значения оскорбления, уничижения можно заменить приставку – показатель одушевленности у существительного на показатель неодушевленности:

hīja nī japēxte āke rā cī;
 FUT.possible NI stranger(N.INAN.SG.) that.far RA CI
 'May that stranger leave!'

Здесь существительное *mapēxte* ('stranger', чужак) лишается одушевленности (*japēxte*): говорящий выражает тем самым свое презрение по отношению к незнакомцу.

Таким образом, приставки, выражающие одушевленность/неодушевленность в келене, функционируют и как словоизменительные, и как словообразовательные. Их регулярность и обязательность приближают их к словоизменительным аффиксам, а способность их изменять лексическое значение слова – к словообразовательным.

В области собственно словообразовательных аффиксов тоже произошли изменения. Отменены вокативные префиксы. Среди суффиксов в личных именах выделены продуктивные (*-ōl*, образующий имя агенса или каузатора, и *-ēl*, образующий имя пациенса) и непродуктивные (*-anen*, *-aron*, *-non*). Непродуктивность последних получает историческое обоснование: они встречаются в старых словах и существительных, обозначающих членов гильдий. Уменьшительный и увеличительный суффиксы остались без изменения.

Из других частей речи интерес представляет **система личных местоимений**. Они выступают в полной или краткой форме, причем использование краткой формы для первого лица всех чисел считается вежливым, использование краткой формы для второго лица – невежливым, для третьего – нейтральным:

Краткая форма	
1 лицо	<i>le</i>
2 лицо	<i>ri</i>
3 лицо	<i>ma</i> (одуш.) <i>ja</i> (неодуш.) ¹⁶

Если краткая форма не изменяется по числам, то у полных личных местоимений категория числа включает целых четыре элемента: единственное, двойственное, групповое (раусаl, для именованной тесно связанных небольших групп) и множественное. Кроме того, в первом лице, начиная с двойственного числа, противопоставлены эксклюзивные (исключающие говорящего) и инклюзивные (включающие его) формы:

	единственное	двойственное	групповое	множественное
1 лицо	<i>lién</i>	<i>liénne</i>	<i>léim</i>	<i>liéḗ</i>
	инклюзивные	<i>liér</i>	<i>éim</i>	<i>ñiéḗ</i>
2 лицо	<i>rién</i>	<i>riénne</i>	<i>réim</i>	<i>riéḗ</i>
3 лицо	<i>sáen</i>	<i>sáenne</i>	<i>sáim</i>	<i>sáéḗ</i>

¹⁶Такое разграничение по одушевленности/неодушевленности для 3 лица введено в последней редакции. Ранее форма *ma* давалась как единственная в этой ячейке. А «неодушевленное местоимение» *ja*, так же не изменявшееся по числам, рассматривалось отдельно. Это, казалось бы, небольшое изменение демонстрирует достаточно типичное для изобретения ВЯ явление: автор сначала вводит в систему языка элемент, изобретает его форму и значение и лишь потом осознает отношения этого элемента с другими подобными. Так, прежде стоявшее вне парадигм *ja* оказалось включено в систему кратких форм личных местоимений.

В прошлой редакции келена Сотомайор стремилась максимально усложнить систему личных местоимений, поэтому в нее были включены еще две формы краткого местоимения первого лица *le - ci и so*. *Ci* характеризовалась как «агентивная, эргативная, волитивная форма *le*», используемая в ограниченном количестве фиксированных контекстов; *so* – форма от *le*, выражающая значение *myself/ourselves*. В новой версии от этих форм автор отказалась, очевидно, не найдя им должного применения.

Заметим, что полное местоимение имеет 4 формы числа и в старой, и в новой редакции келена. Но изменилось соотношение между числовыми формами местоимений и существительных. В прошлой редакции Сотомайор просто указывала на то, что в противопоставлении по числу у местоимений включает больше членов, чем у существительных, что выглядело достаточно логично. В новом же варианте келена и у существительных, и у местоимений по 4 формы числа, но они очень разные: у местоимений семантика числовых форм указывает на различие по дискретному количеству (один – два – несколько – много), а у существительных семантика числовых форм выражает разные оттенки количественности (дискретная считаемость (один/много) – собирательность – дистрибутивность). Учитывая связь между существительным и личным местоимением как его анафорическим заменителем, трудно предположить, что развитие важнейшей номинативной грамматической категории этих частей речи могло пойти в языке столь разными путями. Автору ВЯ, чтобы оправдать такое различие, придется придумать очень сложное историко-лингвистическое обоснование, возможно, культурно и/или биологически обусловленное для народа келени.

От редакции к редакции все подробнее разрабатывается также богатый набор неопределенных местоимений, организованный по аналогии с английской системой *some/any-body/thing* etc. с использованием перечисленных выше именных приставок и суффиксов и 4 указательных местоимения (три, обозначающих разные версии удаленности объекта от говорящего, и слушателя и одно, выполняющее функцию общего указания).

Синтаксис. В прошлой версии информация об этом уровне келена была представлена двумя фактами. В именной группе первым ставится главное слово за исключением выражения отношений принадлежности, когда первым ставится обозначение принадлежащего предмета, а затем имя possessора. В предложении первым ставится топик, который может быть субъектом, объектом или выполнять другую синтаксическую роль в предложении. В текущей версии в разделе «Существительное» рассказывается лишь о порядке образования именной группы, чему посвящается отдельный параграф. На сегодняшнем этапе работы над языком автор стремится установить больше связи между синтаксисом и морфологией, тогда как ранее синтаксис связывался прежде всего с семантическими категориями. Если раньше при объяснении строения предложения и именной группы автор оперировала семантическими ролями компонентов, то теперь она обращает внимание на их морфологическое оформление. Ср. следующее утверждение в разделе, посвященном частицам: «Порядок слов в предложениях, где имеются падежные показатели, свободный. Именные групп могут следовать в любом порядке, однако обычный порядок таков: *ke*-группа, *to*-группа, *to*-группа». В разделе о существительных: «Окончания существитель-

ных важны для синтаксиса, так как два и более существительных с одинаковыми окончаниями, соединенные сочинительной связью, относятся к одному объекту. Два и более существительных с разными окончаниями, соединенные сочинительной связью, дают более сложный случай. Первое существительное или существительные, имеющие одинаковое окончание, рассматриваются как целое, а следующее существительное или существительные, отличающиеся окончаниями, обозначают часть этого целого».

Мы начали обзор келена не с фонологии, а с грамматики, потому что именно грамматическая идея (нарушение универсальной оппозиции «существительное – глагол») послужила стимулом для конструирования этого языка. Перейдем к краткому обзору фонологии, системы письма и словаря.

Фонология келена не очень оригинальна <http://www.terjemar.net/phono.php>. В ней как раз соблюдаются языковые универсалии, более того, используются только те способы и места произношения гласных и согласных и те фонологические оппозиции, которые характерны для индоевропейских языков.

5 смычных согласных:

/p/ \overline{p} p
 /t/ \overline{t} t
 /s/ \overline{s} s (так у автора)
 /c/ \overline{c} c
 /k/ \overline{k} k

5 фрикативных согласных:

/w/ \overline{w} или \overline{w} w (билабиальный)
 /b/ \overline{b} (как *th* в английском *thin*)
 /sh/ \overline{sh} x (как *sh* в английском *shoe*)
 /y/ \overline{y} или \overline{y} j (как *ch* в немецком *ich*)
 /h/ \overline{h} или \overline{h} h (как *ch* в немецком *ach*)

Все эти согласные глухие, они озвончаются между гласными и сонорными.

4 носовых, которые могут быть краткими или долгими:

/m/ и /mm/ \overline{m} и \overline{m} m и mm
 /n/ и /nn/ \overline{n} и \overline{n} n и nn
 /ñ/ и /ññ/ и $\overline{\tilde{n}}$ и $\overline{\tilde{n}}$
 /ŋ/ и /ŋŋ/ и $\overline{ŋ}$ и $\overline{ŋ}$ NN

2 плавных, которые могут быть краткими, долгими или палатализованными:

/l/ и /ll/ и /ɺ/ \overline{l} и \overline{l} l и ll и L
 /r/ и /rr/ и /rj/ \overline{r} и \overline{r} r и rr и rj

5 гласных, которые могут быть краткими и долгими:

/i/ \overline{i} и \overline{i} i и í
 /e/ \overline{e} и \overline{e} e и é
 /a/ \overline{a} и \overline{a} a и á
 /o/ \overline{o} и \overline{o} o и ó
 /u/ \overline{u} и \overline{u} u и ú

3 дифтонга, которые могут быть краткими и долгими:

/ae/ \overline{ae} и \overline{ae} ae и áe
 /ao/ \overline{ao} и \overline{ao} ao и áo
 /ie/ \overline{ie} и \overline{ie} ie и íe

Для всех звуков автор дает сопоставление со звуками европейских языков, объясняющее, как их произносить, например, для дифтонгов: «/āo/ и /ao/ произносятся как немецкий /au/. /iē/ и /ie/ произносятся как /ye/ в /yet/ в американском английском». Указываются диалектные различия. Из фонетических процессов отмечается только озвончение шумных согласных между гласными и сонорными. В последней версии появились названия букв, отражающие системный характер фонологической системы, но колебания в классификации согласных, гласных и дифтонгов, а также терминологические колебания свидетельствуют о том, что для самого автора отношения между фонемами и звуками остаются неясными. Сопоставляя редакцию келена, мы видим, что автор никак не может решить, будут ли пары долгих и кратких согласных, гласных, дифтонгов противопоставляться как разные фонемы или объединяться как аллофоны одной фонемы.

Основа келенского письма – прямая линия, под которой пишутся буквы – заставляет нас вспомнить о письме деванагари. Также напоминают о деванагари начертания букв келена, однако для гласных имеются самостоятельные знаки. Компоновка букв из базовых элементов, как мы легко можем заметить, обусловлена системными отношениями между фонемами, обозначаемыми этими буквами, в артикуляционной классификации. На основе 12 базовых элементов создаются 43 буквы. Так, знаки для /p/ (/th/) и /sh/ образованы от знаков для /t/ и /s/, к которым присоединен общий показатель фрикативности $\bar{\text{T}}$. Специальные надстрочные значки обозначают билабиальный, палатальный, велярный фрикативный согласный. Предоставим читателю самому увидеть базовый элемент для носовых согласных и способ обозначения долготы.

На странице <http://www.terjemar.net/saying.php> есть очень красивый образец старинного келенского письма, «найденного в руинах Attarein, где говорили на диалекте, весьма отличающемся от стандартного келена», а на странице <http://www.terjemar.net/lajathin.php> рассказывается о не менее красивом церемониальном письме, насчитывающем 21 символ.

На странице <http://www.terjemar.net/dict0.php> представлен онлайн-новый словарь келена, содержащий 512 корней и 1312 основ, образованных от этих корней. Можно посмотреть список корней и основ, запустить поиск по корню, основе, дефиниции или части речи. Основной единицей организации словаря служит основа. От нее по описанным в грамматике правилам генерируются отдельные лексемы. Например, обнаруживаем следующие существительные с основой *-āk-*: *sāka* [единств. неодуш.] – чей-то, его, ее палец; *lāka* [единств. неодуш.] – мой палец; *gāka* [единств. неодуш.] – твой палец; *anāki* [собирательное] – совокупность пальцев, поэтическое слово для «рука»; *anāka* [статив] – состояние «быть пальцем», «finger-ness».

Отдельно описываются такие лексические группы, как собственные имена, термины родства, цветообозначения, обозначения времени и числительные.

Эти лексические группы неразрывно связаны с тем социокультурным и историческим фоном, которым потребовалось Соготмайор наделить вымышленный народ келени для создания полноценного языка. Тщательно «вымышляется» общественное устройство келени, основанное на гильдиях и кланах, их календарь и религия (см. приложение 2б, где (за вычетом

цветных таблиц) воспроизводится с разрешения автора описание общества и культуры келени). Действительно, трудно представить себе выглядящий естественно язык без терминов родства, без обозначений божественных существей, без названий промежутков времени. В более поздней версии добавились философия и начала математики, а также весьма детально разработанная и культурно окрашенная система цветообозначений.

Помимо работы с универсалиями, Сотомайор предполагала использовать келен и для другой филологической тренировки – конструирования истории искусственного языка. Для упрощения задачи она решила, что других языков, откуда келен мог бы заимствовать, изобретать не будет, зато в келене должны быть диалекты и стилистические различия. Поэтому она «разместила» народ келени на изолированной планете, которую он колонизировал только несколько столетий назад. Мир одного языка, по словам Сотомайор, это упрощение эксперимента до такой степени, что им становится возможно управлять. Разработка диалектных и стилистических различий еще не охватила полностью все уровни языка, в основном коснувшись фонологии. Но отдельные примеры диалектных «черточек» находим и в грамматике. Частица *pa* в ее современном употреблении – недавнее новшество в стандартном келене, не охватывающее все диалекты. Восточные келени в разговорной речи строят предложения, приведенные выше с частицей *pa*, как сложные, включающие две частицы – *la* (показатель существования) и *pa* (показатель придаточного определительного):

la ankēji pa ancōra

LA sky PA blueness

'The sky is blue' (Существует небо, у которого есть голубизна);

la sāen pa anlōrāl

LA 3p.sg. PA sorrow

'She is sad' (Существует она, которая имеет печаль);

la liēn ānen ankēlen pa ansōri pē

LA 1p.sg. with Kēlen PA words few

I don't speak Kēlen well (Существую я и Келен, которого имею мало слов).

Прежде чем рассматривать следующий проект, обратим внимание на некоторые черты модели описания и системы языка в проекте Сотомайор:

1) Если в системе келена, прежде всего в словаре, культура народа келени просвечивает, то модель описания культурно не обусловлена. Ни в структуре грамматики, ни в терминологии особенности мышления келени не отражены. Описание сделано с внешней точки зрения безличным автором, который находится за чертой своего вымышленного мира, в реальном референтном поле;

2) Грамматика носит полностью описательный характер. Сотомайор не объясняет ни причин, по которым она вносит то или иное изменение в свой ВЯ (не дает лингвоконструкторских объяснений), ни (за редким исключением) закономерностей функционирования или истории происхождения тех или иных компонентов системы языка (не дает синхронных и диахронных объяснений с внутриязыковой точки зрения);

3) Описание келена можно назвать минималистским: это обозримый проект, автор которого поставил перед собой конкретные лингвоконструк-

торские задачи (создать язык без глаголов, разработать систему языка до такой степени, чтобы можно было представить текст о Вавилонской башне и т.п.) и выполнил их без излишеств и существенных лакун;

4) Старая версия языка уничтожается автором бесследно и полностью заменяется новой. Келен версии 2005 года и келен версии 2006 года не связаны между собой генетически в вымышленном мире. Пользователь, который впервые встретится с келеном в этом году, не будет знать предыстории проекта.

В следующем проекте мы увидим принципиально иной подход.

2. Языки эналь и ларимин

Этот проект ВЯ из русскоязычной части Интернета выбран нами для подробного описания по трем причинам:

- во-первых, эти конланги одновременно являются вымышленными и международными вспомогательными языками – для своего вымышленного мира;

- во-вторых, это гендерно обусловленные ВЯ – языки вымышленной однополой женской цивилизации;

- в-третьих, в рассматриваемом проекте представлены два языка: один – эналь – признанный неудачным и отвергнутый, второй – ларимин, заменивший эналь практически на наших глазах, в связи с чем интересно сопоставить описания этих двух языков, отражающие две стадии работы автора над вымышленным миром, и проанализировать причины, заставившие автора и ее фантастических персонажей отвергнуть эналь.

Кроме того, поскольку автор проекта – наша соотечественница, мы можем оценивать модель и язык описания ее ВЯ на фоне тех школьных знаний, которые получает русский «наивный говорящий» в области лингвистики, и на фоне русской традиционной грамматики, а систему ВЯ – в проекции на систему русского языка как родного языка автора.

Проекты ВЯ эналь и ларимин являются частью вымышленного мира «Утопия планеты Атэа», создательница которого, физик-теоретик по роду занятий, выступает под псевдонимом *Ольга Ладэль*. «Утопия планеты Атэа» включает описание планеты и населяющей ее цивилизации бессмертных прекрасных лемле¹⁷, произведения искусства Атэа (прозу, стихи, рисунки) и описание языка. Общая характеристика эналя, служившего несколько лет основным языком этого вымышленного мира, давалась автором следующим образом:

«Язык **эналь** (известный также под названием **ладар'аталь**) был создан на планете Атэа группой ведьм и философов в античную эпоху. Он создавался в качестве международного, вненационального языка науки. С определёнными оговорками эналь можно называть атэанским эсперанто и в то же время атэанской латынью. Язык предназначался прежде всего для написания на нём научных трудов, общения учёных, преподавания.

¹⁷ Мы приводим это пространное описание как типичный образец сконструированного мира в Приложении 2

Название *эналь* происходит от корня *эн-*, означающего всеобщность, собирательность, и может быть переведено как *всейный, всюдный язык*.

Создательницы эналь действовали иначе, чем земляне, создававшие искусственные международные языки. Эналь — полностью априорный искусственный язык. В отличие от таких земных искусственных языков, как эсперанто, идо, эдо или интерлингва, словарный фонд языка не включал элементов из естественных языков. Он выдумывался с нуля — при конструировании языка выбирались звукосочетания, наиболее ассоциируемые с тем или иным понятием.

Грамматическое устройство языка не основывалось на грамматике какого-либо языка или группы языков и также конструировалось априорно, с нуля. Главной целью при этом ставилась ясность и логичность грамматики, выразительность, гибкость и живость языка, способность его к развитию. Требования максимальной простоты не было, было лишь пожелание не усложнять язык, когда на то нет необходимости (опять же, в отличие от земного эсперанто и ряда других искусственных языков). Язык в итоге получился непохожим на распространённые тогда на Атэа естественные языки, но действительно нейтральным, и к тому же, пожалуй, превосходящим их (поначалу, если не все, то многие) по выразительности.

В результате эналь сделался международным научным языком и стал играть ту роль, которую на Земле, в Европе, некогда играла латынь, став также и непременным атрибутом образованности. На нём писались научные труды, велось преподавание, и, что не менее важно, на нём общались между собой образованные лемле. Когда атэанская цивилизация достигла того уровня развития, что практически каждая лемле получала хорошее образование, эналь превратился во всепланетный язык» (<http://laedel.chat.ru/lingua.htm>).

Здесь следует подчеркнуть ориентацию автора на создание языка, который бы одновременно являлся для своей цивилизации и эсперанто, и латынью, то есть и международным вспомогательным языком, и языком образованности. Соответственно, к эналю с самого начала предъявлялись требования, аналогичные требованиям, формулируемым для реальных вспомогательных языков. С другой стороны, исходно эналь предназначался для функционирования в качестве письменного языка науки, а не для общения всех со всеми. Обратим внимание на некоторое противоречие, которого сама О. Лаэдэль, по-видимому, не замечает: язык, который «предназначался прежде всего для написания на нём научных трудов, общения учёных, преподавания», конструируется звукосимволическим путем («выбирались звукосочетания, наиболее ассоциируемые с тем или иным понятием») и, не отвечая требованию максимальной простоты, ориентируется на максимальную выразительность. Таким мог бы быть, скорее, язык искусства, чем науки.

Автор предложила подробное описание грамматики языка эналь с многочисленными раздѐлами (см. ниже). Также был составлен Эналь-русский словарь (более 1300 слов), создан небольшой корпус текстов на языке эналь и представлен ряд «переводов» литературных произведений с язы-

ка эналь на русский, из которых особый интерес представляют «Лепестки» – короткие, в несколько фраз, рассказы – лирические зарисовки.

На примере эналя можно видеть, насколько динамично и подвластно воле автора лингвопроектирование. Когда мы уже завершали работу над монографией, а именно – в августе 2005 года, в утопии Атэа по воле автора произошла «лингвистическая революция»: язык эналь был признан его создательницей неудачным опытом и заменен на язык ларимин – новый «всеобщий язык атэанской цивилизации». Приведем и проанализируем предлагаемое О. Лаэдэль описание статуса этого языка, причин упадка эналя, культурно-исторических и лингвистических факторов, обусловивших принятие ларимина в качестве нового общего языка «образованных лемле» – жителей Атэа:

«Лемле разговаривают на одном, общем для всей цивилизации языке, который называется *Ларимин*. Название языка — *larimin* — это просто имя собственное, образованное от слова *larime* 'язык'.

Ларимин представляет собой искусственный язык, который был создан в позднеантичную эпоху атэанской цивилизации и вскоре стал общим языком всех образованных лемле, языком их творчества и общения. Со временем, когда, расширяясь по мере прогресса, круг образованных лемле вообрал в себя всех лемле планеты, ларимин сделался всеобщим языком всей цивилизации и стал, начиная с этих времён, родным языком всех лемле.

В древности, в античную эпоху атэанской истории, умами многих атэанских философов и ведём владела мечта о создании искусственного языка, который бы и по своей красоте, и по своим возможностям (и для художественного творчества, и для выражения научных знаний и философских рассуждений) превосходил бы существовавшие естественные языки. С этой мечтой связывалась и надежда на то, что будучи искусственным, а потому нейтральным, и вместе с тем превосходя красотой и выразительностью национальные языки, такой язык мог бы быть принят всеми лемле для общения и творчества, объединяя все народы и культуры.

Под влиянием этой мечты было создано довольно много искусственных языков, разной степени проработанности и разной степени совершенства. На всех этих языках мало кто говорил и мало что писалось. Среди большого числа подобных языков относительный успех имел язык эналь. Довольно многие образованные лемле той эпохи изучали эналь, пытались им пользоваться для общения и даже сочинять на нём свои произведения. Но при этом эналь вызывал у многих занимавшихся им нарекания как по части логики языка, так и по части эстетики, а частые реформы языка исправляли одни недостатки эналь ценой создания новых. Некоторые из предлагавшихся реформ эналь затрагивали столь глубокие его основы, что вели, по сути дела, к совершенно новым, кардинально отличающимся от эналь языкам.

От попыток глубокого реформирования, исправления логических недостатков и облагораживания звучания и выразительных возможностей эналь ведёт своё происхождение и язык ларимин, который стал – таки в итоге осуществлением мечты об общем языке, пре-

восходящем своим совершенством национальные языки, и заменил их собой сначала в сфере книжной культуры, а потом и везде. Логические принципы, лежащие в основе устройства ларимин представляют собой результат усовершенствования, развития и исправление ошибок логики устройства эналь. А лексика языка ларимин, вернее вообще все его значащие элементы возникали из поиска и ведовского прочувствования ассоциаций между звуками и образами, по сути дела — рисования образов фонемами языка (некоторые из этих образов были взяты, с большей или меньшей адаптацией, из эналь и естественных языков). Некоторые из этих элементов совпали с уже придуманными в своё время для эналь, некоторые были найдены в естественных языках атэанской ойкумены, а многие созданы или найдены ведовским чутьём создательниц и первых знатоков языка ларимин.

Появление ларимин было воспринято с облегчением и энтузиазмом даже теми, кто отдавал немало сил совершенствованию и распространению эналь. Благодаря появлению более красивого и продуманного языка, интерес к эналь быстро сошёл на нет. И вместе с этим ларимин понравился и другим образованным лемле (от учёных до поэтов и ведьм), не пользовавшимся языком эналь, а писавшим свои произведения, общавшимся между собой и со своими ученицами на классических языках древности. Классические языки древности, языки народов античной ойкумены времён расцвета её культуры, страны и цивилизация античной ойкумены всё больше приходили в упадок фактически мёртвыми. Ларимин понравился образованному сообществу и быстро распространился в качестве замены книжным мёртвым языкам. Кроме того, ларимин понравился многим выдающимся гетерам той эпохи, зазвучал в салонах и на балах у гетер, и стал, благодаря им, языком лирики, изящной словесности и изящных искусств вообще.

Ларимин сделался, подобно земному языку эсперанто, искусственным языком международного общения, и вместе с тем, подобно латыни в земной средневековой Европе и языку *Qienya* у эльфов толкиновской Арды, стал языком книг, науки, литературы и книжной культуры в целом. Образованные лемле, общаясь, учась и творя на ларимин, сживались с этим языком настолько, что он становился им родным. Естественно, их дети с детства от своих матерей знали ларимин, и для них он становился родным в самом полном смысле.

По мере того, как атэанская цивилизация, объединившись, воспрянула от позднеантичных тенденций к упадку и дичанию и (избегав грозившего ей краха и тёмных веков) стала развиваться, образованное сообщество всё более расширялось, вбирая в себя всё новых и новых лемле. И, в отличие от того, как произошло на Земле с латынью, приобщение новых лемле к науке, книжной культуре и искусствам происходило через обучение их языку учёной среды, языку ларимин. Со временем, когда образованное сообщество расширилось настолько, что вобрало в себя всех лемле планеты, ларимин стал общим для всех лемле языком».

В этом фрагменте мы обнаруживаем много интересных сведений о том, как автор вымышленного мира представляет себе языковую ситуацию, факторы ее развития, показатели статуса языков.

1) Несомненно, тот факт, что название нового всеобщего языка происходит от слова, обозначающего язык как таковой, должен подчеркивать высокое качество ларимина и его неоспоримый статус в культуре лемле.

2) Ларимин как результат развития эналя в коммуникации и путем сознательных реформ противопоставляется эналю как языку, изобретенному «группой ведьм и философов». Если эналь – язык собственно искусственный, то для ларимина моделируется ситуация естественного развития. Это апостериорный язык, в отличие от эналя, для которого декларировалась полная априорность.

3) Интересна версия происхождения априорных элементов в ларимине посредством «ведовского прочувствования ассоциаций между звуками и образами», тогда как звуко-символизм эналя был логически опосредован: при конструировании его априорных элементов **«выбирались»** звуко-сочетания, наиболее ассоциируемые с тем или иным понятием.

4) Показательна переоценка эналя: если в его общей характеристике, приведенной выше, говорилось о том, что «на нём писались научные труды, велось преподавание, и, что не менее важно, на нём общались между собой образованные лемле», то на новом этапе ключевым словом в характеристике функционирования эналя становится «пытались». О. Лаэдэль подчеркивает несостоятельность попыток применения эналя в качестве всеобщего языка образованности. Если раньше расцвет атэанской цивилизации связывался со всеобщим овладением эналем, то теперь ее высшая точка соотносится с распространением ларимина.

5) Сила ларимина – в готовности всех принять его: для тех, кто предпочитал эналю древние языки, он стал их заменой; для атэанского «света» ларимин стал языком изящной словесности и вообще искусства. Более того, он становится родным для многих носителей, овладевающих им от рождения. О. Лаэдэль, очевидно, чувствует слабость идеи искусственного вспомогательного языка, пытается придать лармину максимум признаков не эсперанто, а латыни или толкиновского ВЯ Квенья.

Грамматика ларимина еще более подробно и тщательно разработана, чем это было в энале. Увеличилось количество разделов, изменился их порядок, что свидетельствует о желании автора охватить максимальное количество языковых категорий. Однако, на наш взгляд, стремление включить в ВЯ все возможные (известные автору?) категории естественных языков не приблизило ларимин к натуралистичности, а наоборот отдалило от нее, а грамматику сделало слишком запутанной. Сравним структуры грамматик эналя и ларимина:

эналь

Введение
Предварительные замечания
Алфавит, произношение, транслитерация
Структура предложения, словосочетания и слова

ларимин

Введение
Предварительные замечания
Алфавит, произношение, транслитерация
Фонетическая структура морфем и слов
Части речи и их окончания

Фонетический состав морфем — ограничения	Словообразование, конверсия
Грамматические категории и их выражение	Типы синтаксической связи морфем в сложных словах
Части речи и их окончания	Порядок морфем в сложных словах
Имя (существительное)	Структура предложения
Свойства	Грамматические категории
Прилагательное и качественное	Обзор основных грамматических категорий
Наречие	Имя (существительное)
Свойство высказывания	Атрибутивы
Градатор	Прилагательное и качественное
Степени	Антонимы
Личные местоимения	Прилагательное, существительное и глагол-связка
Операторы (частицы и союзы)	Наречие
Числа, цифры, числительные	Атрибутив высказывания
Глагол: выражение времени и вида	Градатор
Инфинитив и герундий	Компаративы атрибутивов и степени сравнения
Причастие и деепричастие	Личные местоимения
Модальные и фазовые глаголы	Операторы (частицы и сочинительные союзы)
Отрицание и вопрос	Частицы-классификаторы имён собственных
Предлоги	Выделители
Выделители	Числа, цифры, числительные
Залог глаголов и вербоидов	Глагол и вербоиды
Наклонение и свойства высказывания	Залог
Обращение	Подчинительные союзы (бинарные операторы асимметричной связи)
Ссылочные местоимения	Выражение пространственных отношений
Местоимения-коррелятивы	Перевод предлогов
Сложные предложения	Время и вид
Прямая речь и цитирование	Модальные глаголы и каузативные конструкции
Знаки препинания	Вводные слова и средства выражения наклонений
«Комментарии к грамматике эналь»:	Вокатив, обращение и вокативные выделители
Принципы устройства алфавита	Местоимения-коррелятивы
Названия качеств, признаков и состояний. Антонимы и их градация	Отрицание и отрицательные предложения
Словообразование: конверсия	Вопрос и вопросительные предложения
Словообразование: аффиксация, сложные слова	Сложносочинённые предложения
	Сложноподчинённые предложения
	Ссылочные местоимения
	Пунктуация

Модель и язык грамматического описания в проекте О. Лаэдэль существенно отличаются от проекта С. Сотомайор и отражают черты описываемых языков. Упоминания заслуживают следующие особенности:

1) Указание на типологическую характеристику ВЯ: «Ларимин можно отнести к языкам агглютинирующего типа». Внимание к морфологиче-

ской и синтаксической типологии так же характерно для конлангеров, как и интерес к языковым универсалиям.

2) Сопоставление ВЯ не только с естественными языками, но и с эсперанто, что объясняется функцией эналя и ларимина как международных языков для вымышленного мира Атэа: «Кстати, тем, кто изучал эсперанто, подобная картина представится знакомой. Важное отличие ларимин от эсперанто в том, что границы между морфемами сложного слова в ларимин всегда чётко и недвусмысленно обозначены».

3) Учет однополости носителей языка проявляется в такой мелкой черточке как использование термина «говорящая» вместо традиционного в русской лингвистике «говорящий», например: «Довольно-таки экзотично выглядит так называемый пустой атрибутив высказывания — *ai*, который может служить для явного обозначения границ между предложениями. Востребован он бывает редко, но в тех случаях, когда **говорящая** не уверена, что конец предложения обозначен достаточно отчётливо интонацией и паузой, слово *ai* может быть поставлено после последнего в предложении слова для совсем уж явного обозначения конца предложения». Заметим, что здесь играет роль национальный язык, на котором делается описание. Если бы О. Лаэдэль писала грамматику ларимина на английском языке, то она бы использовала термин «*speaker*», безразличный к роду. Перевод примеров с глаголами в прошедшем времени единственном числе на русский язык также выполняется в женском роде. Примеры слов, словосочетаний и предложений, приводимые в грамматике, тоже в полной мере отражают культуру лемле.

4) Сама манера изложения грамматических особенностей ларимина — свободный рассказ с эксплицированным присутствием автора, в отличие от грамматики келена, написанной в безличной форме научно-справочного стиля: «Атрибутивы высказывания также широко применяются для выражения наклонений глаголов. Об этом **я расскажу** позже — там, где речь пойдёт о наклонениях». Автор использует вводные слова типа «кстати», «заметим», интимизирующие текст, обращается к адресату напрямую. Это не недостаток грамматики, а ее соответствие культуре народа, язык которого она описывает (см. в приложении 2).

5) Грамматика О. Лаэдэль не просто описательная или нормативная, но и объяснительная. Автор старается сообщить читателям не только «что» и «как» выражается в ларимине, но и «почему». Автор келена же сосредоточилась на констатирующей части, давая в основном только перечни элементов и значений и правила изменения и комбинации.

В модели и языке описания эналя и ларимина присутствует ряд недочетов, типичных для описаний конлангов, авторы которых непрофессиональные лингвисты. Отметим 3 характерных недостатка таких описаний:

- 1) непоследовательность разделов;
- 2) непонимание взаимосвязей как между категориями различных уровней языка, так и между категориями одного языкового уровня;
- 3) неоправданные терминологические отклонения от традиционной европейской грамматики.

Рассмотрим эти проблемы подробнее на примере грамматик эналя и ларимина.

Непоследовательность разделов выражается в смешении морфологии и синтаксиса, грамматики и лексики, произвольном чередовании разделов, посвященных грамматическим категориям, разделов, посвященных частям речи. Мы встречаемся с противопоставлением «грамматических значений» (этим термином автор называет номинативные грамматические значения) и «синтаксических значений» («Если **синтаксические значения** слов (или, наверное, лучше сказать, синтаксические роли и отношения слов) выражаются окончаниями (точнее, принадлежностью слов к частям речи) и порядком слов, а их выражение обязательно и происходит в любом высказывании, то с выражением **грамматических значений** в ларимин дело обстоит гораздо свободнее» - жирный шрифт здесь и далее в цитатах наш, - М.С., О.Ш), а также с неразграничением грамматической категории, грамматического значения и формальных средств выражения грамматического значения. Ср. также: «По логике ларимина, категория залога относится **не к грамматике, а к синтаксису** и лексике». Следует признать, однако, что подобные неточности неизбежны при попытке создать такую сложную грамматику, с таким обилием частей речи и грамматических категорий, при отсутствии достаточно объемного корпуса текстов, из которых грамматические сведения можно было бы извлекать (или хотя бы: на которых грамматическую информацию можно было бы проверять).

В энале раздел «Грамматические категории и их выражение» предшествует разделу «Части речи и их окончания», что отражает логику языка и позволяет сначала разграничить типы грамматических категорий и способы их выражения, а потом обращаться в системе частей речи к грамматическим категориям, выражаемым окончаниями. В ларимине же раздел «Части речи» вынесен в самое начало грамматики, перед словообразованием, а «Грамматические категории» открывают ту часть грамматики, которая, собственно, посвящена частям речи. Автор не видит внутренней логики перехода от одного предмета к другому и располагает их в произвольном порядке. Вид и время глагола в обоих языках оторваны от залога. В один ряд ставятся такие категории, как «Антонимы» или «Свойства» и части речи.

Терминологические отклонения от традиционной грамматики частично являются неосознанными, частично сознательными. В последнем случае они комментируются автором. Явные терминологические ошибки, нарушающие логику описания языковой системы, как например противопоставление синтаксических значений грамматическим, связаны с недостаточно глубоким знанием лингвистической теории. Терминологические нововведения во многом объясняются профессиональной принадлежностью автора. Безусловно, физику-теоретику особо интересны в языке операторы, градаторы, все элементы, которые знакомы из своей профессиональной сферы. Неслучайно название раздела «Числа, цифры, числительные». Сочинительные союзы, рассмотренные как «операторы», оказываются для автора ближе к частицам, чем к подчинительным союзам – принципиально иному типу операторов. Заметим, что формулировка «Типы синтаксической связи морфем в сложных словах» не относится к неправильным, а раскрывает одно из принципиальных нововведений, сделанных в ларимине: в нем соединительные аффиксы в сложных словах не являются асемантическими, а, подобно союзам, указывают на «синтаксические» отношения основ, входящих

в состав сложного слова. Более подробно см. об этом в параграфе «Словообразование» в главе 6. Вообще, в грамматическом описании ларимина мы встречаемся с тремя типами употребления терминов:

а) использование традиционного термина в традиционном же значении: *слово, предложение, время, число* и т.п.;

б) переосмысление традиционного термина, использование его в нетрадиционном значении, например, термина *морфема*: «Морфемы подразделяются на два принципиально различных класса. Первый — морфемы, имеющие лексические значения, т.е. обозначающие некоторые сущности, понятия. Таковы корни и аффиксы. Второй — элементы слов, имеющие только синтаксическое значение, выразители смысловых отношений между составляющими сложных слов или словами в словосочетаниях. Лексических значений эти элементы слов не имеют. Таковы соединительные гласные, выражающие смысловую связь между морфемами в сложном слове, и таковы окончания, обозначающие принадлежность каждого слова к той или иной части речи. Далее я буду пользоваться термином «морфема» в более узком смысле, относя его только к первому из упомянутых классов, т.е. называя морфемами минимальные элементы слов, имеющие лексическое значение»;

в) введение грамматических терминов, отсутствующих в традиционных грамматиках индоевропейских языков: *унарные и бинарные операторы, качества, вербодды*.

Несмотря на отмеченные погрешности против строгой лингвистической теории в описании, впечатляющая в проектах О.Лаэдэль тщательность разработки устройства языковой системы. Обратимся теперь собственно к этой **системе**.

1) Для грамматики ларимина характерна взаимосвязь и взаимокompенсация между уровнями языка. Ни одно грамматическое значение нет необходимости (хотя обычно есть возможность) выражать дважды, дублировать его формальные показатели в пределах одного уровня или на разных уровнях. Так, в ларимине нет заглавных букв, так как имена собственные всегда опознаются по своим окончаниям, а граница между предложениями передается в произношении интонацией (причем однозначно — нисходящая интонация используется в ларимине только для обозначения конца предложения) и/или специальным словом — показателем конца предложения.

2) Можно сказать, что система языка имеет ситуативно-контекстный характер: обязательность или необязательность выражения того или иного значения и особенности этого значения определяются ситуацией и контекстом речи. Ситуативно-контекстная обусловленность касается не только порядка слов в предложении («Обычно члены предложения (или, скорее, их группы, такие, как группа подлежащего, группа сказуемого, группа дополнения) оказываются в предложении в той последовательности, в какой приходят в голову говорящей/пишущей. Можно сказать — в порядке попадания в «мысленное поле зрения»), но и тех грамматических категорий, которые по сути своей менее связаны с контекстом. Многие грамматические значения можно выражать или не выражать в зависимости от того, придается ли им в этой ситуации важность, по мнению говорящей. Но в то же время любое значение или любую

синтаксическую связь, которые не вполне понятны из контекста, можно эксплицировать с помощью специальных формальных средств.

Сама автор характеризует грамматику ларимина как «свободную», «в том смысле, что нет фиксированного набора грамматических значений, которые обязательно выражаются при всяком употреблении слов того или иного класса»:

«Говорящие вольны выбирать, какие грамматические значения будут выражены в словах данного высказывания, а какие не важны или самоочевидны в данном контексте, и их можно не выражать. Этот выбор свободен в тех пределах, в которых обеспечивается понимание сказанного и нужная говорящим точность высказываний. Поэтому в ларимин нет фиксированных и ограниченных схем словоизменения, строго определённых как в смысле грамматических значений форм слова, так и в смысле количества и способов образования этих форм (вроде, например, некоторого набора падежей или глагольных времён и видов). Также не фиксирована принадлежность грамматических категорий классам слов, частям речи».

3) Таким образом, номинативные грамматические значения, по мысли автора, сводятся к минимуму и необязательны для выражения. Зато система средств, выражающих синтаксические отношения между словами в предложении, разработана очень тщательно. При этом автор не вполне осознаёт связь между морфологическими категориями и синтаксическими, например, между морфологическими формами времени и синтаксическим временем. Из того что в пределах глагольного слова необязателен формальный показатель времени, а в пределах существительного – формальный показатель падежа, вовсе не следует, что категория времени и категория падежа не обязательны для соответствующих частей речи. Они могут выражаться синтаксически. В сознании автора и, соответственно, в системе ларимина словно существует граница между словом и предложением. Структура слова «параллельна» структуре предложения: в слове между морфемами есть такие же сочинительные и подчинительные связи как между словами в предложении, правила группировки, иерархизации и «прочтения» морфем в слове аналогичны правилам комбинации, иерархизации и «прочтения» слов и словосочетаний в предложении. Но между морфологическими категориями слова и синтаксическими категориями предложения системных связей либо нет, либо они произвольны (см. ниже).

4) Любой суффикс или приставка в ларимине может стать корнем, т.е. основным носителем лексического значения в слове. Морфемы в слове часто сочетаются не непосредственно, а через формальные показатели сочинительных и подчинительных логических отношений. Например, видовые префиксы присоединяются к основе с помощью показателя объектных отношений *-e-*.

5) Для ларимина характерна прозрачность структуры слова: отсутствие морфонологических процессов, изменяющих вид морфем, наличие четких правил чтения последовательности морфем в слове (см. параграф «Словообразование» в главе 6 нашей книги) и эксплицитных показателей сочинительных и подчинительных отношений между морфемами. То же можно сказать и о предложении. Все синтаксические связи могут быть выражены формально и трактуются однозначно.

6) В ларимине 4 основные части речи: имя (существительное), глагол, атрибутив и оператор (частица, союз) – и большое количество гибридных частей речи, включая качествоимя и вербоиды. Система частей речи представляется наименее обоснованным местом в грамматике ларимина. Остается непонятным, как наличие большого количества гибридных частей речи соотносится с синтаксической прозрачностью, «алгоритмичностью» построения лариминского предложения и четкостью морфемики. Соотношение семантики, функций и формы частей речи остается для автора неясным, что видно из формулировок подобных следующей: «Предлогов как части речи в ларимин нет, а их роль играют в сочетаниях существительных с глаголами — деепричастия, а в сочетаниях существительных с существительными — причастия. Поэтому конструкция вида "предлог+существительное" и существительным в падежах, отличных от именительного и винительного, в ларимин, как правило, соответствуют причастные или деепричастные обороты, которые ведут себя в предложении как обычные определения или обстоятельства, не отличаясь в этом смысле от прилагательных или наречий». Поскольку синтаксическая роль является одним из основных признаков, противопоставляющих части речи, сомнительно, чтобы у какого-нибудь естественного языка в грамматике могло бы содержаться подобное утверждение. Оно не операционально ни в онтологии (не помогает ни строить, ни понимать предложение), ни в гносеологии (не вносит никакой ясности в устройство языка). Однако признаем, что наши замечания типа «автору не совсем ясно...», «автор не учитывает...» и т.п. делаются с позиции изначально завышенных критериев. Некоторые из связей, недоучет которых мы фиксируем (не в порядке упрека), в грамматике О. Лаэдэль не объяснены еще современной лингвистической наукой.

7) Интересная часть речи в ларимине – операторы, напоминающие функции в модели «Смысл – текст» Ю.Д. Апресяна, И.К. Мельчука, А.К. Жолковского, реализованной в Толково-комбинаторном словаре, только функции, выраженные особыми лексемами.

8) Система ларимина так же, как и модель и язык описания отражает культурные особенности цивилизации лемле и их биологическую однополость. Естественно, в ларимине отсутствует категория рода. Мало востребована система личных местоимений, которая практически отсутствует. «Нередко различие и граница между «я» и «мы», «ты» и «вы», «она» и «они» может в речи лемле не делаться и не подразумеваться (что естественно для лемле, с их глубокой привязанностью и полным взаимочувствием между влюблёнными и близкими подругами)».

Положительной чертой проекта является богатство модусного плана языка. В ларимине привлекает и разнообразие модусных смыслов, их тонких нюансов, и широкая гамма средств их выражения, как в слове, так и в предложении (атрибутивы высказываний, наклонение глаголов и др.):

«Атрибутивы высказывания выражают отношение говорящей к своему высказыванию, состояние говорящей. Они могут быть отождествлены с междометиями, выражающими эмоции, со знаками пунктуации вроде вопросительного, восклицательного и т.п. знаков, или со вводными словами. Кроме того, выражение эмоций и состояния говоря-

щей посредством интонации или знаков препинания в земных языках обычно требует перевода с употреблением свойства высказывания. Одних лишь интонаций как средства выражения эмоций для лемле бывает мало... А вот пример фразы с *атрибутивами* высказываний:

amallonau palalte rimi

Варианты перевода:

Дождь идёт. (прочитать это с грустной интонацией)

Увы, дождь идёт.

Дождь идёт :-)

...ossaulpau — выражает очень лёгкий оттенок вопросительности;

lohettauntau — 'да' со значением твёрдого согласия;

lohettarbau — 'да' со значением горячего, страстного даже согласия;

jelmaulau — выражает лёгкий оттенок эротической неги».

Так же много средств для уточнения и изменения оттенков признаков. И то и другое культурно и гендерно обусловлено для цивилизации лемле.

9) Помимо разнообразия в частях речи, О. Лаэдэль постаралась увеличить число грамматических категорий и придать им иной набор значений (по сравнению с русским языком). Так, категория числа у существительных имеет следующие значения: определенное количество (указывается, сколько именно, начиная с единственности), неопределенное количество (несколько, много), отсутствие (нулевое число). У глаголов число выражает «кратность, количество действий». У признаковых слов имеются такие категории, как постоянство (выражается суффиксами, обозначающими, «является ли признак, выраженный данным атрибутивом, постоянным, всегда присутствующим, либо преходящим, временным», и мера (градация выраженности или интенсивности признака). Однако здесь происходит то же самое, что с частями речи. Как разнообразие и гибридность частей речи размывают само понятие части речи, так и необязательность множества грамматических категорий делает нетвердым само понятие грамматической категории. Может ли считаться грамматической категория, которая «выражается далеко не всегда, хотя и не редко»? Кажется, что было бы эффективнее, если бы автор сначала создала список значений, которые должны быть выражены в языке, затем решила, какие из них будут лексикализованы, а какие грамматикализованы, и наконец распределила грамматические значения по частям речи и по аналитическому/синтетическому способу выражения.

10) В области синтаксиса автор ларимина хорошо понимает, что в предложении есть компоненты, относящиеся к отдельным словам и ко всему предложению. Это понимание выходит далеко за рамки современной школьной программы. Так, среди атрибутивов выделяются относящиеся ко всему высказыванию (близкие к вводно-модальным словам русского языка) и относящиеся к отдельным словам (аналогичные русским прилагательным и наречиям).

11) При большом количестве частей речи и грамматических категорий набор синтаксических ролей остается таким же, как в русском языке. Дефиниции членов предложения не даются, но, судя по тому, как употребляются соответствующие термины, никаких отличий в системе членов предложения в ларимине от русского языка нет.

12) Как в морфологии, так и в синтаксисе проявляется родной язык автора (прослеживаются и черты других европейских языков, но нас в данном случае интересует русский). В морфологии это прежде всего наличие категории глагольного вида и весьма сложной видо-временной системы, которая, как ни парадоксально, не имеет к показателям вида никакого отношения. Здесь налицо крайняя избыточность, которая, на наш взгляд, делает реальное функционирование ларимина неосуществимым из-за невозможности овладеть этим языком. Во-первых, есть вид глагола, который выражается префиксами, обозначающими:

isp- — предстоящий характер действия, его предначальное, готовое начаться состояние;

ips- — происходящее начало действия, действие как раз начинается;

ipseisc- — состоявшееся начало действия (действие только что началось);

ist- — разовую краткость-моментальность действия;

isc- — завершённость действия;

iss- — нахождение действия в процессе его протекания, перетекания из прошлого в будущее через данный момент времени;

isy- — итеративность, повторяемость действия;

isty- — спорадичность действия.

Эти префиксы, напомним, присоединяются к основе глагола через показатель объектных отношений *e-*. Например: *berongie* — 'кричать'; *isceberongie* — 'крикнуть, прокричать'; *isteberongie* — 'вскрикнуть'; *ispeberongie* — 'быть в состоянии "сейчас закричу"'; *isseberongie* — '[продолжать] кричать'; *istyeberongie* — 'покрикивать'.

Далее, имеется два ряда суффиксов для обозначения времени — абсолютного и относительного.

Абсолютное время:

-ilw- предшествование моменту речи (прошедшее время);

-irw- отдалённое предшествование моменту речи (прошедшее время);

-inw- непосредственное предшествование моменту речи;

-il- одновременность с моментом речи (настоящее время);

-iny- непосредственное следование за моментом речи;

-iry- отдалённое следование за моментом речи (будущее время);

-ily- следование за моментом речи (будущее время).

Относительное время:

-ildw- предшествование моменту, о котором идёт речь;

-irdw- отдалённое предшествование моменту, о котором идёт речь;

-indw- непосредственное предшествование моменту, о котором идёт речь;

-ild- одновременность с моментом, о котором идёт речь;

-indy- непосредственное следование за моментом, о котором идёт речь;

-irdy- отдалённое следование за моментом, о котором идёт речь;

-ildy- следование за моментом, о котором идёт речь.

Выражение относительного времени в составе слова представляется очень интересной идеей. Однако из грамматики ларимина остается не совсем понятным, как взаимодействуют два ряда временных показателей (абсолютно-временные и относительно-временные суффиксы) и как они сосуществуют в глагольном слове с видовыми префиксами.

Наконец, есть еще один вид глагольных аффиксов — показатели направления, которые, будучи употребленными в глаголе в сочетании с вре-

менными суффиксами, приобретают не пространственное, а временное значение, указывая на «направленность развития действия по отношению к данному моменту»:

-*iv*+ будет выражать завершенность, совершенность действия к данному моменту;

-*af*+ будет выражать начало, старт, только-начатость действия с данного момента;

-*ew*+ будет выражать перетекание действия через данный момент, продолженность действия;

-*es*+ будет выражать замкнутость действия в моменте, его краткость и моментальность.

(+ указывает на место временного суффикса)

В результате получается 56 видо-временных суффиксов. «Эти суффиксы, обозначая сразу и время, и вид глаголов и вербоидов, позволяют выразить изрядное множество нюансов, относящихся к положению действия во времени и его фазе», - утверждает автор. Примеры от того же глагола *berongie* 'кричать':

berongailwi — 'кричала (когда-то в прошлом)';

berongaivilwi — 'крикнула, прокричала (когда-то в прошлом)';

berongaafilwi — 'закричала (когда-то в прошлом)';

berongaesilwi — 'вскрикнула (когда-то в прошлом)';

berongaewilwi — 'кричала, продолжала кричать (когда-то в прошлом)';

berongainyi — 'будет кричать (вот-вот, со следующего момента)';

berongaesinyi — 'вскрикнет (вот-вот, в следующий момент)' и т.п.

Что будет, если присоединить к этим формам еще и видовой префикс, и зачем понадобилось дублировать средства выражения вида, автор не объясняет.

13) В синтаксисе влияние родного языка проявляется через свободный порядок слов и наличие предложений с нулевой формой связки «быть» в настоящем времени. Однако каждое из этих свойств модифицируется, не выступая в чистом виде как копия соответствующей черты русского языка. Например, в ларимине, как и в русском, прилагательное может ставиться перед опереждаемым существительным и после него. Но если в русском нейтральна препозиция, а постпозиция используется для эмфазы, то в ларимине наоборот нейтральна постпозиция.

Еще больше отличаются от русских предложения со связкой «быть». Для предложений структуры «существительное + прилагательное» в настоящем времени связка нулевая: *она красивая - erel lanwa*. В других временах связка также отсутствует, а суффикс времени (у Лаэдэль указано «и вида», но примеров на выражение вида у прилагательных нет) присоединяется к прилагательному: 'Лист был жёлтым' — *sileme rillailwa* (суффикс *-ilw-* обозначает прошедшее время). 'Небо будет облачным' — *aline foarfailya* (суффикс *-ily-* обозначает будущее время). В биноминативных же предложениях даже в настоящем времени глагол-связка *mari* 'есть, является' нужен (в отличие от подобных русских предложений): *она красива - erel mari lennalanwe*. На этих примерах мы видим типичный случай использования особенностей родного языка для конструирования вымышленного: эти особенности берутся опытными конлангерами не в чистом виде, а подвергаются «ревизии».

Глава 4

Путеводитель по Интернет-ресурсам, связанным с ВЯ

Во этой главе мы даем описание «сборных» Интернет-ресурсов, на которых располагаются проекты языкового конструирования, рассматриваем руководства и компьютерные программы, помогающие языковому конструированию, а также игровые и исследовательские проекты, распроданные в движении конлангеров.

Сообщества конлангеров и «сборные» Интернет-ресурсы, посвященные ВЯ

Мы уже говорили о том, что изучение ВЯ неразрывно связано для нас с Интернет-формой их существования. ВЯ не предназначены их создателями для широкого использования в коммуникации, более того, конструкторы ВЯ (в отличие от изобретателей вспомогательных международных языков) прекрасно сознают невозможность функционирования своих творений в реальном мире. Для конструкторов ВЯ важнее процесс языкового творчества. Но язык – это средство общения, и даже если изобретатель не предлагает общаться на этом языке и даже если он не доводит проект ВЯ до такой стадии, что на нем можно общаться, ВЯ должен существовать в какой-то коммуникативной среде. Такой средой для фантастических языков стала «глобальная деревня», по словам канадского теоретика коммуникации М. Маклюэна, — Интернет. Если в реальном мире, как это отмечал еще Дж.Толкин, выдумывание языков держится в тайне от окружающих, как нечто постыдное и незрелое, «тайный порок», то в виртуальном мире проекты ВЯ находят интеллектуальный и эмоциональный отклик и являются типичной формой проявления творческой активности пользователей всемирной сети. Опрос, проведенный С. Хигли [Higley 2000], показал, что большинство участников сайта conlang.com (его описание см. ниже) занимались языковым конструированием «до Интернета», но тщательно скрывали это занятие от знакомых и даже рассматривали его как некое «отклонение», которого следует стесняться.

1. Сайты conlang.com и langmaker.com

Conlang.com — англоязычный ресурс, созданный Дж. Хеннингом, существует с 1995 года. Это место, где конлангеры, могут черпать информацию, размещать свои веб-страницы и ссылки и общаться друг с другом. Первоначально сайт был создан как пристанище любителей международных вспомогательных языков, но постепенно их вытеснили люди, которых больше интересует само изобретение языка, чем его распространение в мире, для которых оригинальность созданной языковой системы часто перевешивает ее регулярность и эффективность в применении. Среди 40000 зарегистрированных пользователей conlang.com студенты и аспиранты,

лингвисты, программисты, библиотекари, преподаватели вузов и домохозяйки – представители самых разных возрастов и профессий со всего мира. Родной «брат» этого сайта – langmaker.com.

Конланги представлены на этих ресурсах не только в текстовой форме, на некоторых страницах есть также аудиофайлы, демонстрирующие звучание вымышленного языка и даже песни на нем. Некоторые проекты сводятся к наброскам словаря и/или фонетики и графики, другие разработаны весьма тщательно и охватывают всю систему языка, до малейших деталей. Для многих конлангов в общих чертах или досконально проработаны вымышленные культуры их носителей. Имеются как апостериорные, так и априорные языки.

На сайте проводятся лингвистические дискуссии, игры и соревнования. Одно из популярных занятий – игра в «испорченный телефон» — перевод по цепочке исходного, написанного на одном из конлангов короткого текста или стихотворения. Автор посылает текст первому участнику игры вместе с необходимой лексико-грамматической информацией по своему языку, первый участник делает перевод на свой конланг и пересылает текст следующему. Такое упражнение дает импульс для совершенствования ВЯ и изучения проектов других участников движения, а возможность или невозможность адекватного перевода доказывает полноценность конлангов, наличие в них экспрессивных и культурно нагруженных средств выражения, подобно тому как это устроено в естественных языках.

На сайте langmaker.com имеются снабженные многочисленными гиперссылками указатели конструированных языков и фантастических произведений, в которых эти языки встречаются. Например, для каждой книги, где фигурирует искусственный язык, приводится библиографическая информация, указывается на наличие киноверсии и комикса по мотивам книги, дается список языков с их краткой характеристикой и отмечается наличие словаря, образца или большого корпуса текстов на данном вымышленном языке (языках):

Название	Uplift War, The
Подзаголовок	The Uplift Saga, Book 3
Автор	Brin, David
Издательство	Toronto : Bantam, 1987 (1993 printing)
Год	1987
ISBN ISSN	553279718
Аудио/видео	Нет
Книга	Да
Сериал	Нет
Комикс	Нет
Конланги	Galactic 1-10; Anglic; Neo-Dolphin; Tymbrimi
Автор конлангов	Brin, David
Словарь	Да
Образец	Нет
Корпус текстов	Нет

Краткая информационная таблица по каждому конлангу на langmaker.com включает указание на автора, год создания языка, тип языка, естественные языки-источники, образец фразы с переводом на английский язык, наличие словаря, этимологии, грамматики, образцовых текстов (особо отмечается наличие перевода текста о Вавилонской башне), количество лексических единиц и выглядит следующим образом:

Название языка	Atarel
Автор языка	Seiji Suenaga
Год создания	2004
Сайт	Atarel
Язык сайта	Английский
Тип языка	Личный язык
Особенности	Вымышленный язык. Название Atarel происходит от японского слова <i>atarashii</i> , «новый»
Языки-источники	Японский, латинский, староанглийский и немецкий
Образец	Weyo ra vilu na heim iru. Tes ra cata herna esu.
Перевод	Я хочу пойти домой. Здесь холодно.
Дословный перевод	Я [частица] хочу [частица] домой пойти. [формальное подлежащее аналогичное It] [частица] холодно здесь есть.
Словарь	Имеется
Этимология	Нет
Грамматика	Имеется
Образцы текстов	Нет
Собственная графика	Нет
Вводный курс	Нет
Перевод мифа о Вавилонской башне	Нет
Объем словаря	142 единицы
Публикатор	Seiji Suenaga
Дата публикации	03 июля, 2004
Последние изменения внесены	Seiji Suenaga
Дата последних изменений	28 ноября, 2004
Описание последних изменений	Размер словаря, образец

Основатель этих сайтов Дж. Хеннинг является самой известной фигурой движения конлангеров, автором 15 искусственных языков. Преуспевающий профессиональный программист, хозяин небольшой, но известной на рынке программного обеспечения фирмы, владеющий 12 языками программирования, Хеннинг, однако, не говорит ни на одном естественном языке, кроме родного английского.

2. Википедия

На известном ресурсе Wikipedia, где располагаются словари и учебники, «принять участие в написании которых может каждый», есть разделы, посвященные конлангам, напр., http://en.wikibooks.org/wiki/Wikibooks:Languages_bookshelf#Constructed. Рядом с курсами международных вспомогательных языков, там содержатся учебные пособия по некоторым языкам Толкина и другим ВЯ, в частности D'ni и Vahilic, так же, как и толкиновские языки, зародившимся в фантастических мирах литературно-художественных произведений и компьютерных игр, но не получившим настолько широкого распространения. Описания двух названных конлангов представляют два полюса подробности в языковом конструировании. Автор Vahilic-а оставил его в самом начале, предложив нашему вниманию только то, с чего обычно и начинается непрофессиональный проект лингвоконструирования: зачаточное описание системы личных имен и попытку представить фонетическую систему языка. Учебное пособие по D'ni впечатляет своей полнотой и тщательностью исполнения (в нем даже ссылка «Назад» сделана «на изучаемом языке»).

См. также далее описание игры в генеалогическое древо ВЯ на сайте Википедии.

3. Лаборатория искусственных языков Рика Харрисона

По адресу <http://www.rickharrison.com/language/index.html> в Интернете находится Artificial Language Lab — Лаборатория искусственных языков Рика Харрисона. На этом ресурсе имеются описания следующих искусственных языков:

- Damin
- Esperanto sen Fleksio
- Glaugnea
- Lingua Ignota
- Interglossa
- Spocanian
- Suma & Inga
- Taneraic
- UNI
- Universala Lingva Kodo
- Volapük Revised
- Vorlin

Также представлена обширная библиография, классификация конлангов (см. главу 1 нашей книги), материалы по теме «Конланги и компьютеры» и собственно лингвистические статьи и комментарии.

4. Сайт Ричарда Кеннэуэя (<http://www2.cmp.uea.ac.uk/~jrk/conlang.html>)

К сожалению, недавно «замороженный» автором сайт, содержащий классифицированные по типам краткие характеристики 312 конлангов, «живых» и «мертвых», с указанием их авторов и источников, а также со ссылками на страницы соответствующих проектов в Интернете. В отличие от Харрисона, Кеннэуэем принципиально учитывались только языки, представленные в электронной форме. Особенностью подхода Кеннэуэя был выраженный субъективизм и телеологическая ориентация при клас-

сификации конлангов. Так, в его характеристиках языков часто присутствует указание на то, нравится ему этот язык или нет, на сильные и слабые стороны данного проекта (что невозможно для систематизатора естественных языков). Типологию конлангов Кеннэуэй предлагает начинать с цели, с которой создан тот или иной язык: международная коммуникация (эсперанто), «ингредиент фикционального мира» (клингон, Nanigani), лингвистический эксперимент (Loglan, Lojban, AllNoun), социально-политические цели (Лаадан), *jeux d'esprit* (Ahua). В некоторых конлангах могут сочетаться несколько из названных целей.

5. Ресурсы русскоязычного Интернета

В русской части Интернета подобных комплексных ресурсов по лингвоконструированию нами не было обнаружено. Можно назвать только Стра[ter] (stra.teg.ru) — сайт, посвященный стратегиям разного рода, который содержит большое количество страниц, где рассматриваются проблемы лингвоконструирования и языкового планирования. Имеются разделы:

- Иврит;
- Попытки создания единого языка;
- Эсперанто;
- Эдо;
- Фантастические языки;
- Описание экспериментальных языков;
- Машинные искусственные языки;
- Экзотические концепции конструирования языка.

На сайте можно прочитать обзоры и научные и научно-популярные статьи об исторических прецедентах и современных проектах конструирования искусственных языков, языковом планировании, возможностях создания универсального языка, развитии модельной лингвистики, истории и предмете интерлингвистики; работы Дж. Оруэлла, Х.Л. Борхеса, У. Эко. Никаких собственно языковых проектов не представлено.

Заслуживает упоминания также проект писателя-фантаста А. Антонова — Звездная радуга (<http://anton2ov.spb.ru/>) и Тезаурус полной луны (<http://poliglos.info/>). Ресурс нельзя назвать популярным, но концепция его интересна, хотя и полностью не реализована.

Звездная Радуга — это сайт, посвященный «изучению гуманоидной цивилизации во всех ее проявлениях». Так представляет себя проект, включающий обширную альтернативную Вселенную (можно даже сказать, Вселенные), населенную многоязычными вымышленными народами. Языки этих народов должен был бы представлять Тезаурус полной луны — проект многоязычного словаря с возможностью перевода с одного языка на другой. Особенностью его является внимание к конлангам. В разделе, озаглавленном «Искусственные языки», представлены воляпук, идо, интерлингва, эсперанто, а также панславянский, эдо и романикум. Раздел «Фантастические языки» дает список следующих конлангов (для большинства из них, к сожалению, не дается описание) http://espada.org.ru/_fant.php: *globaledo*; *алголь*; *алиярский*; *астраверди*; *аширда*; *белодворский*; *вавилоний*; *виндерос*; *глеронский*; *горрианский*; *дэндрик*; *дженли*; *друйдан*; *земной универсал*; *казарский*; *квенья*; *кисметан*

ский; клингонский; лингва ламерикана; маджиганский; максэлинспайр; мергонский; мова атлантова; пирольский; севарский; севирский; серда-ри; сигна; синистрионский; таона рао; христовосельский; целинский; чарский; чарусский; элинский; эль-амрийский; эналь.

Уже из названий языков видно, что автор замыслил много апостериорных языков, основанных на славянских естественных языках. Из скудных сведений, имеющихся на сайте, можно предположить, что проект «История миров», частью которого Тезаурус является, представляет собой интереснейшую лингвистическую задачу, в полной мере пока не воплощенную. В общем случае она выглядит так:

предположим, что славяноязычный народ будущего колонизирует ту или иную планету,

дадим описание этой планеты, поставив таким образом носителей языка в определенные внешние условия,

зададим также какие-либо социальные условия развития языка,

попробуем смоделировать, что произойдет с языком в этой гипотетической ситуации.

Условия сформулированы фантастические, но нам представляется, что предложение такой задачи студентам-лингвистам, специализирующимся по русистике или теории языка, было бы для них весьма полезно. Они бы могли не пассивно изучать историю языка, а активно моделировать диахронические процессы языкового развития с учетом самых разных лингвистических и экстралингвистических факторов. Вот начало описания одного из «постславянских» языков в Тезаурусе:

«Целинский — один из славянских языков эпохи третьей экспансии, на котором первоначально говорила лишь часть населения одной планеты во вселенной Одиссея. Но после Целинской войны язык распространился за пределы родной планеты и породил ряд языков-потомков, среди которых самым известным и распространенным стал тауберский универсал.

Целинский язык — прямой потомок диалекта русскоязычных колонистов, развившийся в смешении с другими славянскими и неславянскими языками. Но за восемь веков изолированного существования целинский язык приобрел значительные отличия от русского. Так, он практически утратил именную флексию и начал терять глагольную...»

Наконец, есть страница, посвященная интерлингвистике и искусственным языкам на сайте И. Гаршина http://katori.pochta.ru/ling_inter.html, состоящая из классифицированных по типам искусственных языков ссылок и кратких описаний. Пафос автора, утверждающего: «Самый реальный и заточенный язык — искусственный, т.к. искусственная абстракция ближе к реальной мыслеформе. Естественные языки создаются хаотически из подручных средств и объективно являются лишь экспериментальным материалом для создания артланга,» — мы разделить не можем. В соответствии с этим пафосом в основном освещение получают вспомогательные языки, а на существование ВЯ только намекается. В целом страница представляет пример типичного наивно-лингвистического подхода к конлангам.

Инструкции и учебные материалы по языковому конструированию

Для вымышленных языков существуют те же два направления изучения, названные С.Н. Кузнецовым теорией лингвопроектирования и теорией функционирования¹⁸, что и для вспомогательных. Следует только учесть ограниченность и специфику функционирования вымышленных языков.

Поскольку сообщество конлангеров базируется в Интернете, инструкции и учебные материалы для конструкторов языка тоже находятся там. Далее мы даем краткий обзор содержания «классических» пособий для начинающих конлангеров. Эти тексты интересны по двум причинам:

они демонстрируют уровень лингвистических знаний у лидеров, идеологов движения конлангов, соотношение наивной и научной лингвистики, проблемы, которые видятся умудренным конлангерам как основные;

они демонстрируют тот уровень базовых сведений, который открыт каждому, желающему примкнуть к движению конлангеров в качестве полноправного члена, и соответственно показывают, к восприятию лингвистического текста какого уровня сложности должен быть готов «наивный говорящий», если он хочет приобщиться к опыту предшественников.

Уровень базовой лингвистической подготовки, ожидаемый от человека, приступающего к созданию своего искусственного языка, трудно даже назвать базовым. Так, Р. Харрисон, предупреждая новичков, что проект языка включает множество взаимодействующих элементов – набор фонем, фонотактику, выбор системы письма, морфологии, грамматики, семантики, определение коммуникативных потребностей вымышленной культуры, которую будет обслуживать язык, дает весьма обязывающие рекомендации. Прежде чем конструировать язык, следует несколько лет провести за изучением общей лингвистики, имеющихся описаний искусственных языков и языков, существенно отличающихся от родного. В частности, носителям английского языка рекомендуется ознакомиться с научной литературой, посвященной неиндоевропейским языкам, в первую очередь навахо, суахили, китайскому.

Размещенные в Интернете инструкции, рекомендации, пособия (их около десятка) по языковому конструированию можно разделить на две

¹⁸ Искусственный язык создается на базе определенных теоретических предпосылок – в этом случае теория предшествует языку. Однако, будучи принят говорящим коллективом, искусственный язык может изучаться уже принципиально иным образом – с точки зрения его реального употребления и развития в процессе коммуникации. При таком подходе язык предшествует создаваемой на его базе теории. В первом случае теория распространяется на международные искусственные языки любого типа, как реализовавшиеся, так и не реализовавшиеся в практике общения. Эту теорию, первичную по отношению к языку, С.Н. Кузнецов называет теорией лингвопроектирования. Во втором случае теория является вторичной по отношению к языку и распространяется только на системы, реализовавшиеся в коммуникации. Это теория функционирования планового языка [Кузнецов 1991]. Исторически попытки создания искусственных языков, то есть лингвопроектирование, появились раньше, чем теория лингвопроектирования, а она в свою очередь — раньше, чем теория функционирования плановых языков.

группы по ведущему принципу, определяющему логику изложения в них и, соответственно, методику действий, предлагаемую начинающему конлангеру:

по уровням языка, которые рекомендуется последовательно конструировать;

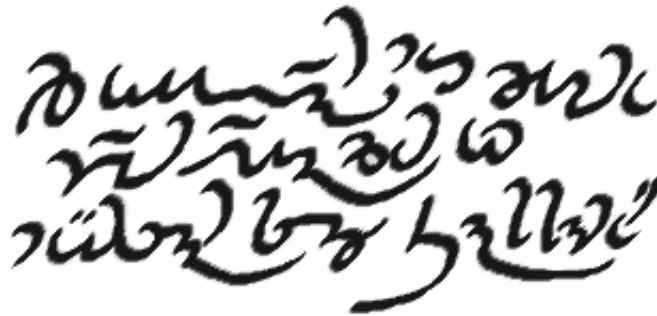
по конструктивным идеям, которые должны быть воплощены в ВЯ.

Мы проанализируем по одному, самому авторитетному пособию того и другого типа.

1) **Поуровневый подход** воплощает «Набор для построения языков» Марка Розенфельдера (Mark Rosenfelder's Language Construction Kit <http://web.archive.org/web/20010606152249/www.zompist.com/kit.html>). Он послужил не только базой для создания многих новых ВЯ, но основой для ряда авторов, захотевших написать свои пособия по лингвоконструированию, например, для «How to create a language» Пабло Д. Флореса (Pablo D. Flores) и русскоязычной модификации, доступной на сайте http://linguistica.sula.ru/art_kit.htm.

Сам автор представляет содержание своей работы как описание «лингвистически обоснованных методов для создания языков, похожих на естественные, а при желании – не похожих на естественные». Розенфельдер не только описывает последовательность стадий конструирования и предлагает список рекомендуемой литературы, но и указывает на типичные ошибки конлангеров. Многие из проектов ВЯ, собранных нами, действительно, содержат такие ошибки.

Розенфельдер начинает с образца надписи на одном из своих ВЯ:

«*Ďitelán mu cum pén veá en er mäsán so Sannam*», что означает «Иди вперед с миром, чтобы любить Господа и служить ему», (*Ď* звучит как английский *th* в слове *then*; гласные произносятся ясно и без редукации, примерно как в испанском).

Прежде чем автор смог сделать эту надпись, он должен был

определить звуковой состав языка;

создать словарь;

создать грамматику;

сконструировать алфавит;

решить, как будет модифицироваться алфавит в курсивном письме;

перевести текст.

Порядок работы, настаивает Розенфельдер, должен был именно таким. Нельзя сначала написать текст, а потом изобретать грамматику, которая бы к нему подошла, как это делают некоторые конлангеры. Невозможно составлять фонологию или морфологию из кусочков, додумывая их по мере необходимости.

То, что Розенфельдер рекомендует сделать, прежде чем перейти собственно к конструированию, сходно с советами Харрисона: нужно изучить образцы – естественные и искусственные языки, обязательно включая языки, не похожие на западноевропейские, особенно кечуа, суахили, китайский, турецкий, арабский. Иначе лингвоконструктор обречен оставаться в узких рамках своего родного языка. Нужно также решить, к какому типу ВЯ вы будете стремиться: натуралистическому или логическому. Ориентация на натуралистический язык, в котором заведомо предусматриваются нерегулярные элементы и исключения, по мнению Розенфельдера, предпочтительней, чем попытка выдержать строгую логику при конструировании языка. В последнем случае нерегулярностей все равно не избежать, поскольку конлангер обречен на повторение имеющихся моделей естественных языков, но, если в натуралистическом ВЯ они входят в план, то в логическом рассматриваются как недостатки. Рекомендуемая на первой стадии литература: Bernard Comrie, *The World's Major Languages* и Anatole Lyovin, *An Introduction to the Languages of the World*.

Переходим к фонологии. Основная ошибка на этом уровне, которую обычно совершают нелингвисты: начать с алфавита, добавить к нему несколько диакритических знаков, апострофов, а затем придумывать звуки, обозначаемые этими знаками. В результате получается система, слишком похожая на язык-образец и имеющая гораздо больше звуков, чем требуется, причем автор зачастую плохо представляет себе, как они произносятся. Для успешного конструирования фонологии рекомендуется ознакомиться с серьезными лингвистическими работами: J.C. Catford, *A Practical Introduction to Phonetics*, Roger Lass, *Phonology* и David Crystal, *The Cambridge Encyclopedia of Language*. Минимум знаний включает строение артикуляционной системы, артикуляционную классификацию гласных и согласных, фонологическую теорию, по крайней мере различие между фонемами и аллофонами. Изобретение согласных может начинаться с заполнения «пустых мест» в системе согласных родного языка или других языков, использования фонологических оппозиций, не задействованных в родном языке, «расширения» зон артикуляции. Для создания натуралистического языка рекомендуется добавлять не отдельные согласные, а серии. То же касается и гласных. Далее необходимо установить правила ударения и редукции гласных, для чего требуется знание типов ударения в языках мира (заметим, что эту стадию пропускает большинство конлангеров). Следующий шаг – ограничения на сочетаемость фонем, разработка структуры слога и конструирование морфофонических процессов.

Если ваш ВЯ предназначен для «Чужих», то его фонологическая система может отражать особенности строения их артикуляционного аппарата, так, вымышленные расы, лишенные носа, не могут произносить носовые звуки, а лишенные губ — губные.

Только после завершения работы над звуковой системой, можно создавать алфавит и устанавливать орфографические правила. Здесь не рекомендуется изобретательских излишеств: чересчур вычурный алфавит нарушит стройность фонологической системы, слишком обременит память и зрение читателя. Творчески разрабатывать следует именно звуки, а изображать их на письме — наиболее очевидным и простым способом. Следует отметить, что очень многие конлангеры идут именно противоположным путем, предпочитая сложность алфавита и красоту шрифта стройности фонологической системы, тем самым лишая потенциальных пользователей возможности освоить лексику ВЯ. Диакритики, апострофы, диграфы, буквы, которые не читаются, — всем этим не следует злоупотреблять. Для начала нужно создать алфавит, который вы сами можете бегло прочитать. Потом можно внести усложнения. Буквы должны легко различаться и легко писаться. Слишком сложные буквы неизбежно упрощаются в процессе письма. Чтобы убедиться в этом, надо симулировать этот процесс: многократно писать буквы своего алфавита, и варианты упрощения начертаний появятся автоматически.

Чем еще можно «украсить» вымышленный алфавит? Ввести различия между прописными и строчными буквами, придумать для каждой буквы историю происхождения. Разумеется, в отличие от естественных языков, в ВЯ изобретение буквы будет предшествовать выдумыванию для нее истории. Можно изобрести алфавит, знаки которого представляют слоги или слова.

Литература к этому разделу рекомендуется тоже весьма основательная: Geoffrey Sampson, *Writing Systems*, Kenneth Katzner, *Languages of the World*, и Daniels и Bright, *The World's Writing Systems*.

Переходя к изобретению словаря, следует определить прежде всего, сколько слов вам понадобится, найти хороший баланс между необходимостью и избыточностью. Нужно выбрать степень априорности/апостериорности вашего языка и действовать дальше сообразно с избранной ориентацией.

В априорных языках важна методика применения ранее выработанных в фонологии и морфонологии правил, максимальное использование уже изобретенных корней, прежде чем приступить к выдумыванию новых, учет того, что ваш язык должен будет «развиваться» в будущем (не обязательно для всех компонентов ваших слов сразу придумать какое-то значение, нужно оставить потенциал для будущего развития). Не должно быть однообразия в длине слов, при этом сами корни не следует делать слишком длинными — длинное слово лучше образовывать путем сложения корней или добавления служебных аффиксов. Можно использовать компьютерные средства генерирования лексики (см. далее в этой главе).

При конструировании апостериорного языка методика иная. Здесь важно определить языки — источники и обзавестись хорошими словарями.

И для априорных, и для апостериорных лексиконов можно использовать принципы звуко-символизма и фонетические стереотипы (ср. низкое, глоточное звучание оркских языков и обилие гласных и сонорных *p*, *l* в эльфийских языках у Толкина).

Очень важно избежать копирования лексикона родного языка. Розенфельдер называет несколько способов, позволяющих «отдалить» конструируемый словарь от привычного в родном языке:

буквальный перевод идиом,

использование двуязычного словаря и конструирование в ВЯ не слова, соответствующего по значению слову родного языка, а слова, передающего не совпадающее по объему значение иноязычной лексемы (так, для русского «рука» в ВЯ следовало бы изобрести две лексемы, соответствующие по значению английским *arm* и *hand*),

разработка альтернативных этимологий,

конструирование соответствий не для отдельных лексем, а для лексических групп (например, глаголов движения), стараясь по-другому структурировать семантическое пространство, покрываемое данной группой,

конструирование особых метафор.

Рекомендуемая литература, дающая общее представление о структуре словарного состава языка: Palmer, *Semantics*, Lakoff и Johnson, *Metaphors We Live By*, Такао Suzuki, *Japanese and the Japanese: Words in Culture*.

Особого внимания требует отношение ВЯ к вымышленной культуре. Нужно определить важнейшие концепты этой культуры – они получают выражение в рядах синонимов и будут отражены в грамматике; а также изобрести историю и мифологию – важные источники пополнения лексикона.

Следующий этап – конструирование грамматики – подразумевает:

выбор между флективным, агглютинативным или изолирующим типом языка;

формирование системы частей речи (можно попробовать изобрести язык без прилагательных, без глаголов или без существительных);

разработка категорий числа, падежа и рода, определение их значения и способов выражения (с учетом тех последствий, которые наличие или отсутствие этих категорий и их характер могут иметь для синтаксиса);

разработка системы глагольных категорий, включающая выбор значений, выражаемых флексиями, и конструирование системы флексий, разнообразие грамматических категорий и количество членов в них (например, количество прошедших времен или степеней эвиденциальности), возможности включения в глагол информации об объекте, адресате и т.п., причем особое внимание предлагается уделить а) распределению информации между лексикой и грамматикой (следует выбрать, какие категории будут грамматикализованы) и б) в грамматике – между морфологией и синтаксисом;

конструирование системы местоимений, особо тщательно — местоимений личных¹⁹;

¹⁹ В базовую оппозицию по трем лицам можно добавить следующие противопоставления: по роду, по числу, по одушевленности/неодушевленности, по инклюзивности/эксклюзивности, по уровням вежливости или формальности, по степени удаленности и по присутствию/отсутствию третьего лица, по реальной или гипотетической (обобщенной) референции. Один из языков, изобретенных Розенфельдером, может похвастаться оппозицией местоимений, использующихся на земле и под водой (этот язык принадлежал расе амфибий). Кроме того, там присутствовали разграничения по инклюзивности/эксклюзивности в первом лице и степени удаленности третьего лица плюс особое местоимение для групп и разные ряды местоимений для каждого из трех полов вымышленной расы. Для вспомогательного языка такая избыточность была бы недостатком, для ВЯ – это свидетельство хорошего воображения и конструкторского мастерства автора.

определение способов выражения количества (базовое число – 10 или какое-то другое, порядок и способ связи компонентов в составных числительных²⁰, склоняемость или несклоняемость числительных, производность или непроизводность их корней);

разработка имени прилагательного, которое может быть сходно с существительным или с глаголом либо разительно отличаться от них; конструирование степеней сравнения и регулярных способов деривации, в частности выражения значений противоположности, отсутствия и наличия, ослабления или усиления признака и под.; возможность производства наречий от прилагательных;

решение вопроса о наличии или отсутствии артикля и его препозитивности/постпозитивности;

установление порядка компонентов в именной фразе (артикли, квантификаторы, прилагательные, местоимения, придаточные предложения) и в предложении (SVO, SOV, VSO, OVS, OSV, VOS), а также определение факторов, влияющих на порядок слов;

решение других синтаксических проблем: место и форма придаточного предложения, постановка общего вопроса (с помощью частиц, порядка слов, глагольных средств, интонации) и других видов вопроса, способы выражения отрицания в предложении (место отрицательной частицы или отрицательного глагола, возможность использования особого отрицательного наклонения), система союзов и принципы их употребления.

Далее мы переходим к конструированию стилистики, понимаемой Розенфельдером в широком смысле слова: можно дифференцировать в языке церемониальный, ритуальный, официальный, научный, журналистский, разговорный, сленговый пласты, ввести разграничения по возрасту, по социальным классам, по уровню образования, можно предусмотреть архаическую и современную формы языка.

Должны быть созданы и особые этикетные формы, которые могут различаться по соотношению ролей говорящего и адресата, прямоте/косвенности высказывания, количеству уровней вежливости. Требуется определенный набор обращений и правила их использования.

Наконец, имея уже готовую систему языка, следует снабдить ее текстами, в том числе литературными, а значит нужны правила стихосложения (использование или неиспользование рифмы, виды ассонансов, метры и т.д.).

По-настоящему глубокий проект ВЯ не может обойтись без истории и генеалогии языка. Придумав несколько ВЯ, происходящих от одного праязыка, мы открываем новое поле для лингвистического творчества: можно моделировать процессы старения слов, заимствования, возникновения и устранения лексических излишеств, Литература, предлагаемая к этому разделу: Th. Vynon, *Historical Linguistics*, Н.Н. Нокк, *Principles of Historical Linguistics*. Система звуковых изменений может конструироваться вручную или с помощью автоматических средств (см. ниже). Аналогичная методика используется для создания диалектов ВЯ (заметим, что для ВЯ, в отли-

²⁰ На примере английского 'forty-three' демонстрируются следующие варианты: forty three; four three; forty with three; three and forty; four tens and three; eight fives and three; fifty less seven; twice twenty and three. Добавим сюда еще three forty и three on forty.

чие от вспомогательных языков, наличие диалектных различий поощряется, так как свидетельствует о тщательности разработки проекта).

В отличие от работы Розенфельдера учебное пособие П.Д. Флореса носит вторичный и абсолютно любительский характер и предназначено, по замыслу автора, как для конструкторов ВЯ, так и для тех, кто интересуется созданием международных вспомогательных языков (http://web.archive.org/web/20010405225316/www.geocities.com/finis_stellae/ng/lng/how/index.html). Пособие разделено на две части – «Звуки (фонология)» и «Структура (грамматика)». Во всем – от структуры и материала до терминологии и способа изложения – в данном тексте ощущается превалирование наивно-языкового мышления над научным. Автор принадлежит к кругу непрофессиональных энтузиастов-конлангеров, у которых интерес к предмету и уверенность в собственных силах заменяют лингвистическое знание. Это явствует уже из преамбулы к тексту, в которой в списке языков-источников значится «какой-то африканский язык, не помню названия», а про цитаты говорится, что они могут быть не точными, потому что книжки, из которых они заимствованы, автор брал в библиотеке очень давно, но память у него очень хорошая.

2) «Поидейная» методика конструирования ВЯ

Принципиально иной подход, чем Розенфельдер, предлагает Дэн Вандербум – автор эльфийских и оркских языков для знаменитой ролевой игры Dungeons & Dragons — в своей работе «Создание языка» («Language creation» http://www.langservices.net/language_creation.html). Он отдает предпочтение в лингвоконструировании движению не от уровня к уровню, а от идеи к идее и полагает лингвокультурные факторы приоритетными по сравнению с собственно лингвистическими.

Для того чтобы создать язык, надо понимать, каким целям он служит в обществе, как он работает и как устроен для обслуживания той или иной культуры и формирования ее. Конструирование языка, на котором, подобно английскому, можно говорить обо всем, задача практически нереальная (миллионы говорящих по-английски затратили на нее более 600 лет), поэтому Вандербум предлагает для начала ограничиться изобретением языка, предназначенного для говорения на определенную тему (определенные темы) – topic related language. Такие языки распространены в вымышленных мирах фантастических романов и ролевых игр (например, военный язык «Дюны»). Сначала создается такой целевой язык (около 300 слов), потом он постепенно может расширяться, чтобы давать возможность говорить на другие темы. Можно, например, начать с военной тематики, потом добавить слов для обсуждения общественного устройства и морали, потом подключить возможность говорить о расовых особенностях вымышленного народа, будь то гномы, или драконы, или роботы, потом дополнить язык математическими терминами, названиями предметов домашнего обихода и т.п.

Итак, начать следует с постановки цели и выбора первой тематической области для изобретаемого языка.

Далее в действие вступают факторы а) устройства речевого аппарата, б) морали и в) уровня интеллекта того народа, для которого конструируется язык. Нужно учесть возможности и ограничения, создаваемые эти-

ми факторами. Если у орков из пасти торчат клыки, значит, они не могут произносить звукеи, которые требуют полностью закрытого рта. Если ВЯ создается для дружелюбной расы, слова его должны звучать более мягко и гладко, чем в языке, созданном для воинственных, злобных существ, извергающих резкие, лающие звуки. «Чем выше интеллект существ, тем более гладко течет их речь», — полагает Вандердум. Нелегкая задача — создать такой язык для высокоразвитых интеллектуально, но аморальных носителей, чтобы в самой его внешней форме чувствовалась скрытая угроза. «Злобные и могущественные существа, обладающие высшим разумом, обычно имеют изящную речь, такую, что трудно поверить в их злокозненность». В языках более развитых рас должны быть более длинные слова.

Следующая стадия сотворения языка, по Вандербуму, — создать возможности межъязыковых заимствований в вымышленном мире, предусмотреть географически и культурно обусловленные диалектные и стилистические различия в изобретаемом языке.

Что касается системы языка, Вандердум не считает нужным подробно перечислять все возможности обогатить ее, как это делает Розенфельдер. Вандердум не пишет об очевидностях, а сосредотачивается на деталях, которые, по его мнению, придают особую окраску языку. Это артикли и союзы, местоимения и другие дейктические элементы, показатели ирреальности, предлоги, обозначения дат и периодов времени. Именно такие «мелочи» придают языку уникальную атмосферу.

Еще одна важная идея Вандербума — легкость восприятия и изучения языка, обусловленная а) узнаваемостью корней, оснащенных приставками и суффиксами; б) возможностью легко определить, к какой части речи принадлежит то или иное слово. Первая составляющая обеспечивается умеренным использованием морфонологических процессов, даже если этого требуют благозвучие и простота произношения, и небольшой (лучше — не более двух знаков) протяженностью аффиксов. Для обеспечения второго фактора нужно, чтобы приставки и суффиксы одной части речи не совпадали с приставками и суффиксами другой и чтобы аффиксы были однозначны (то есть, например, использовать не одну морфему для обозначения рода-числа-падежа существительных, а последовательность морфем, каждая из которых выражает одно из этих грамматических значений).

Другая идея, столь же существенная для изобретателя языка, — последовательность. Если ты придумываешь существительное, то сразу же надо придумать «для него» все глаголы и изобрести прилагательные, нужные, чтобы описывать объект, названный существительным. Создав для своего ВЯ новый глагол, следует оснастить его необходимыми наречиями.

Лингвокультурная ориентация рекомендаций Вандербума проявляется и в разделе, посвященном структуре предложения. Порядок компонентов — субъекта, объекта, глагола, с точки зрения Вандербума, отражает картину мира народа, например, препозиция глагола в латинском есть свидетельство приоритета акциональности, действия в обществе древних римлян. «Другие языки, такие как эльфийский, изобретенный Клайдом Хитоном, располагают все описательные конструкции и эпитеты в начале предложения, что отражает неважность времени в сознании носителей этих языков. Поскольку они почти бессмертны, живут до 1200 лет, эльфы

могут позволить себе отложить в сторону главный предмет речи и сосредоточиться на настроении... Однако, когда они разгневаны или торопятся, например, во время войны, эльфы опускают все описательные конструкции и используют структуру предложения, похожую на латинскую».

Культурно обусловленным, в представлении Вандербума, оказывается и синтетический либо аналитический характер морфологии. Там, где более высоко развитые фантастические расы пользуются аффиксами для выражения грамматических значений, менее интеллектуальные народы будут использовать служебные лексемы. Так, грубые и воинственные орки для выражения прошедшего времени используют сочетание глагола с наречием. Высокий аналитизм делает речь «грубых» народов медленной и неуклюжей.

Та сторона жизни народа, которая наиболее важна для него, находит более детальное, развитое представление в языке.

В заключение своих рекомендаций Вандербум отмечает, что сконструировать язык не значит знать его; сам он владеет только одним из письменных языков, изобретенных им самим. Нужно овладеть своим вымышленным языком так же, как мы овладеваем иностранным языком: учить слова, записывая их на карточки, найти единомышленника, с которым вы могли бы разговаривать на своем языке, выучить изобретенный вами алфавит и научиться бегло записывать им слова. Это нелегкое предприятие, но только выполнив его, можно считать работу над ВЯ завершённой.

Попрактиковаться в лингвоконструировании и освоить теорию под руководством преподавателя можно в онлайн-курсе KICKS Academy Course <http://feminafelis.tripod.com/> Участие в курсе подразумевает чтение учебной и научной литературы и выполнение домашних заданий.

Особое место среди учебной «классики» языкового конструирования занимают статьи Дж Хеннинга, не являющегося, как мы уже упоминали, профессиональным лингвистом, но являющегося признанным практиком и организатором языкового конструирования. Эти работы, объединенные названием «Языки-модели» (*Model Languages*), носят более теоретический, чем учебный характер. В отличие от Розенфельдера, дающего пошаговую методику конструирования, Хеннинг освещает отдельные проблемы создания языков, задавая вопрос «почему?» более, чем «как?» В отличие от Вандербума, сосредоточившегося именно на ВЯ, Хеннинг занят проблемой языка вообще, его интересует, что можно извлечь полезного для языкового конструирования из естественных языков. Основные предметы внимания Хеннинга – имена собственные и семантика ВЯ на фоне естественных.

В статье, посвященной «изобретению новых слов для новых миров» [Henning 1995], рассматриваются пути приобретения словами пейоративного и мелиоративного значения, расширения и сужения значения, метонимия и метафора, контекстуальное изменение значения и другие вопросы, связанные с изменением значения слов. Хеннинг рассказывает историю превращения прилагательного *silly* из слова, выражавшего позитивную оценку = *blessed*, через стадию, когда оно значило «innocent», в слово со значением отрицательной оценки; историю формирования у

слова *priest* его нынешнего значения, отличающегося от значения греческого слова-источника «старый человек»; историю расширения значения слова *place* от «широкая улица» до «место»; историю возникновения у английского слова *bug* «жук» метафорического значения «ошибка в компьютерной программе» и много других этимологических историй. Все это он делает с одной целью – показать читателям, желающим заняться конструированием языков, какие семантические изменения они должны предусмотреть, если хотят, чтобы их язык выглядел максимально естественно: изменялся со временем, имел диалекты, входил в группу родственных языков. Это, конечно, задача-максимум. Многие создатели конлангов ограничиваются конструированием одного языка, как бы замершего в определенный момент его истории.

В другой статье того же цикла Хеннинг обсуждает вопросы о сложности значения слов, о том, значат ли слова именно то, что мы хотим ими выразить. В качестве эпиграфа к статье использовано стихотворение Сюзанны Вега:

I won't use words again
 They don't mean what I meant
 They don't say what I said
 They're just the crust of the meaning
 With realms underneath
 Never touched
 Never stirred

Never even moved through

If language were liquid
 It would be rushing in²¹

Продолжая эту метафору, Хеннинг говорит, что слова естественного языка – это буйки на поверхности моря-языка, прикрепленные к чему-то невидимому под водой. А конструирование языков – возможность создать свои слова, которые будут значить то, что вы хотите ими сказать, и совершенно не обязательно будут соответствовать в отношении «один к одному» словам вашего родного языка. Хеннинг анализирует возможности и недостатки теории семантических примитивов на примере терминов родства,

²¹ Я больше не буду пользоваться словами
 Они значат не то, что я имею в виду
 Они не говорят то, что я говорю
 Они лишь шелуха смысла
 Под которой скрываются царства
 Вовек не тронутые
 Вовек не потревоженные

Сквозь которые никто не прошел

Если бы язык был жидким,
 Он прорвался бы в них (перевод наш)

обсуждает проблему многозначности слова и влияние многозначности на возможность адекватного перевода и показывает, что при языковом конструировании иногда приходится создать несколько слов, чтобы передать в ВЯ значение одного слова родного языка изобретателя. Так, для передачи разных значений и эмоционально-оценочных коннотаций слова *brother* в одном из сконструированных Хеннингом языков, ему пришлось изобрести 5 разных слов.

Две статьи Хеннинга посвящены конкретной задаче лингвоконструирования – созданию «языка имен собственных» (a naming language) <http://www.langmaker.com/ml0103a.htm>.

Как мы видим, проблематика, обсуждаемая на страницах пособий по языковому конструированию, серьезна и не сводится к механическому перечислению правил, по которым можно построить новый ВЯ. Языковое конструирование понимается авторами учебных материалов как сознательная творческая деятельность, предполагающая глубокое постижение закономерностей устройства и функционирования языков и хорошее знание лингвистической теории. Несмотря на наличие многих вспомогательных средств автоматизации языкового конструирования, успешным может быть только тот проект, в котором форма языка гармонично сочетается с семантическим наполнением, а не тот, в котором «вслепую» с помощью компьютерной программы генерируются слова, а потом наполняются случайными значениями. Сочетание конструирования языков с конструированием культур помогает решить эту проблему.

Средства автоматизации языкового конструирования

Поскольку основная сфера бытования вымышленных языков – виртуальная, естественно, что языковое конструирование хорошо обеспечено компьютерной программной поддержкой и базами данных. Часть из средств автоматизации лингвоконструирования создана самими конлангерами, часть – заимствована из общелингвистического арсенала. Программные средства и базы данных, которыми может воспользоваться на сегодняшний день человек, желающий создать свой конланг, включают:

1) программы и базы данных для конструирования фонемного уровня языка (IPA Zounds, Sound Change Applier, On-Line Sound Changer, Phoneme Inventory Creator, UPSID MacProlog Interface, Drift);

2) программы и базы данных для конструирования лексики по априорному или апостериорному принципу (Azgen, Conlang Dictionary Maker, Dublex Compound Interest Word-Joining Spreadsheet, KZod, On-Line Word Generator, On-Line Word Maker, PHPWordGen, Text Manipulation Tools, Word Creator, WordGen, Word Generator Scripts, WordSynth.pl, Drift);

3) программы и базы данных для конструирования алфавитов (Alphabet Synthesis Machine, Glyph Maker);

4) автоматические переводчики, работающие только с конлангами или и с конлангами, и с естественными языками (Carabao Do-It-Yourself Machine Translation Kit, dMof Elvish translator, Universal Translator Assistant Project);

5) программы создания шрифтов, рассчитанные на непрофессионального пользователя (Font Creator Program);

6) комплексные программы и базы данных для конструирования вымышленных миров (Inspiration Pad Pro, Planetary Creation and Linguistic Database (PCALD), World Creator).

Возможно, есть и другие средства, но нами были обнаружены только эти. Так, не удалось найти программ и баз данных для конструирования грамматик ВЯ. Рассмотрим несколько примеров наиболее популярных среди конлангеров ресурсов типа 1), 2) и 3). Автоматические переводчики и программы создания шрифтов относятся более к естественным языкам, чем к ВЯ. В силу этого мы не ставили задачу охватить в нашей монографии обширную проблематику, связанную с этими видами компьютерных ресурсов. Что касается средств автоматизации конструирования вымышленных миров – пункт 6), такие программы и базы данных в основном связаны с экстралингвистическим компонентом этих миров.

1. Автоматическое конструирование фонемного состава языка

Для конструирования фонетической системы ВЯ активно используется фонологическая база данных университета UCLA — UCLA Phonological Segment Inventory Database (UPSID) (см, например: <http://alphabet.tmemo.org/applet.html>). Дж. Хеннинг дает следующее объяснение применения этой базы для своего конланга Калисайз (<http://www.langmaker.com/kalissime.htm>):

«Kelu supaka-sunu ke sese kane ke Kali-sise pi nalike se.

Four vowels and six consonants Kalissime has.

Четыре гласных и шесть согласных язык Калисайз имеет.

Учитывая критические замечания, которые предъявлялись некоторым международным вспомогательным языкам из-за сложности их произношения, я создал вспомогательный язык Калисайз с главной целью — достигнуть простоты произношения, независимо от родного языка изучающего. Конструктивная цель — приблизиться к универсальности — подразумевала, что Калисайз должен был иметь звуковые особенности, общие для 19 из каждых 20 естественных языков. Реальные данные, на которых основан мой язык, это UPSID, содержащая репертуар фонем 317 языков, по одному из каждой известной группы».

Используя таблицы фонем UPSID, творец языка может выбрать для своего создания наиболее редкие или наиболее частотные фонемы, сделать фонологическую систему ВЯ похожей на систему того или иного естественного языка.

Конлангер М. Смит (M. Smith) разработал на основе UPSID программу Phoneme Inventory Creator, случайным образом генерирующую инвентарь фонем для ВЯ с учетом частотности фонем. На сегодняшний день функционирует только часть программы, позволяющая оснастить ВЯ смычными и некоторыми другими звуками. Её адрес:

<http://web.archive.org/web/20020916011636/www.bol.ucla.edu/~smithma/Random/random.html>.

2. Автоматическое конструирование лексикона

Компьютерных инструментов для наполнения словника ВЯ существует довольно много. Популярностью среди конлангеров пользуются Word

Creator – сравнительно простая программа на языке Java (<http://www.cs.pdx.edu/~kenstcyr/wordsynth.html>) — и WordSynth – Perl-скрипт, который случайным образом генерирует слова на основе файла, содержащего правила языка, задаваемые пользователем.

WordSynth был создан на базе системы генерирования языка GDW’s Traveller language generation system. Пользователь задает в виде таблиц правила структуры слогов, их положения в слове. Согласные классифицируются по их позиции в слове и позиции этого слога в слове, что дает четыре класса. Гласные тоже делятся на четыре класса, по позиции или ударению. Доступны и другие фильтры. Такая система дает возможность пользователю придать языку специфическое звучание и при этом запретить определенные комбинации фонем. Можно отдельно вводить правила, касающиеся начальных, срединных и конечных слогов.

На сайте <http://www.fantasist.net/namegen.shtml> можно воспользоваться генератором имен собственных. Вы выбираете из списка естественный язык, на имена собственные которого должны быть похожи имена собственные вашего ВЯ, и через некоторое время получаете список.

На том же сайте предлагается программа, позволяющая генерировать лексикон конланга целиком — ConLang Generator, а также генератор диалектов. Последний работает следующим образом. В левую часть таблицы вводятся слова вашего исходного конланга, в правую – правила изменения звуков (сначала – переменные, то есть согласные и гласные звуки и их подгруппы, затем сами правила). Программа генерирует конланг-диалект по заданным правилам.

Исходные слова:	Правила звуковых изменений
lector	Переменные
doctor	V=aeiou
focus	C=ptcqbdbgmnlrhs
jocus	F=ie
districtus	B=ou
civitatem	S=ptc
adoptare	Z=bdg
opera	Правила звуковых
secundus	изменений
	s//_#
	m//#
	e//Vr_#
	v//V_V
	u/o/_#
	gn/nh/
	S/Z/V_V
	c/i/F_t
	c/u/B_t
	p//V_t
	ii/i/_
	e//C_rV

Для приведенного списка слов указанные правила дадут следующие производные:

leitor
doutor
fogo
jogo
distrito
cidade
adotar
obra
segundo

Формат правил-команд достаточно понятен: $x/y/z$, где x — это элемент, который изменяется, y — результат изменения, а z — позиция, в которой происходит изменение (подчеркивание обозначает изменяющийся элемент). Таким образом, $c/g/V_V$ — замена c на g между гласными; $gn/nh/_$ — замена gn на nh в любой позиции. Знак $\#$ представляет начало или конец слова: $u/o/_\#$ обозначает замену u на o на конце слов. Средняя часть правила (элемент y) может быть пустой, например $s//_ \#$. Это значит, что s на конце слова утрачивается.

Переменные определяются пользователем: он может создавать классы звуков — те, которые ему нужны для описания необходимых изменений. Они могут использоваться во всех трех частях правила: например, определение переменной $F = 'ie'$ (передние гласные) дает возможность сформулировать правило $c/i/F_t$ (c меняется на i после передней гласной и перед t ; переменные $S = 'ptc'$ и $Z = 'bdg'$ нужны для правила $S/Z/V_V$ (глухие ptc меняются на свои звонкие соответствия между гласными). Правила применяются в том порядке, в котором они написаны, поэтому слово *opera* в приведенной таблице подверглось последовательному воздействию правил $r/b/V_V$ и $e/ /C_rV$ (озвончение r между гласными — *obera* и затем выпадение e между согласным и интервокальным — *obra*).

При описании позиции может учитываться союз «или» — с помощью скобок: $u/i/_C(C)F$ — замена u на i перед сочетанием «один или два согласных плюс передний гласный».

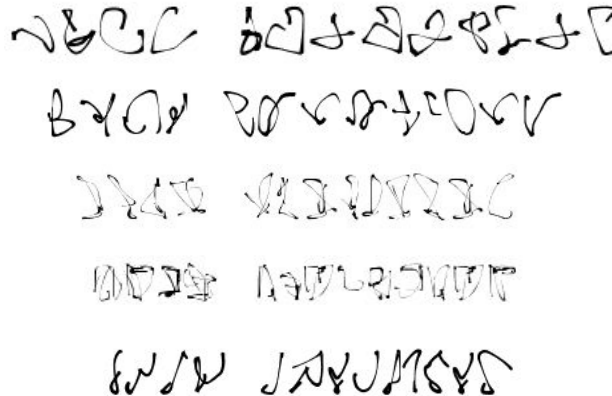
Недостатком этого генератора является его неспособность работать с диграфами. Он обслуживает только языки, в которых каждой фонеме соответствует одна буква. Однако, если в исходном ВЯ есть диграфы, можно начать список трансформационных правил с изменения диграфа в один знак, например: $ph/f/_$

В основе генератора диалектов лежит Sound Change Applier (см. сайт Zompist.com), использующий модуль `Lingua::SoundChange CPAN module`.

3. Автоматические средства создания алфавитов

Все названные выше генераторы алфавитов работают примерно по одинаковому принципу. Например, на сайте <http://alphabet.tmeta.org/applet.html> находится Alphabet Synthesis Machine. Пользователь задает один исходный знак и получает целый набор возможных букв для своего языка. На следующем этапе можно вносить изменения в начертания букв, причем изменения по девяти параметрам можно наблюдать

скачкообразно или постепенно. Например, можно изменять кривизну и угол наклона линий, разворачивать знак в пространстве, выбирать часть знака, «отрезая» другие. Есть возможность посмотреть алфавиты, сгенерированные для разных пользователей за последние дни. Вот начала алфавитов, синтезированных различными пользователями в Интернете утром 20 ноября 2005:

Недостаток системы состоит в том, что исходный знак служит не собственно основой для генерирования алфавита, а основой для внесения изменений в имеющийся в машине набор символов. Отсюда – однообразие получаемых результатов.

Программа также генерирует компьютерный шрифт для синтезированного для вас алфавита.

Итак, мы видим, что лингвоконструирование, как и любой вид модельного хобби в современном мире, окружено целым набором текстов инструктивного характера и компьютерными «приспособлениями», облегчающими создание ВЯ. Эти вспомогательные материалы создаются как профессиональными лингвистами, так и энтузиастами, но ни в коем случае не подавляют творческую активность любителей ВЯ. Обращение к онлайн-вым пособиям по лингвоконструированию не обязательно для конлангера, а использование средств автоматизации некоторыми даже осуждается, так как уменьшает долю собственного творчества при конструировании языка. Но создавать языки, учить созданию языков и помогать в создании языков – это не единственные виды деятельности, в которые вовлечены энтузиасты движения ВЯ.

Виды деятельности, возникающие вокруг проектов ВЯ в Интернете

Феномен вымышленных языков в Интернете порождает вокруг себя целый набор видов лингвистической деятельности: исследовательской, переводческой, обучающей, литературной и игровой. Фокус исследова-

тельской деятельности конлангеров – классификация искусственных языков, составление сводных таблиц (см., например, таблицу числительных в искусственных языках в Приложении 3), разработка методик и рекомендаций по лингвоконструированию, изучение и обсуждение отдельных проблем лексики, грамматики, функционирования ВЯ. Назовем лишь некоторые проблемы, активно обсуждаемые энтузиастами лингвоконструирования. На страницах <http://groups.yahoo.com/group/conlang/messages> дискутируются:

способы выражения результативности действия и оттенки значения результативности;

падежные системы языков и способы выражения разных видов падеженса;

сопоставление календарей, терминов родства и цветообозначений в различных ВЯ на фоне естественных языков (в частности, обсуждается классический вопрос о том, в каком порядке прибавляются названия цветов в системе, например: можно ли вводить две лексемы для обозначения голубого цвета и индиго в язык, не знающий разграничения коричневого и оранжевого цветов?);

музыка, математика и язык (Какая музыка должна быть у носителей того или иного ВЯ? Какая математика должна быть у этих фантастических народов? Как связаны лексические обозначения чисел и математическое мышление носителей языка?);

названия бабочек и других насекомых в ВЯ и естественных языках; фразеологизмы в ВЯ и т.д.

На форуме артлангеров по адресу

<http://www.artlangs.com/index.php?name=PNphpBB2&file=viewforum&f=18> обсуждаются:

возможность категории времени у местоимений;

категория комитативности в языках;

математические системы конструированных культур и конланги;

взаимосвязь фонологии и системы письма;

изменения начальных согласных фонем;

связь категории времени и порядка слов в предложении;

соотношение между полисинтетическим и агглютинативным типами языков

и многие другие лингвистические проблемы.

Как мы видим, лингвистические штудии конлангеров носят весьма сознательный характер, выходят в общекультурную проблематику и, что очень важно, интерактивны. Помимо изучения филологической литературы, энтузиасты лингвоконструирования активно черпают знания из общения с единомышленниками. При том, что разрыв в уровне лингвистической подготовки между собеседниками может быть огромным (так, один не знает, относится ли термин *factitive* к существительному или глаголу, а второй – с легкостью оперирует названиями самых различных падежей и глагольных аспектов, известных в языках мира), происходит продуктивное общение и обмен информацией.

Исследовательская деятельность известных конлангеров уже освещена нами достаточно подробно. Остановимся в этом параграфе на проек-

тах обучения ВЯ в Интернете, переводческих упражнениях конлангеров, попытках создания литературных произведений на ВЯ и, наконец, на разнообразных коллективных играх с ВЯ.

1. Обучение ВЯ в Интернете

Рассмотрим характерные черты проектов обучения вымышленному языку «как иностранному» на примере уроков начального уровня вымышленного языка ховур (Chovur, автор J. J. Fatula, адрес в Интернете — <http://timshak.tripod.com/lang/chovur.html>). Эти черты таковы:

1) объяснение специфики ВЯ на фоне естественного языка, как правило, английского: например, автор не просто констатирует, что ховур — это падежный VSO-язык, но противопоставляет его английскому как беспадежному языку SVO;

2) структура урока и методика преподавания меньше напоминают учебники и самоучители естественных языков, чем лингвистические задачи на операции с неизвестными естественными языками, часто предлагаемые студентам-языковедам, так, курс ховура начинается с демонстрации предложений на английском языке с ховурскими переводами — учащиеся должны перевести предложения, содержащие те же лексемы в разных синтаксических отношениях:

The sky is blue.	Se angqar bairokat.
The horse is fast.	Se senga nechatat.
Grass is green.	Se shazak oigukat.
The horse eats grass.	Kosich senga shazaken.
A man eats meat.	Kosich tumeq bayaren.
Задание на перевод:	
The horse is blue.	???
The man is fast.	???
Grass eats the sky.	???
???	Se angqar oigukat.
???	Kosich angqar tumeqen.
???	Kosich tumeq senganen.

Аналогично построены и следующие уроки. Никакой коммуникативности мы здесь не видим. Ни формул приветствия-прощания, ни простейших бытовых фраз не вводится. Это отражение ограниченности функций ВЯ, не предназначенного для коммуникации между людьми.

3) Лексическое наполнение примеров отражает культуру вымышленного народа — носителя языка. Если для естественных языков само собой разумеется, что в первых уроках вводятся слова «мужчина» и «женщина», то для ВЯ присутствие этих слов релевантно: значит, перед нами язык фантастической расы, в которой существуют половые различия, а не язык однополой расы типа уже рассмотренных нами лемле с планеты Атэа. В нашем примере в языке ховур среди первых слов, которые предстоит узнать изучающему, — *конь, овца, трава, палатка, камни, мясо, орлы, небо, звезды, облако, стойбище, песня, повозка, стрела*. Уже этого перечисления достаточно, чтобы мы могли описать образ жизни народа ховур²².

²² Совершенно по той же схеме построен курс ВЯ Lipu'onai: <http://lipuweb.sphosting.com>. Только набор лексики в первых уроках указывает на иной образ жизни вымышленного народа — носителя языка: *рыба, животное, лук, стрела, тетива, кролик, дорога, мальчик, девочка, друг, плавать, бежать, танцевать, читать книгу, играть*.

Интерактивные уроки ВЯ пользуются успехом среди участников конлангерского движения. Конлангеры с удовольствием выполняют домашние задания и «учат» языки, созданные соратниками. Разумеется, не с коммуникативными целями, а в качестве лингвистической тренировки и для оценки качества изучаемого языка (см., например, уроки языка Cervenian, которые дает его автор на <http://www.artlangs.com/index.php?name=PNphpBB2&file=viewtopic&t=300>). Интересно, что, в отличие от изучения естественных языков, в случае с ВЯ изучающий язык правомочен выносить суждения о «правильности/неправильности» языкового устройства и эти суждения могут быть учтены автором ВЯ.

2. Переводы

Переводы делаются и с естественных языков на вымышленные, и в обратном направлении. У конлангеров есть любимые тексты для перевода с естественных языков. Пальма первенства принадлежит, как мы уже отмечали, истории о Вавилонской башне (см., например, <http://www.langmaker.com/babeltexts.html>, <http://randyb.byu.edu/alioth/hanbab.html>; <http://randyb.byu.edu/alioth/kiffbab.html>; <http://randyb.byu.edu/alioth/sotobab.html>). К соревнованию «призывают» и стихотворная надпись на кольце из трилогии Толкина «Властелин колец»²³ (см., например, более двух десятков переводов с глоссами на <http://www.artlangs.com/index.php?name=PNphpBB2&file=viewtopic&t=173>), и знаменитая басня А. Шлейхера «Овца и кони», якобы написанная им на индоевропейском языке. Переводом этой басни завершается уже рассмотренный нами курс языка ховур. Что замечательно, выбор данного текста соответствует отмеченной нами специфике лексического наполнения первых уроков ховура, которая в свою очередь отражает кочевое-сельскохозяйственный образ жизни вымышленного народа.²⁴ А автор вымышленного мира Тирелат, населенного разнообразными разумными зверюшками и птичками, предпочел опробовать свой ВЯ на «Песне ласточки», греческом стихотворении VII века до н.э. (<http://www.io.com/~hmler/lang/Tirelat/swallow-song.html>).

Другим способом демонстрации полноценности и выразительных возможностей ВЯ, помимо перевода на него текста о Вавилонской башне или других культурно значимых текстов на языках Земли, для конлангеров служит противоположное направление перевода: некоторые авторы пред-

²³ Three Rings for the Elven Kings under the sky,
Seven for the Dwarf Lords in their halls of stone,
Nine for mortal Men doomed to die,
One for the Dark Lord on His dark throne
One Ring to rule them all, One Ring to find Them
One Ring to bring them all and in the darkness bind Them.

²⁴ Je gantang, viranun egeish chanun jeng ara öngaren a sengatuken, guirun senga tseviril döm chöyören, basagun senga döm idmuken, ka basagun senga tumeqen nechat. Dalun egeish sengatukang, "Janat viratse makilka tumeq sengatuken, chantse izaken ögh teil chemurang." Dalun sengatuk, "Kaitetevarazh egeish, chantse izaken ögh tetukil chemurur janat viratse yartanen: kuchar tumeq terjinat egeishil öngaren jöldö chertabang tsevang. Ka chan egeish ara öngaren." Janat kaitege yartanen, kobirun egeish ögh venchenang.

лагают перевод на естественный язык (свой родной) культурно значимого для своего вымышленного народа текста на ВЯ. Например, творец мира Тиренасии дает перевод на английский язык с языка Elatoi договора, якобы конституировавшего нынешнее состояние Тиренасии и ее народов:

STE VAETATI AMON VORAGYS
The Treaty Amon Bhorag-of

1.

ethos ste ostur amaoiys
up-until-now the history human-of

gentes kosvokemilei gentesar
tribe has-fought tribe

od regemi kosvokemilei regemar
and kingdom has-fought kingdom

od emevellui kosvokemilei emevelluar
and empire has-fought empire

stui sosoi odunuve delriys avaeys vutaeyys unueyys vonutatiys desatiys.
because-of reasons andlist land-of wealth-of faith-of honor-of power-of glory-of

2.

nons ste regemoui sonudemuntesyys
Now the kingdoms continental

kosdeselnelleis stusas stile sumoal
have-decided to stand together

velvu vemselle ste vurearoi drieinisys
in-order-to vanquish the forces tyranny-of

stusi andensyvuseis amnar.
that would-subdue everyone.

3.

istonuiliman stun asituear stusas sothuvule
We-are-given an opportunity to undertake

stun mitumavatar emeukatis en ostur
an enterprise unparalleled in history

stun asituear stusas restile sonutesulstas
an opportunity to remain in-a-state-of-unity

vastduin ste endosti viusentes kosetulei
after-even the current crisis passes,

stusas evudratoselle stun euvar nivatis visys od usuluis.
to usher-in a new era peace-of and cooperation-of.

4.
isvavasiliman es deselni stusas samevlese es euvar nivatis ud
We-are-faced-with this decision to embrace this era new or

stusas radethentelle ste velvutui od ste dusktui ste viudelludatiys.
to descend-into-again the mistrust and the chaos the past-of.

5.
issonudregiliman os emvudas ste roemisi ars vavasilys
Gathered here, among the ruins Ars Vapasila-of,

stuati res vaemalilei delrar soati od vavolatar soati od vudarduin soati
whose king sacrificed lands his, people his, and life-even his

stusas deventelle ste regemaroi oreintes sonudri ste astisoj luvelludatys
to defend the kingdoms east-of against the enemies freedom-of,

nis evasidatoi ste regemoiys mintumatis sonudemuntesy ovusuliman
deselnar nistas.
we representatives the kingdoms-of great continental accomplish decision our.

6.
dellactiliman visar.
We-choose peace.

Характерной чертой любого развитого вымышленного языка является наличие в нем культурно нагруженных слов, не переводимых на естественные языки, например названий периодов времени. Первое предложение рассказа о начале истории Тиренасии гласит: *For eons the peoples of the continent fought each other for dominance*. Хорошо разработанная вымышленная цивилизация обретает право на свои экзотизмы в английском тексте.

Помимо перевода целых культурно значимых текстов или фрагментов, есть другой вид переводческой деятельности конлангеров: перевод одной фразы на максимальное количество естественных и искусственных языков. Нам встретилось два проекта такого рода: «I Can Eat Glass» (в этом проекте переводилась фраза «Я могу есть стекло, мне это не вредит — «I can eat glass, it doesn't hurt me») и «The dog ate my homework» («Собака съела мою домашнюю работу»). Второй проект был предпринят вполне серьезным лингвистом – профессором университета UCLA Дж. Фореманом, читающим для студентов курс «Изобретение языка» (“Inventing language”). См. <http://web.archive.org/web/20020819231958/www.linguistics.ucla.edu/people/grads/jforeman/collegium/resource.htm>.

Переводы с вымышленных языков рождаются обычно в популярных среди конлангеров соревнованиях «перевод по цепочке», проводящихся по принципу «испорченного телефона»: сначала организатор конкурса

предоставляет текст на своем ВЯ с параллельным текстом на английском или латыни, устанавливает правила представления переводов, затем начинается первый тур конкурса. Желаящие конлангеры присылают переводы исходного текста на свои ВЯ, сопровождая их глоссариями (обычно снабженными этимологиями и грамматическими комментариями) и/или построчниками, эти переводы выкладываются в Интернет для следующего тура конкурса. Во втором туре делаются переводы текстов, полученных в первом, и так далее. Потом результаты всей цепочки переводов сравниваются и объявляются победители. Правила, определяющие степень подробности грамматических комментариев, необходимость этимологий и подстрочника, бывают различными в зависимости от априорности/апостериорности ВЯ и близости апостериорных ВЯ к романским или германским языкам.

То, насколько могут отличаться переводы одного текста на разные конланги, видно уже из первой строчки переводов одного из конкурсов – текста на языке Uafilaidu «Concerning the Stars».

Первый тур (в скобках даны названия языков):

(**Cenlatorre**) Dasse se lathirith «About Stars»;

(**Rhean**) Ora Zvisim «About Stars»;

(**Narethanaal**) nehlet ziathaa preend «About Conventional Stars»;

(**Obrenje**) Vin ny lire folinje «About Conventional Stars»;

(**Géarhnuns**) Chauk laturesaud wireraud ésh «On Common Stars»;

(**Megdevi**) wi mejl&Z Sejl&Z fagil&Z «Concerning Some Common Stars»;

(**Ebisedian**) ni 3bis33'du fww't3 d3 3Ka133'ri «[Concerning the] Ekakeri Seen by People»;

(**Hattic**) Is spächurd zraf hirmu orsa «Fountains as Seen by People»;

(**Skuodian**) Jaako kaaldeke viid'uonti liudi «How People See Wells»;

(**Eviendadhail**) Ilcwá ídwili í ídanwí is «How the Wells and People See»;

(**Zhyler**) iZb2l.ej.vet.ejet zixMvitetnem mattakka «By Means of Which Well a Person Sees»;

(**Tirelat**) Tlizhalhazan vjaki tai mikvidu zhu zharh? «Does One See With Wells and a Person?»;

(**Kash**) Aka Mitikas Casini? «Do We See the Source?»;

(**Tunu**) Time ikakami apone kite paho? «Can We See the Source?»;

(**Ibran**) Pàlhime veir l'huint? «Can We See the Source?»;

(**Kar Marinam**) «Can We See the Source?»;

(**Rav Zarruvo**) Va_ ng va_ zàlzàn bí Wòzàw'úng rá vo_? «Can the Creator Be Seen By Us?»;

(**Uatakassi**) Panailassipasnikibu tiNglíi? «Will we be able to see the Creator?»

Второй тур:

(**Teonaht**) Rinil Tilvan «About the Stars»;

(**Ini**) Kap tu kunitunaka «About the Stars»;

(**Lojban**) sera'a lo tarci «Concerning the Stars»;

(**Verdurian**) Eta soí curulí «About the Stars»;

(**Kelen**) xien-jé anluáni «Concerning Stars»;

(**Ilaini**) Lazene lay «About the Stars»;

(**Zitwbata**) t'uno «In the Stars»;
 (**Kamakawi**) Poinivie «Concerning Stars»;
 (**Yivrian**) Ela luneni «Concerning Stars»;
 (**Nindic**) Luinos Eluid «Concerning the Stars»;
 (**Askaic**) šufer ardeš «About the Stars»;
 (**Sturnan**) Eti Kovaki «About Stars»;
 (**Kayasanoda**) Hi Dada Lahatsomanide «About the Stars»;
 (***Yemls**) CTop: gjUOj «Concerning Stars»;
 (**Vaior**) Rul Raierul «Regarding the Star(s)»;
 (**Graavgaaln**) Jhûn Dêrn «Of Stars»;
 (**Nesheti**) Buda Fitarilik «About Stars»;
 (**Tasratal**) Pazar Ylysto «Categories of Stars»;
 (**Rokbeigalmki**) ^Reng^gamnuhm-a «The Order of the Stars».

3. Литературные опыты на ВЯ

Литературное творчество конлангеров характеризуется следующими особенностями.

1) Литературные жанры вымышленных народов повторяют известные нам в культурах народов Земли, пример редкого исключения – изобретенный специально для фантастической культуры жанр «Лепестки» в литературе Атэа, рассмотренной в предыдущей главе.

2) Поэзия значительно преобладает над прозой.

3) Литература в собственном смысле слова значительно уступает фольклору, прежде всего песням: творцы ВЯ стремятся создавать произведения анонимные («народные») и обладающие высокой культурной значимостью, как бы освященные годами развития вымышленной цивилизации. Для авторских литературных произведений пришлось бы придумать образ автора.

Тем не менее, некоторые конлангеры берут на себя труд «изобретения» авторов для литературных произведений на ВЯ и даже сочиняют им биографии, причем факты жизни писателя или поэта, разумеется, накладывают отпечаток на его/ее творчество. Пример такой вымышленной биографии (в сокращенном виде): «Манади Эллем (Manadi Ellem) – знаменитая писательница народа Ku'Lajin. Ребенком, во время Великой войны, она жила в Хаэмон (Haemon) и видела все жестокости войны. Она хотела быть Великой Волшебницей (the Great Aidomatir), чтобы в одиночку прекратить войну. И это желание зажгло ее воображение, она рано начала писать, рассказы об утратах и жертвах, об идеалах, которые несли выдающиеся люди Ku'Lajin. Когда война закончилась, ей было 16 лет, но воспоминания о войне продолжали ее тревожить. Ее рассказы этого периода реалистичны и отражают повседневную жизнь того времени. Ее самое интригующее и противоречивое произведение «Почерневший день» говорило о темной стороне жизни, которую люди Ku'Lajin не видят <...> В это время она обратилась к поэзии. Большинство ее стихов написано по традиционным правилам (the Old Rules), однако она открыла и новую манеру стихосложения, которая стала очень популярна среди читателей. Одна из ее поэм «Смерть и возрождение» состоит из нескольких частей, каждая – по 32 строки. Написанная всего через 8 лет после войны, эта поэма мгновенно стала известной. После

произошедшей при чудесных обстоятельствах смерти поэтессы, эта поэма была внесена в Святую книгу (the Holy Book), а Элем была названа пророком». Мы видим здесь следование жанровой модели биографии, принятой в европейской культуре. Такое же следование законам жанра обнаруживается и в самой поэме «Смерть и возрождение», публикуемой автором ВЯ на английском языке. Приведем только начало:

The Great War marked the end of Öhna's reign
 As the rains fell upon the bodies of the slain
 And the war machines obliterated the land
 And turned the green forests into sand
 The pillar that had once stood tall
 Broke under the weapon's wrath and hath fall
 As the unlistening fell and wept
 Their Greatest King had stepped
 And pleaded he, with Reijinai
 So that his people may lie
 And sleep their terrible pain away
 For this is what he had to say...

Обещанный перевод поэмы на Ку'Лажин так и не появился, что не удивительно. Автор переоценил возможности своего ВЯ. Гораздо проще придумать вымышленных персонажей, фантастическую историю войны и т.п., чем создать языковую структуру, на которой может быть написан «оригинал» подобного художественного текста. Отсюда следующая типичная черта литературных опытов конлангеров.

4) Поскольку лексический запас ВЯ, не говоря уже о выразительных ресурсах, весьма ограничен, мы часто встречаемся с таким видом текстов как «якобы-переводы» с ВЯ на естественные языки. При этом «текста-источника», естественно, не дается, так как его просто не существует. Другой типичный случай — сначала текст пишется на родном языке автора, а потом переводится на конланг, если автору удастся это сделать.

Наконец, заметим: весьма показательно, что именно жанры художественной литературы влекут к себе конлангеров, а не какая-либо другая сфера существования книжного языка. Могут быть представлены тексты учебные, дипломатические (конституирующие вымышленные государства или определяющие отношения вымышленных народов с землянами, если такое предусмотрено фантастической историей, созданной автором), почти полностью отсутствуют научные, деловые, публицистические, но главное место занимает именно художественная литература. Литературно-художественные произведения на ВЯ, с одной стороны, помогают украсить вымышленный мир, придать ему атмосферу (атмосфера вымышленного мира, вообще, очень важное понятие для конлангеров), с другой — демонстрируют «полноценность» вымышленного языка.

4. Игровые формы деятельности конлангеров

В сообществе любителей ВЯ много традиционных лингвистических задач и конкурсов, в которых активно участвуют энтузиасты лингвоконструирования. Популярностью пользуется рассмотренная выше игра «Испорченный телефон»: исходный текст на одном из ВЯ конлангеров переводят по очереди каждый на свой ВЯ, потом результаты сопоставляются и

обсуждаются сравнительные возможности того или иного языка в передаче определенных значений, неперебиваемые смыслы и другие параметры текста. Обнаружение трудностей перевода служит стимулом для совершенствования собственных ВЯ участников игры и для обсуждения лингвистических проблем.

«Генеалогическое древо» — другая весьма примечательная игра конлангеров. Для демонстрации того, как она разворачивается, приведем пример из Википедии (об этом ресурсе см. выше) — Conlang Evolution Experiment.

Целью эксперимента было создание семьи родственных языков, которые производятся от общего языка-предка путем исторически оправданных изменений. Для того чтобы проследить эволюцию языков, используется опять же текст о Вавилонской башне. Участники должны были выбрать один из языков, уже имеющийся в генеалогическом древе (первым участникам был доступен только один язык-предок), затем предложить обоснованный набор изменений, с помощью которых от выбранного языка будет произведен язык-потомок, и наконец, дать грамматику ВЯ-потомка, включающую описание изменений, системы языка, возникшей в результате их, и перевод текста о Вавилонской башне. В качестве языка-предка предлагался очень простой, по мнению его автора, язык изолирующего типа — кингифа (Kingifa).

Посмотрим сначала на результаты этого коллективного лингвистического эксперимента — первую строчку легенды о Вавилонской башне в переводах на все сконструированные в ходе игры ВЯ (жирным шрифтом даны названия языков, цифры рядом с названием языка в скобках указывают его место на генеалогическом древе):

- Ixa si aku mituku faku yi kingifa ka uxi nafufa. (**Kingifa**, язык-источник)
- Shes gu mitku fok yi kingfa ka fi loffa. (**Kingfa**, 1)
- Gu medku fokadsho yish kingfam ka fi loffamgak. (**Kinfa**, 1.1)
- Kù méy fhyó fhó kéng yi là yu là fhi là. (**Khikeng**, 1.1.1)
- Kù shíméy fáefáesíng kúpú ilà kàethyè kác fhífhilá lí[^]rlá (**Khíkéng**, 1.1.1.1)
- Shes gu mitp fok yi kimva ka fi loffaloffa. (**Kimva**, 1.2)
- Shes wu mirp haho yish ikimwa ka fi ififishshye. (**Kimwa lilyeho**, 1.2.1)
- Shes û mil âo îs kimma ga shishshena. (**Kimma**, 1.2.1.1)
- 'ixashi miru'u 'aku faku wifi wi kingiwa yupi wifi 'uy nafusa. (**Kingiwa 'awiwasa**, 2)
- Miru a'uh xashi faha'urin wiwi 'ingiwa yu way nahusa. (**Aw'ingiwa**, 2.1)
- Miru ngoð'uu fõð'okæshin wii 'ingææ yu wiæ nõðsõnguu. (**Oingææ**, 2.1.1)
- Ixâsh mirup hâk fâk wifiw kingewshiw jyp wifuj nafosshiw. (**ñakiw pym wifiw Kingewhâwwas**, 2.2)
- Yexay si ape mitukol kafîxâc akol yi kigniehâc yi naèhoufâc. (**Kigniehac**, 3)

Проанализировать все 13 ВЯ, сконструированных участниками эксперимента на сегодняшний день, мы, конечно, не можем. Рассмотрим язык-предок, два ВЯ с индексом 2 (они интересны, как два пути движения от языка предка) и один язык третьего уровня²⁵.

²⁵ Следующие описания языков мы старались давать в единообразной лингвистической терминологии, устраняя неточности в употреблении терминов, вызванные непрофессионализмом авторов.

Итак, кингифа. Фонология довольно бедная – 10 согласных и 3 гласных.

Согласные:

p t k

f s x

m n ng [ŋ]

y [j]

Гласные:

i a u

Структура слога: CV плюс возможность начать слово с гласной. Ударение: падает на слог, содержащий первый согласный слова. Морфология: полностью изолирующая. Никаких грамматических категорий ни в каких словах не выражается. Несколько местоимений множественного числа представляют собой не регулярно образованные формы местоимений единственного числа, а отдельные лексемы. Синтаксис: SVO, определения предшествуют определяемому слову, все более сложные отношения выражаются перифразами (<http://www.talideon.com/concultures/wiki/?doc=Kingifa>).

Что делает с этими базовыми данными первый играющий? Он создает язык кингфа (Kingfa), значительно обогащая систему фонем (21 согласная, 5 гласных) и усложняя правила их встречаемости в слове.

Согласные:

p t ch [tʃ] k b d g

f s sh [ʃ] x v z

m n ng [ŋ]

w y [j] l

Звонкие согласные (b d g v z) допустимы только в начале слова.

Гласные:

i e a o u

Гласные e и o встречаются только в закрытых слогах.

Структура слога тоже становится сложнее: C(G)V(C), где G – это w или y. Ударение падает на первый слог. Грамматические изменения минимальны: от <yi> ‘один’ образован неопределенный артикль –i, усовершенствованы средства выражения подчинительных отношений. Лексические нововведения связаны с возникшей из-за звуковых перемен омонимией: совпадения ‘мы’ и ‘один’ в форме yi, из-за чего автору ВЯ пришлось образовать новую форму местоимения первого лица множественного числа *gwi* Ꞇ <gu+yi> = ‘all+us’ и новое числительное ‘один’ *yish* Ꞇ <yi+xiy> = ‘one+thing’ (<http://www.talideon.com/concultures/wiki/?doc=Kingfa>).

Следующую стадию развития представляет язык кинфа (Kinfa), происходящий из кингфа (Kingfa).

Согласные:

p t ch [x] dh k q b d g

f s sh [ʃ] v z

m n ng [ŋ] mg

w y [j] l ' [h]

Гласные:

i e a o u

Гласные e и o встречаются только в закрытых слогах.

Структура слога: C(G)V(C), где G – это 'h] после звонких согласных, кроме у [j]. Если у следует за s или z, два согласных сливаются в sh или dh.

Изменениям подвергается уже и ударение: оно падает на первый слог, если он не является «тяжелым», то есть не содержит h или y.

Язык перестает быть полностью изолирующим, появляются показатели падежей: <-s> для генитива, переходящий после корней, заканчивающихся на любой согласный, кроме у, в <-sh> с усечением последнего согласного корня; <-m> — для аккузатива, переходящий после всех корней на согласный в <-mg> с усечением последнего корневого согласного. Показателем множественного числа служит <-q>, переходящий в тех же условиях в <-k>. Если перед существительным стоит неопределенный артикль, то флексии присоединяются к артиклю. Добавляются два глагольных грамматических показателя: перфективный — <-sh> и гортативный <-d>, использующийся только в сагах и легендах (конечный согласный корня перед ним усекается). Синтаксис не изменился, за исключением появления частицы (?) <qa>, указывающей на любые отношения, кроме собственно определительных.

Для более наглядного представления звуковых изменений сопоставим вид нескольких слов в трех рассмотренных языках:

1) глагол «иметь»:

faku
fok [< faku]
fok [fok]

2) глагол «приходить»:

finuxi
finxi [< finuxi]
finchi [< finxi]

3) существительное «небо»:

kusaxa
kusxa [< kusaxa]
kush'a [< kusxa]

4) существительное «народ, люди»:

pumi
pum [< pumi]
pumg [< pum]

Другую ветвь «потомков» кингифы, параллельную той, которая открывается языками кингфа и кинфа, открывает ВЯ Kigniehas. Его автор пошел иными путями, чем создатель языка кингфа. В фонологии он тоже усложняет систему, но не путем радикального увеличения количества согласных (в два раза, с 10 до 21) при незначительном добавлении гласных (с 3 до 5), а небольшим увеличением числа согласных (до 15) при росте числа гласных в два раза (до 7) и введении сразу шести дифтонгов.

Согласные:

p, b (в ограниченном количестве слов) t k
f s c[C] x h
m n ng/gn [ŋ] (gn используется между гласными и в начале слов)
l r y [j]

Гласные:

i e ê[E] a
u o[O/o] â [A]

Дифтонги:

ie âi[Aj] au[aw] ou[ow] aè[aE] ue[we]

Структура слога: CV, в некоторых случаях допустимы неприкрытые слоги. Ударение: падает на первый слог, если в нем нет дифтонга, в противном случае – на второй, независимо от того, простой в нем гласный или дифтонг. В области морфологии одно нововведение: гортативный инфикс -atâc (напомним, что ВЯ создавался с ограниченной целью – дать перевод текста о Вавилонской башне, поэтому то, что разнообразие в глагольные категории вносится с помощью гортатива, неслучайно: в целевом тексте есть формы побуждения, направленные не на второе лицо). В области синтаксиса указывается на опущение союза *kaŷ (and)* во всех возможных случаях. Показатели временных отношений ставятся перед глаголом.

Автор этого языка дает подробное описание тех изменений, которые «произошли» в языке-источнике и привели к возникновению описываемого ВЯ:

- удлинение гласных и их дифтонгизация в зависимости от позиции в слове, перед определенными типами согласных и от ударения;
- сдвиг гласных вперед в послейтовой позиции: u, o, e → i, a, a / y(i);
- трансформации согласных «вокруг» фонемы f: f → h (кроме как перед u; в сочетании ff вторая f не подвергается трансформации, за исключением тех случаев, когда первая по следующему правилу падает), h → Ø / #, p → f между гласными;
- увеличение количества губных: kw → p; mw → b;
- изменения гласных и согласных в начале и конце слова;
- переход s → r между гласными (кроме â).

Анализируя созданные в процессе этой лингвистической игры языка и описания их систем²⁶ и диахронических процессов, приведших, по мысли создателей, к их возникновению из языка-источника, мы можем исследовать представления конлангеров о языковых изменениях и шире – говорить о том, как преломляются идеи, почерпнутые из соответствующей лингвистической литературы, в сознании языковедов-любителей. Максимальным модификациям подвергается звуковой состав языка, на втором месте – морфология. Синтаксис наиболее стабилен. Изменения лексического состава могут производиться по семантическим соображениям, но чаще — в связи с фонологическими и морфонологическими процессами, приводящими к омонимии. Это не случайно: ведь в подобной игре ВЯ создаются не для обслуживания какой-то вымышленной культуры, а с целью перевести заданный текст с естественного языка, поэтому никаких слов, обозначающих специфические реалии и понятия вымышленной культуры, изобретать не требуется. Конлангеры не учитывают возможность обеднения языка-источника в результате развития, например, возможность утраты фонем или лексического обеднения. Им кажется, что каждая следующая стадия должна давать больше элементов и явлений всех уровней: больше фонем, больше морфонологических процессов, больше вариантов структур слога и схем ударения, больше морфологических категорий, больше синтаксических правил. В таком подходе сказывается ориентация конлангеров на фактор красоты языка, а идея красоты связывается в их сознании именно с богатством языка.

²⁶ Помимо грамматических описаний, которые мы суммировали здесь, мы рассматривали также приведенные авторами переводы текста о Вавилонской башне с глоссами и словаря ВЯ.

Глава 5

ВЯ в Интернете – модель описания

В этой и следующей главе мы будем систематизировать наиболее типичные черты проектов языкового конструирования.

Проекты фантастических языков строятся по традиционной уровневой модели, принятой для естественных языков: фонетика, лексика, морфология, синтаксис. Две основные части описания – словарь и грамматика. Особое внимание уделяется, как правило, фонетике и графике – наиболее эффективным и, с другой стороны, легко конструируемым уровням. Внутреннее членение уровней также традиционно. Так, в фонетике выделяются разделы: гласные и согласные, устройство слога, ударение. Указанная модель не подвергается теоретическим сомнениям. Возможно варьирование в порядке изложения частей описания, но общая схема, сохранившаяся в европейской лингвистической традиции еще со времен античной грамматики, остается в силе.

Субъект описания

«Даже тот, кто постоянно стремился бы к созданию языка, не похожего ни на какой другой, фатальным образом не смог бы скрыть своего «Я»... Создание подобного языка невозможно.. Он [человек] способен только говорить... через свои воспоминания — непосредственные, опосредованные и атактистические» [Henry 1967; 67].

Поскольку ВЯ являются продуктом творчества, близкого к литературному, и имеют отношение к вымышленным мирам (пользуясь литературоведческим термином, фикциональным мирам) образ автора ВЯ может иметь достаточно сложную структуру.

1. Прежде всего, в некоторых проектах **разграничиваются создатель ВЯ и автор описания**, как например в преамбуле к описанию языка Mova atlantova в «Гезаурусе полной луны»:

«Среди языков, упомянутых в Истории Миров, есть несколько совершенно непохожих друг на друга, но содержащих в своем названии имя древних атлантов, Атлантики или погибшей Атлантиды. История Миров знает несколько планет под названием «Атлантика», а также ряд планет, материков и стран с названием «Атлантида».

Чаще всего последнее название использовали земляне и их потомки, задавшие целью воссоздать на другой планете мифическую культуру исчезнувшего материка. Но группа землян из центральной планетосферы Гелиодрома, назвавшая так планету, избранную ими для заселения, преследовала другую цель.

Они хотели сделать свой мир центром освоения галактик, удаленных от ядра Гелиодрома (то есть от планетосферы, в которой заключена копия Солнечной системы), и связь их проекта с земными ат-

лантами можно обнаружить, только если вспомнить гипотезу, согласно которой человечество возникло в Атлантиде и расселилось оттуда по всей земле.

Заселение планеты Атлантида в Гелиодrome было организовано энтузиастами, среди которых преобладали выходцы из России и постсоветского пространства. Между собой они говорили по-русски, но, так как контингент первооселенцев отличался большой пестротой, для общения с ними был изобретен упрощенный язык, который получил известность как «мова атлантова».

В основе этого языка лежит славянская грамматика и лексика, но грамматика максимально упрощена, а лексика унифицирована. В первоначальном варианте было предусмотрено даже единое окончание для именных частей речи (-a), но в живом языке оно сохранилось, как обязательный элемент, только у прилагательных.

Главным отличием мовы атлантовой от многочисленных славянских пиджинов типа «моя-твоя болтай» является глагольная система. **Создатель языка — лингвист по образованию и поэт по призванию, сын новгородца и украинки — не пошел по обычному пути и отказался от использования повелительного наклонения в качестве основы всех глагольных форм. Вместо этого он вспомнил про так называемый «северный перфект» («сделавши») и положил в основу глагольной системы языка именно его.**

Не очень ясной долгое время была ситуация с личными местоимениями. **Первый авторский вариант** сохранял их почти в первоизданном виде (*az, tu, on, mi, vi, oni*), но **затем последовали переделки и появились другие варианты**. В результате местоимения стали одним из главных признаков диалектного членения мовы атлантовой, а в позднем кодифицированном варианте языка основным был признан вариант *moi, tvoi, evoi, moistva, tvoistva, evoistva* и соответствующий ему набор притяжательных местоимений (*moina, tvoina, evoina, moistvena, tvoistvena, evoistvena*)» [жирный шрифт наш — М.С., О.Ш.].

Создателем языка является вымышленный, фикциональный персонаж. Подчеркивается сознательность и субъективность его языкотворческой деятельности и историческая дистанция между изначальным видом языка и временем описания, отражающего результат более поздних переделок и появления диалектов. Автор описания безличен.

2. Другой вариант взаимодействия нефикционального автора описания и фикционального персонажа представлен в проекте барсоомианского (Barsoomian) языка. **Фикциональный персонаж выступает** не в роли создателя ВЯ, а **в роли посредника — неквалифицированного путешественника**, якобы сделавшего записи, обрабатываемые автором описания. Автор ВЯ основывается на 11 книгах писателя-фантаста Э.Р. Барроу о Барсооме (название Марса в языке его исконных жителей). Один из главных персонажей — Джон Картер, первый землянин, посетивший Марс, дал описание этого языка (оно частично приведено писателем в книге «Принцесса

Марса»²⁷). Но, по фантастическому допущению автора ВЯ, поскольку у капитана Картера не было лингвистической подготовки, он не смог ни оценить, насколько Barsoomian (полутелепатический, общий для всех живых видов Марса, практически не изменяющийся в времени и очень легкий в обучении) отличается от языков Земли, ни правильно записать барсоомианские слова (почему-то Картер пользовался для их передачи иероглифами, а затранскрибировано на английский лад звучание этих иероглифов, якобы, было самим писателем Барроу, который слышал, как Картер их произносил) «Барроу затранскрибировал все слова, как будто они были английскими, так, например, *zode*, очевидно, произносится без 'e' на конце (как *lode*), но уверенности у нас нет», — сетует автор ВЯ. Langmaker.com

Таким образом, перед нами возникает трехслойный образ автора: Картер (получил некоторые данные о языке, но не смог их ни адекватно записать, ни обработать) – Барроу (обработал и опубликовал обрывочные сведения, полученные им лично от Картера) – автор ВЯ, предлагающий нам описание языка, лакуны и неточности в котором объясняются недостатком сведений, поступивших от первых двух «звеньев» в цепочке. Дело оказывается еще сложнее, если вспомнить, что Картер – фикциональный персонаж, созданный Барроу. В подобном случае проблема автора связана еще и с проблемой достоверности источников описания – реальных (в качестве их выступают книги Барроу) и вымышленных – записи космического путешественника капитана Картера.

3. Вымышленному субъекту – носителю фантастического языка — или группе таких субъектов **может приписываться** не только факт создания или фиксации языка, но и **авторство описания** как такового. В этом случае искусственность, сконструированность языка маскируется и читателю предлагается принять игру, вступить в фикциональный мир вымышленного языка как в мир художественной литературы. Например, в качестве автора «Грамматического очерка и словаря андорского языка» (<http://randyb.byu.edu/aliOTH/sketch.html>) указан Kiir Thenoo'i'rar, доктор философии, профессор языковедения Университета Андора, а в качестве публикатора реальное издательство из штата Массачусетс Spence Hill. Соответственно «правилам игры», по тексту разбросаны указания на то, что описание делается носителем языка для неносителей, например: «Андорианский язык (или *ub An'ed*, как мы называем его между собой) в

²⁷"This power [telepathy] is wonderfully developed in all Martians, and accounts largely for the simplicity of their language and the relatively few spoken words exchanged even in long conversations. It is the universal language of Mars, through the medium of which the higher and lower animals of this world of paradoxes are able to communicate to a greater or less extent, depending upon the intellectual sphere of the species and the development of the individual."

"In the name of my first ancestor, then,' she continued, 'where may you be from? You are like to my people, and yet so unlike. You speak my language, and yet I heard you tell Tars Tarkas that you had but learned it recently. All Barsoomians speak the same tongue from the ice-clad south to the ice-clad north, though their written languages differ. Only in the valley Dor, where the river Iss empties into the lost sea of Korus, is there supposed to be a different language spoken, and, except in the legends of our ancestors, there is no record of a Barsoomian returning up the river Iss."

значительной степени отражает четкое классовое разделение общества, глубоко запечатленное в культуре Андорра, Пиинтела, Аадхожа, Емфура и наших колоний».²⁸

4. Наконец, автор ВЯ может эксплицировать себя как создателя вымышленного языка и вымышленного мира. В этих случаях, как правило, присутствует указание на стадии конструирования:

«Тирелат (Tirelat) – язык со сложной историей, начавшейся весной 1999 года. После успеха ВЯ Ярда (Jarda) я захотел создать язык, который было бы легче выучить. Исходный план был таков: придумать по 8 слов в день, заучивать их и двигаться дальше, чтобы к концу 2000 года получить полностью функциональный словарь. Однако в ходе работы цели, которые я ставил перед этим языком, изменились, а возможность быстро выполнять операцию «найти и заменить» по всему словарю привела к очень нестабильной структуре языка, которая мешала его выучить. Частично из-за этих проблем я создал Чирелат (Czirehlat) как стабильную «ветвь» языковой семьи Тирелат. С тех пор я пересмотрел Тирелат, включив в него многие из разработок, сделанных для Чирелата, в том числе всю морфологию глагола. В конце лета 2001 года я обновил словарь Тирелата (за исключением слов, заимствованных из языка Гьяррда (Gjarrda)), чтобы еще больше приблизить его к Чирелату. В марте 2002 года Тирелат подвергся значительному пересмотру фонологии, включавшему, помимо всего прочего, устранение различия между «é» и «у». Чирелат был «заморожен» в конце 2001 года, для того чтобы он мог стать стабильной базой, на основе которой продолжается развитие языка Тирелат, хотя многие материалы по Чирелату отражают более раннюю стадию языка. Последние нововведения в Тирелат начались в 2004 году, когда я осознал, что Тирелат – это в действительности язык сангари (Sangari) – меховых негуманоидных существ, родственных зиреен (Zireen) [ранее придуманной автором и уже снабженной вымышленным языком зооморфной расе — М.С., О.Ш.]. В процессе перестройки Тирелата как языка сангари я вернулся к ранним формам слов и отменил некоторые последние изменения в грамматике Тирелата (например, добавление категории рода существительных)» <http://www.io.com/~hmiller/lang/Tirelat/>.

Здесь и в аналогичных случаях в качестве автора описания открыто выступает создатель языка, повествующий о причинах, вызвавших к жизни данный проект языкового конструирования, о путях разработки проекта и его целях. В этом случае граница между реальным и фикциональным миром выглядит иначе, чем в рассмотренных ранее, она более четко очерчена. Выражаясь литературоведческими терминами, читатель подписывает с автором (языка) иной контракт: игровой характер, «ненастоящность» предлагаемого мира эксплицирована.

²⁸The An'dorian Language (or ub An'ed as we call it, among ourselves) reflects much of the highly stratified class system, so firmly entrenched in the culture of An'dor, Piin'tel, Aad'hozh, Em'phur, and our colonies.

5. Автор описания – читатель, «вжившийся» в мир фантастического произведения. В этом случае создатель ВЯ, с одной стороны, выступает, как реальный читатель фантастического произведения, в котором описан увлекший его вымышленный мир и язык. С другой – конлангер представляет себя частью этого вымышленного мира и делает описание ВЯ как бы одновременно извне и изнутри. Например, на <http://en.wikibooks.org/wiki/Vaxilic> автор сначала сообщает, что базилик – это язык, основанный на ВЯ романа О.С. Карда «Память Земли», и что причиной, побудившей к конструированию, было прочтение книги. Тут же сообщается «фикциональное имя» автора и рассказывается, как построено оно по законам языка базилик.

Адресат описания

Адресат описания, в отличие от образа автора, выглядит в представлении создателей ВЯ достаточно туманно. Образ адресата встречается нечасто в комментариях, подобных следующему:

«Традиционный порядок букв алиярского алфавита (*din, het, jjan, jer...*) в таблице не соблюден. Для удобства пользователей буквы расположены в соответствии с латинским алфавитом — сначала согласные, а затем гласные».

Интересен тактический ход, которым пользуются авторы некоторых ВЯ, указывая на их сложность и принципиальную неспособность «иностранца» понять их систему: оговаривается, что та или иная особенность языка непонятна для чужих, но совершенно естественна для его вымышленных носителей. Пример: «Следует помнить, что даже если вам кажется, что какое-то существительное не подходит к своему классу [склонения –М.С., О.Ш.], то для нас, носителей языка, оно вполне туда вписывается²⁹» (андорианский язык; о «классах», про которые идет речь, см. ниже в параграфе «Морфология»).

Однако в большинстве своем творцы ВЯ не могут определить, к кому они обращают свои грамматики, в результате возникают колебания между учебным и «научным» представлением материала в пределах одного описания.

Культурная нагруженность описания

Мы уже видели, что типичной чертой проектов ВЯ является подчеркивание того, как в их семантике и структуре на всех уровнях отражается культура и/или биологические особенности народа – носителя языка, причем социокультурные факторы учитываются чаще, чем биологические. Конлангер скорее придаст звуковой системе языка вид, более подходящий, по его мнению, развитому или примитивному народу, чем займется изобретением артикуляционных систем, устроенных по

²⁹It must be remembered that even if a noun does not feel, to you, like it fits into its class, it does to us, the natives of the Language.

иному принципу, чем человеческая. В лексике находят большее отражение социальные различия, религия и философия, морально-нравственные убеждения фантастического народа, чем его вымышленная среда обитания.

Связь языка и культуры влияет и на модель описания, но в гораздо меньшей мере и гораздо реже.

Например, в очерке андорианского языка культурный компонент присутствует не только при объяснении грамматических закономерностей, но и при обосновании порядка изложения материала. С одной стороны, указывается, что система местоимений андорианского языка отражает не только половые различия между людьми (мужской или женский пол: *он / она*), но и способность или неспособность к деторождению, а падежная система – кастовую структуру общества. С другой стороны, при описании диалектных различий (диалекты в андорианском не географические, а социальные) порядок рассмотрения диалектов не совпадает с социальной лестницей (сверху вниз: диалект воинов, диалект философов, диалект торговцев, диалект крестьян), а соответствует тому, насколько часто та или иная каста контактирует с не-андорианцами. Поскольку перед нами пособие по «андорианскому как иностранному», то кастовые диалекты описываются в порядке убывания вероятности контакта: диалект торговцев, диалект воинов, диалект крестьян, диалект философов.

Непосредственно отражают вымышленную культуру примеры, используемые авторами грамматических описаний. Так, даже не зная, что алиярский язык сконструирован как «один из языков планеты Зиндзар, на котором волею судьбы говорил первый пророк религии Sari Ambier и его последователи — авторы священной книги Саредж», как язык, ставший затем (в альтернативной истории Вселенной) основным межпланетным религиозным языком, мы можем прийти к заключению о культовом характере этого языка по многочисленным примерам из грамматики: «Прилагательное в роли определения может стоять как перед существительным, так и после, а в самостоятельной позиции ведет себя подобно существительному: *Dzarin das athim athimi ambier is sari het fa zār atah ambier sari het haminbar* – В мире одна только вера благая, а других благих вер нет и не было»; или (в разделе «Местоимение»): «*Bur mu faram id amber minem Ret ana hender adda bin zār ba darifen darif amit jama* – Это слова бога истинного, почему же ты не веришь и не веруешь?» («Лунная радуга»).

Теоретическая сторона описания

Хорошо разработанные проекты ВЯ включают не только систематизацию материала данного фантастического языка и практические рекомендации по овладению им, но и минимальные сведения по общему языкознанию, например, определения разделов грамматики и основных понятий. При всем разнообразии существующих в мировой лингвистике подходов и теорий проекты конлангеров со всей определенностью говорят нам: в сознании у обычного носителя языка, интересую-

щегося лингвистикой, есть вполне стабильное, стандартное представление о системе языка и о понятиях, применяющихся для ее описания. Имеются стандартные «ошибки» и неточности в использовании терминов, например, неразграничение словообразовательных и словоизменительных морфем, идущих после корня (они могут все без разбора называться суффиксами или окончаниями); не все изобретатели ВЯ точно проводят границу между морфологией и синтаксисом и осознают их как две части грамматики (встречаются, например, проекты, в которых присутствуют отдельные разделы – «Морфология», «Синтаксис» и «Грамматика») и т.п. Но в целом проекты ВЯ демонстрируют нам силу и укорененность в головах конлангеров европейской языковедческой традиции.

Парадоксально, что ни в одном из вымышленных миров нет ни своей лингвистики, ни оригинальной лингвистической теории. Этим фантастические культуры отличаются от культур Земли, в которых интерес к языку, к тому, как он возник, как он устроен, пробуждался в самый ранний период, причем уже древние культуры Востока дают нам примеры принципиально разных лингвистических традиций [Сусов 1999; глава 1]. Изучая теорию языка, конлангеры проходят мимо истории языкознания. Если бы они обратили внимание на то, что можно разнообразить не только системы ВЯ как предмет описания, но и модели описания, их проекты были бы гораздо индивидуальнее и интереснее.

Ориентация апостериорных ВЯ

В целом для апостериорных конлангов характерны два направления ориентации: на индоевропейские языки и на неиндоевропейские языки. Из неиндоевропейских все больше используются языки, ранее не задействованные в языковом конструировании. Так в [Higley 2000] отмечается интерес к баскскому, ацтекскому, грузинскому, тагальскому (тагалогскому), малагасийскому языкам как к основе конструирования, а не, например, к валлийскому, финскому и ивриту, уже задействованным, прежде всего Толкином при работе над эльфийскими языками. Часто внимание создателей ВЯ привлекают эргативные языки.

При использовании в апостериорном ВЯ словаря разных естественных языков один из языков — как правило, родной язык автора либо один из основных европейских — может выступать как основной источник, а заимствования из других, часто весьма экзотических, применяются для конструирования диалектов, например:

«Лексика языка Атлантиды имеет в основном русское, восточнославянское и общеславянское происхождение. Однако в разных диалектах и региональных вариантах языка присутствуют многочисленные интернационализмы и заимствования. Много заимствований из английского, а в зурбаганском диалекте — также из испанского, португальского, французского, азиатских и африканских языков, в лисском диалекте — из разных европейских языков, в наутилусском — из полинезийского и романских языков» (<http://espada.org.ru/lingva/atl.php>).

Игнорируемые возможности и проблемы

В ходе анализа ВЯ мы обнаружили некоторые возможности языкового конструирования, которые мало используются конлангерами, и упущения, свойственные большинству проектов. Обобщим наши наблюдения.

1. Большинство создателей ВЯ априорно принимают, что речевой аппарат народов – носителей этих языков устроен по образу и подобию речевого аппарата людей и приспособлен к произнесению примерно тех же звуков. Более того, если сравнить звуковые системы фантастических языков с возможностями, реализованными в различных языках Земли, мы видим, что изобретатели ВЯ используют лишь малую долю этих возможностей. Они берут за основу распространенные в национальных языках звуки, указывая лишь на некоторые особенности их произношения.

Аналогично принимается, что система органов восприятия вымышленного народа устроена так же, как человеческая. Не предпринимается попыток ревизии лексического состава языка с позиций иной физиологии и психологии восприятия, чем наша.

2. Проблема исключений. Только самые опытные и внимательные создатели ВЯ помнят о том, что в естественных языках есть исключения из правил, и не забывают включить в свои языки ряд искусно придуманных исключений.

3. Наивно-лингвистические ошибки.

Безусловно, существует различие между проектами ВЯ, выполняемыми специалистами-филологами, и языковым конструированием «наивных говорящих». Для последних характерна неравномерная разработка разных языковых уровней, а также то, что мы называем наивно-лингвистическими ошибками, например, отнесение правила, категории или единицы языковой системы не в тот раздел, где мы его привыкли видеть в традиционной грамматике. См., например, типичную для конлангеров путаницу в категории местоимения (алиярский язык):

Местоимение

Личные – ir, bîn, ut, avun, umun, âtun

Притяжательные – irem, bînem, utem, avuni, umuni, âtuni

adda – что, это, который

da – тот

dîn – кто, этот, который

bur – это

dîn adda – тот (человек)

dâni – какой

hender adda – зачем, почему

jama – вопросительная частица

4. Ориентация создателей ВЯ на красоту и богатство языка заставляет конлангеров при конструировании диахронии языка и межязыковых контактов придерживаться убеждения, что развитие языка равно его обогащению, увеличению числа единиц и категорий в нем. Только редкие авторы ВЯ моделируют ситуацию утраты тех или иных элементов языка в ходе его эволюции. См., например, целинский язык в «Тезаурусе полной луны». Это один из славянских языков Вселенной будущего, прямой пото-

мок диалекта русскоязычных колонистов одной из отдаленных планет, развившийся в смешении с другими славянскими и неславянскими языками: «...За восемь веков изолированного существования целинский язык приобрел значительные отличия от русского. Так, он практически утратил именную флексию и начал терять глагольную. Даже в литературной речи стали редкостью спрягаемые формы первого лица типа «і гаворію»;», которые сменились возвратно-безличными — «с мені гаворизза». Аналогичные разговорные формы, употребляемые во всех лицах, к началу Целинской войны также стали все чаще появляться на страницах газет и в официальной речи: «ос виликії вадила за цилинські нарот лицо Бранивої зазоваїзза на оси цилинці ік адин чис пливаз на гимарои даз злаі аддача на амурский агресари — Великий вождь целинского народа товарищ Бранивой призыває целинцев всех как один, невзирая на трудности, даць суровый отпор амурским агресорам». (Интересно, что в этом ВЯ упрощение языка связано не только с отрывом от языка-источника, но и с политической системой государства, где язык применяется. Что это за система, ясно уже из одного примера).

5. Безусловно, конлангеры не углубляются в нерешенные вопросы лингвистической теории. Так, они принимают как данное, что есть языки и есть диалекты, вводят в свои ВЯ те или иные изменения, не задумываясь о том, в какой момент можно говорить об отдельном языке, а не о диалекте. Проблема «Что такое отдельный язык?», остающаяся дискуссионной в лингвистике, не затрагивает сообщество любителей ВЯ.

6. Скоцентрировавшись на создании оригинальных языковых систем для вымышленных народов, авторы ВЯ не задумываются о том, что в культуре, разительно отличающейся от известных земных культур, и филология должна быть иной, и система лингвистического знания может значительно отличаться от традиционной европейской. Конечно, нельзя ожидать, что языковеды-любители придумают какие-то модели описания языка, отличные от предлагаемых наукой. Кроме того, единообразие описания помогает конлангерам сравнивать свои языки и обмениваться опытом.

ВЯ и языковые универсалии

Вымышленные языки, с одной стороны, являются проявлением языковых универсалий, сформулированных для естественных языков, с другой — преодолением некоторых из них. Неограниченные универсалии (типа «Во всех языках есть согласные») реализуются в ВЯ, в то время как универсалии имплицитивные («Если в языке есть свойство X, то в нем должно быть и свойство Y») часто преодолеваются.

Поскольку невозможно проанализировать отношение ВЯ ко всем утверждениям, постулируемым в лингвистике в качестве универсалий³⁰,

³⁰ Постоянно пополняющаяся база данных по языковым универсалиям университета г. Констанц (Германия) (<http://www.ling.uni-konstanz.de/pages/proj/sprachbau.htm>) в начале 2000 г. насчитывала около 1600 утверждений, касающихся разных уровней языка, претендующих на статус универсалий.

рассмотрим лишь несколько важных универсалий, по работам Ч.Ф. Хоккета [Хоккет 1998] и Дж. Гринберга [Greenberg 1963].

ВЯ служат прекрасной иллюстрацией к первой языковой универсалии, сформулированной Ч.Ф. Хоккетом: «Любое человеческое общество имеет язык» (если понимать эту универсалию шире – «Любое общество разумных существ...»). Нельзя сконструировать «немой» вымышленный мир. Вторая универсалия Хоккета: «Ни один <биологический> вид, кроме человека, не имеет языка», — преломляется в проектах фантастических конлангов весьма интересным образом. С одной стороны, многочисленные попытки изобретения языков для негуманоидных вымышленных рас, с другой – как мы только что видели, учесть негуманоидное строение существ, для которых придумывается язык, в самой структуре языка изобретателям редко удается. Над ними довлеет антропоцентризм естественных языков.

Наличие у любого языка вокально-слухового канала также оказывается весьма важной универсалией для ВЯ. Создатели конлангов, выложенных в Интернете, прекрасно понимают, что никто и никогда не будет говорить на их языках-моделях, и тем не менее тщательно разрабатывают звуковой уровень, потому что без этого язык не будет языком.

Далее Хоккет утверждает: «У любого человеческого языка есть традиция». Вымышленный язык (если проект реализован, а не заброшен автором на полпути) имеет традицию двух типов: внешнюю (историю его создания и взаимоотношений с другими языками этого конлангера, поскольку многие разрабатывают не один, а несколько ВЯ) и внутреннюю (вымышленную традицию в вымышленном мире).

В любом ВЯ, как и в естественном, существует грамматическая система и она является иерархической. Каждая грамматическая система ВЯ более или менее четко подразделяется на морфологию и синтаксис. Она обязательно включает дейктические элементы, в том числе обозначение говорящего и слушающего, а также служебные слова (маркеры). Любой ВЯ имеет собственные имена. Во всех ВЯ слова классифицируются по частям речи, отражая тем самым утверждение Хоккета о грамматической неоднородности словаря. Универсальными являются противопоставления «имя» — «глагол» в классах слов и «субъект – предикат» (или «тема – рема») в структуре предложения. Во всех ВЯ различаются одноместные и двухместные предикаты.

Весьма сильно проявляются универсалии на фонологическом уровне. Если Хоккет выражает осторожное сомнение в том, что фонемы «продуктивно» считать универсалиями, то для ВЯ продуктивность фонемного членения как базового уровня конструирования очевидна. Все ВЯ следуют сформулированным Хоккетом фонологическим универсалиям.

Если же мы обратимся к имплицативным универсалиям Гринберга, в частности в области синтаксиса и морфологии, мы увидим, что ВЯ успешно преодолевают обнаруженные Гринбергом в естественных языках ограничения на сочетание тех или иных грамматических признаков. Гринбергу пришлось констатировать, что из 12 ячеек таблицы, объединявшей классификацию языков по расположению субъекта-глагола-объекта,

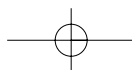
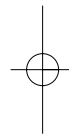
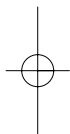
препозитивности-постпозитивности и месту качественного прилагательного, естественными языками заполняются только 7, а 5 остаются пустыми. Конструктор вымышленного языка не стеснен этими ограничениями и вполне может создать язык, не представленный в таблице Гринберга. Какими бы причинами ни объяснялись имплицативные универсалии в естественных языках, у конлангеров нет причин им следовать и придерживаться правил типа «Если у глагола есть категории лица и числа или если у него есть категория рода, то у него обязательно есть категории времени и наклонения» или «Если в языке есть флексия, то в нем всегда есть деривация». Однако в том случае, если речь идет об одной грамматической категории и одно из значений грамматической категории воспринимается как исходное, тогда универсалия сохраняется в ВЯ (например, невозможность в языке тройственного числа, если нет двойственного, и двойственного, если нет множественного).

Таким образом, и в отношениях с лингвистическими универсалиями ВЯ оказываются не только объектом, но и инструментом исследования, с помощью которого мы постигаем как сущностные черты языка вообще и отдельных языков, так и характер осознания этих черт человеком. Этим лингвоконструирование отличается от тех обычных «применений языка», общим свойством которых Э. Бенвенист считал «неосознанность языка»: «Одно [общее свойство применений языка – М.С., О.Ш.] заключается в том, что сам факт языка при этом остается, как правило, неосознанным; за исключением случая собственно лингвистических исследований, мы очень слабо отдаем себе отчет о действиях, выполняемых нами в процессе говорения» [Бенвенист 1974; 104].

Кроме того, можно предположить, что в лингвоконструировании иное соотношение между категориями мышления и категориями языка, чем в естественных языках. Размышляя о соотношении языка и мышления, Бенвенист пишет: «Представляется удобным приступить к решению проблемы исходя из «категорий», играющих посредствующую роль между языком и мышлением. Они предстают не в одном и том же виде в зависимости от того, выступают ли они как категории мышления или как категории языка. Само это расхождение уже может пролить свет на сущность и тех и других. Например, мы сразу отмечаем, что мышление может свободно уточнять свои категории, вводить новые, тогда как категории языка, будучи принадлежностью системы, которую получает готовой и сохраняет каждый носитель языка, не могут быть изменены по произволу говорящего» [там же]. Творцы ВЯ изобретают не просто новые формы для готовых категорий, они могут «свободно уточнять» категории и «вводить новые», поскольку не получают систему языка готовой. Будучи не стесненными готовой системой языка, создатели ВЯ, в большинстве своем, «не стеснены» и строгими правилами современного лингвистического знания, что дает как отрицательные эффекты (вспомним непоследовательность грамматики языков Атэа, отмеченную нами в главе 3), так и положительные: не зная об имплицативных универсалиях или игнорируя их, конлангеры создают модели языков с необычными сочетаниями категорий, демонстрируя возможность существования языковых систем, нарушающих эти универсалии.

Анализируя ВЯ, мы можем понять, какие свойства языка наилучшим образом осознаются людьми, какие представляются наиболее важными и стабильными, какие вызывают желание творчески их переработать. Важно, что в лице конлангеров, которые не являются профессиональными лингвистами, мы можем изучать в процессе языкового творчества людей, с одной стороны, являющихся «наивными говорящими», с другой – лингвистами-любителями, приобщившимися к языковедческой теории.

Глава 6

Уровни языковой системы в проектах ВЯ

Здесь мы остановимся не на стандартных чертах описания, роднящих грамматики ВЯ и естественных языков, а именно на тех, которые значимы для конлангов. Еще раз напомним: если при **конструировании** ВЯ у авторов наблюдается желание создать максимально оригинальный, индивидуальный, новый язык и нет необходимости соблюдать требование похожести на естественные языки, то в **описании** языка авторы стремятся следовать схеме описания естественных языков, используют традиционную европейскую структуру грамматики, терминологию, алфавитный порядок расположения слов в словаре, в истории ВЯ выделяют те этапы, которые обычно отмечаются в историях европейских литературных языков, и т.д.

Фонетика, фонология, графика, алфавит

1. Необходимость передачи произношения звуков

Раздел, в котором дается описание звуковой стороны ВЯ, строится по тем же принципам, что соответствующие разделы в грамматиках естественных языков. Однако для того, чтобы бытующий в виртуальной среде ВЯ все-таки был произносимым, должно быть ясно, как звуки произносить. Объяснение может даваться через международную фонетическую транскрипцию, сопоставление с звуковой системой одного или нескольких естественных языков или в виде артикуляционных таблиц. Иногда автор ВЯ прилагает аудиофайл — образец произношения отдельных звуков или целого текста.

2. Фактор красоты языка и звукосимволизм на фонетическом уровне

Даже если при конструировании фонемного состава языка используются автоматические средства, большинство конлангеров ставит во главу угла эстетический фактор: язык должен звучать красиво и выразительно. Второй важный фактор — связь языка и культуры. Уже на звуковом уровне должны находить выражение характерные особенности жизни вымышленного народа и его сознания: конлангеры стремятся к тому, чтобы язык воинственного народа звучал воинственно, язык народа с философско-поэтическим мироощущением (эналь) — поэтично и т.п. Возьмем, например, таблицы фонем, составленные автором вымышленного мира Тиренасии для двух из его конлангов:

Таблицы для языка Elatöi

Таблица согласных

	Билаб.	Лаб.	Дент.	Альвесп.	Постальвесп.	Палатап.	Веляр.	Глоттал.
Смычные								
звонкие			d				g	
глухие								
непридыхательные	p		t				k	
придыхательные								
Щелевые								
звонкие		v		z				
глухие			th	s				h
Аффрикаты								
звонкие								
глухие					tsh (ch)		ks (x)	
Носовые	m			n				
Плавные								
дрожящие				r				
боковые				l				
Скользкий						j (y)		

Таблица гласных

Подъем	Ряд	Передний	Средний	Задний
Высокий		i		oo
•		ih		
•		ae		oh
•		e	uh	
Низкий		a		o
Дифтонги		oi, ai		

Таблицы для языка Newahon

Таблица согласных

	Билаб.	Лаб.	Дент.	Альвесп.	Постальвесп.	Палатап.	Веляр.	Глоттал.
Смычные								
звонкие								
глухие	/p/		/t/				/k/	/ʔ/
Щелевые								
звонкие								/h/
глухие								
Аффрикаты								
звонкие								
глухие								
Носовые	/m/			/n/				
Плавные								
дрожящие								
боковые				/l/				
Скользкие							/w/	

Таблица гласных

Подъем	Ряд	Передний	Средний	Задний
Высокий		/i/		/u/
▪				
▪		/ae/		/o/
▪				
Низкий				/a/
Дифтонги	кроме /ai/ все гласные в сочетаниях произносятся отдельно			

По приведенным таблицам можно догадаться, какой из двух языков принадлежит высокоразвитому народу, а какой – разрозненным кланам всадников-кочевников, живущим в глухих степях.

3. Влияние биологического устройства вымышленного народа на звуковую систему языка

В данном разделе может даваться описание устройства органов речи у вымышленного народа-носителя языка или указание на отличие этого устройства от человеческого. Однако, как мы отмечали ранее, идея создания языка для фантастической расы, чья анатомия и физиология существенно отличается от земной, редко воплощается в жизнь.

Нам удалось обнаружить только один опыт создания ВЯ, в основу которого положено анатомическое отличие его носителей от людей. Это язык инсектоидной расы мачи, сконструированный Т. Донелли в 1996 году (см. Easton D., «Dean's Conlang Page» <http://www.geocities.com/Athens/Acropolis/9219/index.html>).

Автор называет свой ВЯ «выпеваемым языком» — «sung language» — из-за особенностей анатомии расы мачи: «...У насекомых трахеальная трубка пронизывает все тело, открываясь наружу рядом отверстий (стигмы-дыхальца) по бокам брюшка. В трахейной системе имеются полые, наполненные воздухом, мешки различной формы...»

«Диапазон «голоса» мачи — 2 с половиной октавы; в октаве мачи — 15 нот (на письме в соответствии с буквенной системой нотной записи обозначаются — F, F#, G, G#, A, Bb, B, C, C#, D, D#, E, f, f#, g, g#; последние четыре символа являются особыми нотами в звукоряде мачи). Минимальной фонетической единицей является «слог» (ср. понятие «мора» в японском) из двух нот (что дает 240 возможных слоговых комбинаций). Кроме того, для дифференциации значений слов употребляются паузы — целые (4/4), половинные (2/4) и четвертные (1/4), при общем ритме речи в 160 ударов в минуту (andante, пользуясь музыкальной терминологией).

В мачи три части речи — объекты, маркеры (определяющие отношения между объектами) и синтаксические маркеры (или парсеры, определяющие синтаксические отношения между членами высказывания)» [stra.teg.ru].

Пример подобного высказывания:

F+F- p -Bb-D+ r -C+E-G-A- r -D-D-E+A+G-Ab-A-f+ r +

(+ и - обозначают соответственно повышение и понижение на октаву; p — целая пауза ; r — половинная). Фраза обозначает: «Вон тот (человек, существо)- мой учитель». (Ср. яп. Kore wa watashi no sensei desu)

По структуре высказывание можно разложить на следующие элементы:

ПАРСЕР НАЧАЛА ФРАЗЫ — ПАРСЕР ОБЪЕКТА — МАРКЕР «отдаленность» + ОБЪЕКТ «личность» — ПАРСЕР ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ОБЪЕКТОМ И ОПРЕДЕЛЕНИЕМ — ОБЪЕКТ «я» — ОБЪЕКТ «учитель» — МАРКЕР ТЕМАТИЧЕСКОГО ДОПОЛНЕНИЯ — ПАРСЕР ОКОНЧАНИЯ ФРАЗЫ.

«Доннелли подробно разработал и лексический пласт этого языка, соответствующий восприятию мира инсектоидной расы — восприятию как цветовому или пространственному, так и психологическому (например, особенностям категориального мышления, тем самым иллюстрируя гипотезу Сепира-Уорфа)» [там же].

4. Совмещение звуковых и невербальных знаков в словах языка

Нами обнаружен один пример ВЯ, в котором в структуре слова, помимо фонаем, имеющих звуковое выражение, участвует жест. Это изобретенный Дж. Хеннингом язык Fith: «Речевой аппарат фитиан похож на человеческий, но достаточно отличается от последнего, чтобы сделать невозможным для людей точно произнесение фитианских звуков. Другую проблему составляют сигналы, подаваемые руками и требующие иногда использования двух больших пальцев... Слово состоит из следующих компонентов: (I) V (F) H, где

I = начальный согласный или группа согласных (опционально);

V = гласный или дифтонг;

F = конечный согласный или группа согласных (опционально);

H = обязательный сигнал, подаваемый руками, или слово, его заменяющее».

5. Соотношение между звуком и буквой

Усложнение этого уровня языка и его «остранение» относительно систем естественных языков производится разными способами, например, посредством усложнения соотношения между звуком и буквой. Например, в языке D'ni буквы состоят из трех элементов: головного (head), базового (base) и акцента (accent). Акцент, поставленный над согласным, придает ему твердое звучание, над гласным — указывает на его долгое произношение, а для *e*, *o* и *a* — на дифтонгизацию. Интересно, что звуковой облик этого языка определился с помощью актеров, озвучивавших соответствующую компьютерную игру: «As it seems from the Riven actors, the *re*-prefix isn't stressed (*re-vAt*), possessive adjective suffixes are stressed (*tah-Om*), the silent sound of the apostroph is stressed (*t-UH-rekhoy D-UH-ni*) and verbs are stressed to their first tense prefix (*bO-dona*) or to their stem, not adjective suffix (*kEn-en*)... generally the words seem to be stressed on their last or second to last syllable...»

Словообразование

1. Высокая регулярность словообразования, отсутствие уникальных морфем, особая роль транспозиции

Словообразование в проектах ВЯ редко описывается систематически. В тех случаях, когда это делается, автор стремится к максимальной

регулярности словообразования и к полноте «квадрата Гринберга» для всех имеющихся корней и аффиксов. Случаи неполной членимости слова, уникальные корни, уникальные аффиксы нечасто встречаются в ВЯ. Основное внимание уделяется транспозиции значений из одной части речи в другую, при этом очевидно стремление конлангеров свести количество суффиксов для каждого вида транспозиции к одному. Омонимия суффиксов крайне нежелательна: часть речи должна быть легко определима по морфемному составу слова.

Типично представление сведений из этой области в D'ni.

Существительное с суффиксом *-ec* становится прилагательным:

vog 'природа' > *vog-ec* 'природный'

Прилагательное с суффиксом *-th* становится существительным:

gica 'безопасный' > *gica-th* 'безопасность'

sögi 'стабильный' > *sögi-th* 'стабильность'

С помощью суффикса *-tav* от глаголов образуются абстрактные имена:

tëgan 'любить'

re-tëgan-tav 'любовь'

cav 'жить'

re-cav-tav 'жизнь'

С помощью суффикса *-tan* от глагола образуется имя деятеля:

re-tëgan-tan 'любовник'

С помощью суффикса *-sh* от прилагательных образуются наречия:

kerä 'смелый' > *kerä-sh* 'смело'

(http://en.wikibooks.org/wiki/D%27ni_grammar:Derivations)

2. Словообразовательный уровень – поле для воплощения структурной идеи автора ВЯ

Для того чтобы словообразовательный уровень получил развернутое отражение, нужно, чтобы автор ВЯ был захвачен какой-либо структурной идеей, которую он желает в этом уровне воплотить. Так, в рассмотренном нами в главе 3 проекте языка ларимин словообразование описывается очень подробно, поскольку автор ВЯ увлечена несколькими идеями.

1. Идея тотальной конверсии: любое лексическое значение может подвергаться конверсии в каждую из основных частей речи: «...Можно сказать, что в ларимин общие понятия, выражаемые морфемами или основами слов, в некотором смысле «склоняются» по частям речи, образуя то название явления или предмета, то название действия, которым проявляется суть этого понятия, то название основного признака этого понятия, то (иногда и) название логического отношения, сутью которого это понятие является. Например:

liahne — 'любовь'

liahni — 'люблю, любит'

liahna — 'любовная'

liahnu — 'любовно'.

В духе этого своего замысла автор ВЯ называет частеречные суффиксы существительных, глаголов, атрибутов и операторов (это 4 основные части речи в ларимине) «окончаниями». Действительно, таких суффиксов – 1-2 на каждую часть речи, и они регулярно и с обязательностью выражают соответствующее грамматическое значение.

2. Идея сочетаемости «всего со всем»: «Общий принцип словообразования и словоизменения в ларимин — что угодно сочетается с чем угодно, если получающееся сочетание имеет смысл». Это касается и сочетания морфем и окончаний³¹, и сочетания морфем в сложных словах.

3. Идея семантически наполненных соединительных гласных в сложных словах. Соединительные гласные в сложных словах выступают не как асемантические прокладки между морфемами, выражающими лексическое значение, а как показатели синтаксических отношений. С этой точки зрения сложное слово приближается к словосочетанию.

«Синтаксическая связь между морфемами в ларимин бывает трёх типов — атрибутивная связь, объективная связь, операторная связь.

Атрибутивная связь выражается соединительной гласной «а».

Она означает, что морфема после соединительной гласной обозначает некий признак, свойство, атрибут, качество того, что названо морфемой, стоящей перед ней. То есть, связанные через «а» морфемы соотносятся друг с другом как определяемое—определение. Эту связь можно назвать атрибутивно-адвербиальной, поскольку ею выражаются всякие отношения типа «нечто — признак этого «нечто»»: и такие, как между существительным и прилагательным, и такие, как между глаголом и наречием, либо прилагательным и наречием.

Объективная связь выражается соединительной гласной «е».

Она означает, что морфемы соотносятся друг с другом как сказуемое с дополнением; что морфема после «е» обозначает объект того действия, процесса, отношения, которое выражено морфемой, находящейся перед «е».

Операторная связь выражается соединительной гласной «о».

Она означает, что морфема, связанная операторной связью с предыдущей морфемой (операндом), выступает в роли оператора, преобразователя смысла этой самой предыдущей морфемы-операнда. В совокупности — значение двух морфем, связанных операторной связью, будет значением первой из них (операнда), преобразованным согласно значению второй. То есть, морфемы, связанные операторной связью, соотносятся друг с другом аналогично словам в словосочетаниях вида «некое_слово+оператор». Морфемы, которые в сложных словах выступают в роли операторов, как правило обозначают некоторые достаточно общие логические категории и отношения; простые слова, основу которых составляют такие морфемы, чаще всего и встречаются в речи как операторы».

Примеры атрибутивной связи между морфемами:

soramaliabla — ‘светлозелёная’ (корень *soram-* означает зелёный цвет, корень *liabl-* означает светлость, светлый тон),

foarfapalalte — ‘дождевая туча’ (корень *foarf-* означает ‘облако’, корень *palalt-* означает ‘дождь’).

³¹В этом ВЯ автор предлагает не противопоставлять корни, приставки и суффиксы, а все их называть морфемами, так как любая из этих морфем может выступать как носитель основного лексического значения слова, т.е. как корень.

Пример объективной связи:
ohrlelina — ‘доброжелательная’ (корень *ohrl-* означает ‘желание, пожелание’, значение корня *lin-* — ‘добро, доброта’).

Примеры операторной связи:

palaltoye — ‘дожди’ (морфема *-y-* означает множественность),
liablona — ‘тёмная’ (морфема *-n-* означает прямую противоположность).

4. Наконец, идея, весьма ожидаемая у конлангера, сферой профессиональных интересов которого является теоретическая физика и языки программирования: закрепленный порядок морфем в сложном слове, причём этих морфем часто бывает три и более. Правила, формулируемые автором, весьма напоминают правила выполнения операций в математических формулах или в программировании.

Во-первых, существует обычный порядок прочтения сложных слов, образованных с помощью перечисленных выше соединительных гласных. Обязательна постпозиция атрибутов, объектов, операторов внутри сложных слов (то же самое в предложении и словосочетании): «определение (атрибут, признак и т.п.) всегда следует после определяемой морфемы; морфема, называющая действие (отношение и т.п.), предшествует морфеме, обозначающей его объект; оператор всегда следует после операнда».

Таким образом, если в сложном слове две морфемы (напомним, что в традиционной терминологии это означает «два корня»), то вторая морфема выступает (в соответствии с синтаксическим отношением, выраженным соединительной гласной) атрибутом (признаком) первой, либо её объектом, либо оператором, действующим на неё. Если морфем в слове больше, то ситуация усложняется:

«... Третья морфема относится к первым двум, как к единому целому; она оказывается тоже атрибутом, объектом или оператором того, что названо совокупностью первых двух морфем. Аналогично, четвёртая морфема относится как к единому целому уже к сочетанию первых трёх морфем. И так далее — в сложных словах каждая последующая морфема относится к группе предыдущих как к некоторому единому целому.

Этот порядок можно изобразить такой схемой:

(((Морфема1 <== Морфема2) <== Морфема3) <== Морфема4) <== Морфема5»

Во-вторых, есть возможность отступления от стандартного порядка:

«...Существуют средства для группировки морфем в сложном слове произвольным образом, когда могут быть выделены группы морфем, а уже эти группы будут (каждая как единое целое) относиться друг к другу том же в порядке, как если бы они были одиночными морфемами. Внутри групп порядок, в котором морфемы соотносятся друг с другом, тоже обычный, такой, как описано чуть выше. То есть, имеется возможность расстановки этих «скобок», группирующих морфемы.

Средствами группировки морфем являются гласные «*i*», «*u*» или «*uh*», вставляемые перед соединительной гласной, выражающей синтаксическую связь (то есть, перед «*a*», «*e*» или «*o*» на границе морфем). Дополнительная соединительная гласная «*i*» играет роль открываю-

щей скобки (обозначает начало группы морфем), а «*u*» играет роль закрывающей скобки и обозначает конец группы морфем. Закрывающие «скобки» после самой последней морфемы в слове не ставятся (а перед самой первой морфемой в открывающих и не бывает нужды).

Например, соединительные гласные в слове, морфемы которого сгруппированы таким образом:

((Морфема1 <== Морфема2) <==(Морфема3 <== Морфема4) <== Морфема5) <== Морфема6)

можно записать «формулой»:

Морфема1 & Морфема2 *i* & Морфема3 & Морфема4 & Морфема5 *u* & Морфема6 @

Знаком «&» здесь обозначены соединительные гласные «а», «е» или «о», а знаком «@» — окончание слова.

А в слове такой структуры:

((Морфема1 <== Морфема2) <==((Морфема3 <== Морфема4) <== Морфема5))

соединительные гласные расположатся по «формуле»:

Морфема1 & Морфема2 *i* & Морфема3 & Морфема4 & Морфема5 @

Если же между парой морфем вставлена «*uh*» (то есть, между этими морфемами находится сочетание соединительных гласных «*uha*», «*uhe*» или «*uho*»), то это значит, что данная пара морфем «заключена в скобки». Тот же самый смысл выражался бы, если бы перед данной парой морфем была вставлена открывающая скобка «*i*», а после данной пары — закрывающая скобка «*u*». Таким образом дополнительная соединительная гласная «*uh*» выступает в роли объединителя пар морфем.

Так, например, слово, смысловая структура которого:

((Морфема1 <== Морфема2) <==(Морфема3 <== Морфема4) <== Морфема5)

может иметь фонетическую структуру, выражаемую как «формулой»:

Морфема1 & Морфема2 *i* & Морфема3 & Морфема4 *u* & Морфема5 @,

так и «формулой»:

Морфема1 & Морфема2 & Морфема3 *uh* & Морфема4 & Морфема5 @

Смысл обоих этих вариантов слова будет абсолютно одинаков.

Оба варианта допустимы, выбор более предпочтительного из них — вопрос благозвучия и удобства произнесения».

Пример обычного порядка:

velge — ‘деятельница’ (занимающаяся некоторым видом деятельности) состоит из корня *velg-* и окончания всех существительных *-e* ‘*velgaalanfe* — ‘лётчица, авиатрисса’ состоит из корня *velg-* и присоединённого к нему атрибутивной связью (через *-a-*) корня *alanf-* (означающего понятие полёта, летания) плюс окончание *-e* ‘*velgaalanfamorone* — ‘космонавт’ состоит из сочетания морфем *velgaalanf-* и выступающей атрибутом этого сочетания морфемы *-moron-* ‘космос’.

Примеры со скобками:

tarriacontonje — ‘словарь’ состоит из морфем *tar-* ‘книга’, *cont-* ‘слово’, *nj-* ‘совокупность’ и может быть представлено в виде: ‘книга<==в_совокупности)’ — то есть «книга совокупности слов». Без открывающей скобки *i*, т.е. *tarracontonje*, а не *tarriacontonje*, оно значило бы буквально: ‘(книга<==слово)<==в_совокупности)’ — то есть, «совокупность книги слов». Группа морфем *-contonje-* связана с предыдущей морфемой атрибутивной связью, через *-a-*, тогда как внутри этой группы связь операторная, через *o*;

numendiasulloni — ‘экспериментирую’ состоит из морфем *numend-* ‘изучать’, *-sul-* ‘внимать, воспринимать’, *-n-* ‘диаметральная противоположность’. Без скобки, собирающей в группу *-sul-* и *-n-*, было бы «анти-наблюдаю», «анти-изучаю, внимая», «совершаю действие, противоположное наблюданию» (т.е. не группа морфем *-sullon-*, означающая прямую противоположность пассивному восприятию, была бы атрибутом первой морфемы, а лишь последняя морфема *-n-* превращала бы смысл сочетания первых двух в прямую его противоположность). Для сравнения: *numendasuli* (без скобки *-i-* и без оператора противоположности *-o-n-*) значит ‘наблюдаю’, ‘изучаю посредством пассивного наблюдения’.

Поскольку в обоих рассмотренных случаях «скобками» выделялась лишь пара морфем, то вместо открывающей скобки *-i-* перед этими морфемами может быть употреблён объединитель пары *-uh-* между морфемами пары: слова *numendasulluhoni* и *numendiasulloni*, *tarriacontonje* и *tarracontuhonje* — синонимы (<http://laedel.chat.ru/lingua/grammatica.htm>).

Морфология

Морфология, степень и качество ее разработанности – «лакмусовая бумажка», отличающая проекты профессиональных лингвистов и/или опытных конлангеров от «наивного» конструирования языков. Конланграм-дилетантам морфология оказывается гораздо менее интересной, чем графика, фонетика, лексикология, тем более, что автоматизированные средства, помогающие языковому конструированию, хуже обеспечивают этот уровень языка, чем вышеназванные. Зато профессиональный лингвист, занявшийся изобретением ВЯ, непременно уделяет морфологии значительное внимание, поскольку чувствует богатство возможностей для экспериментирования, открывающееся на этом поле.

1. Противоположные подходы к основным частям речи – глаголу и существительному: минимизация и максимизация категорий

В разработке категории глагола существует два полюса.

С одной стороны, у конлангеров часто возникает желание минимизировать число глаголов и их категорий в языке. Ставится даже задача создания языка без глаголов (см. описание келена в главе 3). Еще один пример: язык Newaһon имеет 4 глагола – *быть*, *иметь*, *делать* и *двигаться*. Конкретизация значений, по мысли автора языка, должна производиться существительными. «Например, вместо того чтобы сказать «I eat», говорится «I do a meal». Вместо того чтобы сказать, «I ride a horse», говорится «I do a

journey on a horse» или «I go by horse». Фактически глаголы в языке Newahon превратились в частицы, которые модифицируют существительные, образуя четыре герундиальных, или акциональных («action») падежа существительных», — утверждает автор.

На другом полюсе – ВЯ с изоцированной глагольной морфологией. Алиярский язык имеет следующую систему глагольных форм:

инфинитив – *ħender ħet* (быть), *ħender jjerit* (делать), *ħender asanit* (любить)³²

настоящее время – *ħet, jjerit, asanit*

прошедшее несовершенное время – *ħafar, jjerafar, asamfar*

прошедшее совершенное время – *ħamfun, jjeramfun, asamfun*

аорист – *ħamut, jjeramut, asammut*

будущее время – *ħafun, jjerafun, asnafun*

будущее совершенное время – *ħafuran, jjerafuran, asnafuran*

будущее долгое время – *ħamun, jjeramun, asnamun*

императив – *ħa! ha jjera! ha asna!*

конъюнктив – *ħender* + глагольная форма (***ħender ħet amber irem afa tarum adda ir ĩ jjan amiem dzarin das ħender ħet*** – если б бог был со мной, был бы я царем на всей земле)

страдательный залог – *ħin* + глагольная форма

первое причастие актива – *-ibar* (*asanibar* – любящий)

второе причастие актива – *-ambar* (*jjerambar* – сделавший, *asanambar* – полюбивший)

третье причастие актива – *-aminbar* (*jjeraminbar* – делавший, *asamminbar* – любивший)

первое причастие пассива – *-ibār naĭzu* (*asanibār naĭzu* – любимый; как прилагательное и существительное – *zuāsānbār*, о женщине – *zuāsānbrin*)

второе причастие пассива – *-ambār naĭzu* (*asanambār naĭzu* – тот, кого полюбили)

третье причастие пассива – *-aminbār naĭzu* (*asamminbār naĭzu* – тот, кого любили)

Еще более сложной оказывается система алиярского глагола в синтаксисе, где причастия могут заменять основные формы глагола – особенно в модальных конструкциях: *Ir samit ħender irem afaribar ba minar ala bĭn ala jjan* – Я должен открыть тебе истину, царь; *Jjamin taranfun ħender utem jeribar ala tu jjamin ba ambier minem* – Человек пришел, чтобы дать людям веру истинную; *ħender adda narin binem zinur das ajjanit jama? Ata jjan samit ħender utem ajjanibar fa jjanian ħender utem asadibar ba jjan asumiä das* – Почему женщина правит твоей страной? Должен править царь, а царица — ждать его на ложе.

Такие же полярные отношения встречаем к категориям падежа и числа существительных: от максимизации до минимизации.

Как правило, авторы ВЯ не создают в одном языке глагольную и именную систему одинаково высокой сложности, причем не из каких-то линг-

³² При этом автор ВЯ замечает: «Фактически в алиярском языке отсутствует категория инфинитива. Модальная конструкция типа "ut birit ħender ut asanit" буквально переводится как "он хочет, чтобы он любил бы"».

вистических соображений, а просто потому, что у них, очевидно, не хватает сил и на то, и на другое. Так, в алиярском языке, со всем многообразием его глагольных категорий, существительное абсолютно аналитично: значения единственного и множественного числа выражаются препозитивными «частицами», падежные значения – предлогами и послелогами. Реалистичность языка с так контрастно устроенными категориями существительного и глагола автора совершенно не заботит.

2. «Women, Fire and Dangerous Things»

Творцы вымышленных языков любят формировать словоизменительные классы существительных по принципам, далеким от тех, которые привычны индоевропейцам. Яркую индивидуальность морфологической системе языка придает разбивка существительных на классы, аналогичная той, которую описывает Дж. Лакофф [Lakoff 1987] для одного из языков австралийских аборигенов в книге «Женщины, огонь и опасные вещи». Так, в уже упоминавшемся андорианском языке 8 классов существительных: *абстрактные, одушевленные, плоские, длинные, круглые, чувствующие, губчатые и мокрые*. Вымышленный автор грамматики замечает, однако, что эти названия классов придуманы кастой философов и могли бы быть заменены на цифровые обозначения, поскольку для несведущего человека разбивка существительных по этим классам выглядит произвольной. Например, *not (beekh)*, *река (voot)*, *пустыня (thing)* и *тюрьма (lav)* попадают в класс «мокрых» вещей, хотя очевидно, что последние две являются «сухими». «Наивные носители» андорианского языка принимают традиционную классификацию, не задумываясь над ней.

3. Морфологические «украшения»

В полном согласии с рекомендациями Вандербума, которые мы приводили в главе 4, создатели ВЯ активно используют для индивидуализации и украшения своих языков классы «маленьких, но важных слов», особенно артикли, частицы и местоимения. Разнообразие может достигаться двумя путями: либо за счет умножения значений (например, в андорианском языке личные и притяжательные местоимения различаются по способности, или готовности, обозначаемого к размножению, т.е. девочка и женщина обозначаются разными местоимениями), либо за счет умножения форм: в андорианском каждый из двух артиклей (определенный и неопределенный) имеет по 8 форм – свою для каждого класса существительных. Вспомним также сложную систему местоимений в келене.

Формы этикета и особенности коммуникативного поведения

Формы речевого этикета, как языковые элементы, напрямую связанные с культурой, часто получают отражение в проектах ВЯ, например формулы приветствия, прощания, обращения и т.д.: *The most common parting is Song ke duun*, «*Friend the go-away-with-the-intention-of-returning*» = «*The friend departs but will come again*». Конлангеры не смогли придумать никаких новых этикетных речевых актов, кроме тех, которые уже имеются в естественных языках.

Реже отражаются в проектах ВЯ особенности коммуникативного поведения народов-носителей языков. Приведем такой редкий пример из описа-

ния андорианского языка (напомним, что оно, якобы, сделано андорианским профессором для плохо понимающих андорианскую культуру «иностранцев»). Чтобы избавить «иностранцев» от культурного шока, автор рассказывает, почему при общении андорианцы низко наклоняют голову. На голове у андорианцев антенны, и земляне предполагают, что андорианцы ими слышат. Это не совсем так: антенны – еще и дополнительный орган зрения. Поэтому, когда голова андорианца поднята, он воспринимает речь собеседника и через уши, и через глаза (глядя на рот), и через антенны, при этом антенны получают сразу и визуальный, и слуховой стимулы. Это может привести к перегрузке перцептивной системы, и андорианцы предпочитают смотреть вниз во время разговора, что кажется странным землянам.

Лексика

О количественном варьировании лексики в конлангах в целом дает представление следующая таблица сайта conlang.com (в первом столбике – количество лексем в словаре, во втором – число конлангов, попадающих в указанный диапазон):

1 — 100	147
101 — 200	79
201 — 300	44
301 — 400	20
401 — 500	31
501 — 600	16
601 — 700	12
701 — 800	10
801 — 900	11
901 — 1,000	16
1001 — 1,100	6
1101 — 1,200	14
1201 — 1,300	6
1301 — 1,400	8
1401 — 1,500	18
1501 — 1,600	19
1601 — 1,700	0
1701 — 1,800	3
1801 — 1,900	2
1901 — 2,000	22
2001 — 2,100	1
2101 — 2,200	4
2201 — 2,300	3
2301 — 2,400	4
2401 — 2,500	10
2501 — 2,600	0
2601 — 2,700	1
2701 — 2,800	2
2801 — 2,900	4

2901 — 3,000	22
3,001 — 4,000	11
4,001 — 5,000	9
5,001 — 6,000	7
6,001 — 7,000	2
7,001 — 8,000	2
8,001 — 9,000	0
9,001 — 10,000	5
10,000 — 19,999	13
20,000 — 29,999	1
30,000 — 39,999	1
40,000 — 49,999	1
50,000 — 59,999	0
60,000 — 69,999	0
70,000 — 79,999	0
80,000 — 89,999	0
90,000 — 99,999	1
100,000 — 100,000	1

Средний объем лексикона составляет 1724 единицы, максимальный – 100 000. Естественно, персональные ВЯ занимают место в верхней части таблицы, они не могут похвастаться таким обширным словарем, как языки фантастические и тем более вспомогательные.

Лексика ВЯ дается их авторами, естественно, в виде словарей. Однако отдельные группы лексики получают более подробное описание в составе грамматики.

Наибольшее внимание лингвистов привлекают следующие лексические группы:

имена собственные (описание структуры имени, правил употребления, этимологии, правил присвоения имени);

термины родства;

числительные: базовое число системы числительных, способы образования сложных и составных числительных, грамматическая характеристика (дается часто через сопоставление с другой частью речи – числительные оказываются похожи на существительные или прилагательные) и принцип образования количественно-именных сочетаний;

слова из наиболее значимой для народа области жизни: война, философия, дипломатия и т.д.

Приведем примеры из одного из любимых ВЯ Хеннинга — Fith.

1) Собственные имена в фитианском языке состоят из 4 частей – имя народа, имя клана, имя матери и личное имя фитианина:

Tsho Ming Sun Do –

Do, сын матери Sun из клана Ming из народа Tsho.

В кругу семьи и друзей из того же клана используется только личное имя, при общении с другими членами клана к нему присоединяется имя матери, при общении с членами другого клана, даже друзьями, используется клановое имя, при общении с фитианами других национальностей – полное имя из 4 частей. Даже ближайшие друзья, если они разных нацио-

нальностей, всю жизнь будут называть друг друга полными именами. Поскольку кланы переходят из одного народа в другой, имя фитианина может изменяться в течение жизни. Личные имена не имеют никакого нарицательного значения (как, например, *Слава, Любовь* в русском языке) и выбираются из фиксированного традицией списка (144 имени).

2) Система числительных в фитианском языке основана на числе 144. Для чисел от 0 до 144 нужно заучивать отдельные слова³³, числа больше 144 обозначаются с использованием лексемы *tang* – 144, например, *mangkyuunh* = 1 x 144 + 2 = 146, *mangmang an* = 144 x 144 + 1 = 20 737. В грамматическом отношении числительные ведут себя как существительные. Количественно-именные сочетания образуются с помощью предлога *tshon*, «of», например «Я увидел двух мужчин» *'lu hong kyuunh tshon vilh* = дословно «I man two of saw»

3) Фитиане – воинственная нация, поэтому описание их словаря включает большой раздел, посвященный военным званиям и подразделениям. Существует даже специальный префикс *u-*, обозначающий военное подразделение, который присоединяется к числительным, что дает нам редкий пример грамматикализации весьма конкретного лексического значения.

Примером тщательно разработанной системы терминов родства может служить келен (см. в приложении 2). Методике конструирования терминов родства в языках-моделях на фоне естественных языков посвящена статья Хеннинга на <http://www.langmaker.com/ml0106b.htm>.

Синтаксис

Наименее разработанным отделом в грамматиках ВЯ обычно оказывается синтаксис, независимо от того, какое место среди поочередно описываемых уровней он занимает.

1. Порядок S – V – O как основная синтаксическая характеристика ВЯ

Главная, и в общем случае единственная, синтаксическая характеристика, которая занимает создателей ВЯ, — это порядок слов в предложении. Среди ВЯ представлены многие типовые варианты расположения субъекта – прямого и косвенного объекта – предиката [Greenberg 1963]. Примеры наиболее часто используемых словопорядков:

Андорианский язык: SOV (субъект – прямой объект – косвенный объект – предикат);

Newahon – один из языков Тиренасии: VSO (предикат – субъект – объект):

A mahami ka le u maikoi. (Travel = verb) (I = subject) (horse = object)
В вопросительных предложениях порядок слов изменяется на SOV:

Le u maikoi a mahami ka? (I = subject) (horse = object) (travel = verb)

33 0. sing	5. nguñ	10. hliem	140. femh
1. an	6. staimh	11. vwuunm	141. dzhloimnh
2. kyuunh	7. mrongh	12. hlemnh	142. syienm
3. tshun	8. tloumn	...	143. zhluumh
132 4. noengh	9. meengh		144. mang

Дендрикс (один из языков «Тезауруса полной луны»): SVO.

«Порядок слов в дендриксе обычно прямой: подлежащее – сказуемое – дополнение, но иногда он может меняться, и в этом случае подлежащее часто выделяется артиклем *in* – особенно если частица в сказуемом отделена от основы. Прямое дополнение, как правило, обозначается предлогом *la*.

Os in vera viktor et no unit os la it posibel assa never – Правда победит, и никому не удастся этому помешать».

2. Другие виды информации

В редких проектах ВЯ встречается какая-то дополнительная синтаксическая информация, например, о месте прилагательного и/или артикля при определяемом слове либо о функционировании союза «и» (возможности его повторения или опущения).

Newahon: «Прилагательное всегда ставится перед определяемым словом»;

алиярский язык: «Прилагательное в роли определения может стоять как перед существительным, так и после, а в самостоятельной позиции ведет себя подобно существительному»;

D'ni: артикль всегда предшествует существительному, а прилагательное ставится после существительного, например *reprad vogec* = 'the-rock natural' (*re* – артикль).

Правилами синтаксиса D'ni предусмотрено повторение союза «и» *ga* перед каждым однородным членом в ряду: *Я шел среди скал, и растений, и деревьев, и гор, и пещер, и животных.* (http://en.wikibooks.org/wiki/D%27ni_grammar:Idioms)

Пунктуация и направление письма

Хороший проект ВЯ обязательно включает пунктуацию, хотя и весьма небогатую, не выходящую за пределы 3–4 знаков. Знаки, как правило, не придумываются (см. ниже келен – редкое исключение), а заимствуются из естественных языков. Самые употребимые — точка, апостроф и тире. Именно эти три знака присутствуют, например, в языке D'ni. Интересно, что точка в нем называется по-английски не *full-stop*, а *full-start* и используется, соответственно, для обозначения начала предложения: *Я голоден .Я хочу есть.* Тире – знак начала абзаца. Апостроф служит для объединения предлогов с основами слов и для сокращения древних слов (http://en.wikibooks.org/wiki/D%27ni_grammar:Alphabet_and_Phonology).

Характерно, что даже профессиональным лингвистам не удается придумать никаких оригинальных способов использования пунктуационных знаков. Это либо разграничительная, либо объединительная функция. Так, в келене пунктуация включает знак для разделения слов (этот знак не обязателен) и знак для разделения предложений и частей сложного предложения.

Довольно часто встречаются указания на направление письма, крайне редко – на использование или неиспользование заглавных букв: «Пишут лемле строками, слева направо, а строки следуют друг за другом сверху вниз. Буквы в ларимин не различаются на заглавные и строчные. Поэ-

тому, кстати, нет разницы, писать ли в лариминских текстах, транслитерируемых кириллицей или латиницей, имена собственные с заглавной буквы или со строчной (тем более, что имена собственные всегда в ларимин опознаются по своим окончаниям)».

Фразеология

Фразеология может даваться в описаниях ВЯ в «оригинальном варианте» или в переводе, как это сделано, например, в уже анализировавшемся проекте марсианского языка, где идиомы представлены по-английски: «Blessed be your ancestors for this meeting»; «In the name of the Ninth Ray!»; «Only our first ancestor knows»; «A warrior may change his metal, but not his heart»; «Blessed be the shell of thy first ancestor», «May my ancestors have mercy on me», «The intellects of our ancestors are with us» и т. д. Приведенные примеры отражают две типичные черты фразеологии конлангов: упоминание в идиоматических выражениях предков (свидетельствующее о том, что у вымышленной культуры было далекое прошлое) и отражение мирного или воинственного характера вымышленного народа и/или основного вида его занятий.

История языка и межъязыковые контакты

Как правило, приступая к созданию вымышленного языка, автор не задумывается о его истории. Он конструирует на синхронном уровне алфавит и фонетическую систему, грамматику и семантику. Если проект переходит к более разработанной стадии, то возникает вопрос не только о развитии языка «вперед» — о добавлении новых слов, совершенствовании фонетики, графики, семантики и грамматики, но и об истории языка. Автор задумывается, какими могли быть предшествующие стадии развития языковой системы, ведь все ВЯ предстают перед нами уже на высокой стадии своего развития. Ни один конлангер не занимается моделированием самого начального этапа своего языка.

Тем более важна оказывается диахроническая перспектива, если вымышленный народ, использующий язык, и мир, населенный этим народом, обретают свою историю. Соответственно, в описание ВЯ вводятся элементы диахронии, того, что мы назвали бы «исторической фонетикой, грамматикой, лексикологией» или «историей литературного языка». Есть ряд типичных элементов истории языка, которые часто используются конлангерами, например, противопоставление современного ВЯ его состоянию «архаической эпохи» или противопоставление живого ВЯ языку «священных книг»: «Фонетика алиярского языка звездной эпохи отличается упрощенной системой фонем по сравнению с архаическим языком священных книг. Кроме того, для гласных языка звездной эпохи характерен переход количественных характеристик в качественные. Произношение, различающее долготу и краткость культивируется только в среде священнослужителей и используется при чтении молитв и священных текстов... Со-

гласные в архаическом языке делились на сильные и слабые (последние обозначаются в традиционном письме подстрочной точкой). Такое разделение строго проводится в каноническом тексте Сареджа, но в языке звездной эпохи оно сохранилось только для «j», «l», «c/ĥ», «jj/dz(z)» и «v/w» (<http://espada.org.ru/lingva/ali.php>).

Первое место по глубине разработки диахронной проблематики занимают, конечно, исследования языков Толкина. В фундаментальном пятитомнике «Словарь эльфийских языков» Э. Ж. Клоцко привел следующую версию развития языка квэнья, послужившую для толкинистов источником дебатов и стимулом к дальнейшим лингвистическим изысканиям.

1. Протоэльфийский и общеэльдарский: 1133-1179 й. (йеен = 144 солнечных года). Характерные фонетические изменения: b переходит в v.

2. Староквэнийский:

1179-1250 й. — Румил создает письменность (сарати).

1200 й. — При дворе короля Ингвэ возникает «ваниаризованная» (от названия эльфийского племени ваниар) форма квэнья — Ингвэа, или Ингвиквэнья.

1200-1250 й. — Расхождение нолдорского (племя нолдор) и ваниарского диалектов. Ответвляются языки линдар и телери.

3. Новоквэнийский язык эльфийского племени Нолдор в Валиноре. Феанор создает письменность (тенгвар).

Характерные фонетические изменения: *th* переходит в *s*.

4. Квэнья изгнанников — с 1496 й. Используется мигрировавшим племенем нолдор.

5. Книжный квэнья. Используется дуунэдайнми в исторических и научных работах.

6. Поздний квэнья. Эпоха правления короля Элессара.

Уже в самой терминологии проявляется следование модели построения истории естественных языков: использование сложных прилагательных с корнями *прото-*, *обще-*, *ново-*; терминов, характеризующих язык с темпоральной точки зрения (*поздний*) и с точки зрения противопоставления «книжности/разговорности» (*книжный*). Следование традиции проявляется и в том, какие важные этапы развития языка считает нужным выделить автор и с какими событиями истории народа эти этапы связываются (правление того или иного короля, миграция, расхождение племен).

Другая важная проблема — межъязыковые контакты. Многие творцы вымышленных вселенных не ограничиваются тем, что населяют их одним народом с одним языком. Возникают разные народы (в фантастических мирах их принято именовать расами): люди, драконы, гномы, эльфы, роботы и т.п. Для каждого из них требуется особый язык. Языки оказывают влияние друг на друга, происходят заимствования, что находит отражение в описании ВЯ.

Заключение

Мы проанализировали лишь часть, хотя и весьма объемную и репрезентативную, из множества проектов ВЯ, существующих на просторах Интернета, а также материалы, поддерживающие лингвоконструкторскую деятельность конлангеров. Вымышленные языки, причины и способы их создания крайне разнообразны. Некоторые из вымышленных языков созданы на основе одного определенного естественного языка, другие – сочетают черты разных естественных языков, третьи претендуют на полную «априорность», т.е. сконструированность не на базе естественного языка. Одни искусственные языки конструируются, чтобы обслуживать уже готовую вымышленную Вселенную, другие – одновременно с миром, для которого они предназначены. Часть попыток языкотворчества включает и словарь, и грамматику, и фонетику, и графику с пунктуацией – все уровни языка плюс образцы текстов. Другие – останавливаются на базовом словаре. Ряд образцов «игры в язык» вызывает эстетический восторг или уважение к интеллектуальному усилию авторов, другие кажутся просто странными. В любом случае этот вид лингвистической деятельности привлекает огромное количество говорящих и потому заслуживает внимания лингвистов, пока еще игнорирующих данную сферу языкового существования наших современников. Кроме того, конструирование языков способно послужить прекрасным упражнением для студентов-лингвистов, выполняя которое они могут лучше усвоить такие важные понятия, как «языковые универсалии» и «лингвистическая относительность»; на практике узнать, как происходит разделение единого языка на диалекты, как осуществляется межъязыковое заимствование и т.д.

Следующие **выводы**, которые вытекают из нашего исследования, могут помочь лингвистике в дальнейшем теоретическом и практическом освоении ВЯ.

1. Общая причина, побуждающая людей к языковому конструированию, — естественная для человека тяга к творчеству, в том числе к моделированию. Удовольствие, получаемое от создания конлангов, может быть собственно интеллектуальным (как от решения логической задачи) и/или эстетическим (от создания прекрасного объекта). Отношение к языковому конструированию как к «глоттомании», «техническому безумию», «лингвистическому лунатизму» неоправдано.

2. Конструирование языков неразрывно связано с конструированием культур. Создатели ВЯ ставят перед собой и решают более комплексную задачу, чем только моделирование логичной, красивой, оригинальной системы языка: эта языковая система должна отражать психофизиологические особенности, мышление и картину мира, образ и условия жизни вымышленного народа и соответствовать другим проявлениям культуры этого народа (изобразительное искусство, музыка, математика, астрономия и т.п.). При этом язык является главной и необходимой культурной составляющей фантастического мира. На ранних стадиях разработки проекта

или вообще у вымышленной расы может отсутствовать искусство, наука, религия, философия, но изобретение языка – неперенное условие полноценности проекта. Вымышленные языки и культуры отличаются от других виртуальных моделей тем, что они имеют самостоятельную эстетическую и интеллектуальную ценность для своих создателей и «пользователей», а не являются только инструментами изучения моделируемых феноменов реальной действительности.

3. ВЯ неразрывно связаны с виртуальными мирами, прежде всего с фантастической литературой, затем – с кинематографом и компьютерными играми. Во-первых, генетически: первые проекты ВЯ были созданы для литературных произведений. Во-вторых, типологически: так же, как и виртуальные миры, ВЯ являются для человека способом постановки и изучения коммуникативных проблем.

4. В проектах ВЯ отражается личность автора. Особенности ВЯ отражают национальную и профессиональную принадлежность, общественные взгляды и мировоззрение их создателей. Так, категория глагольного вида редко используется в ВЯ, поскольку подавляющая часть ВЯ создана носителями естественных языков, где эта категория отсутствует. В языках же, сконструированных носителями русского языка, эта категория, как правило имеется. Феминистская ориентация некоторых создательниц ВЯ отражается в конструировании гендерно-ориентированных языков. Языков, отражающих религиозную принадлежность авторов, нами не было обнаружено.

5. Хотя языковое конструирование в общем случае требует лингвистического чутья, хорошо развитого логического мышления, эстетического чувства, знания лингвистической литературы, прослеживаются существенные различия между проектами ВЯ созданными профессиональными лингвистами и/или опытными конлангерами, с одной стороны, и непрофессионалами и/или начинающими конлангерами с другой. Эти различия касаются степени и качества разработки разных уровней языка, терминологии описания, характера задачи, которая ставится автором проекта.

6. Проекты ВЯ нуждаются в постоянном поддержании для того, чтобы они имели успех. Это может быть активная деятельность автора в сообществе конлангеров или финансовая и рекламная поддержка извне. Без постоянного внимания своего создателя или его последователей стандартный ВЯ не способен сам себе генерировать аудиторию.

7. Сообщество творцов ВЯ является позитивной средой языкового творчества и общения, в отличие от движения любителей вспомогательных языков.

8. Сетевая, виртуальная форма существования является жизненно важной для ВЯ. Без развития Интернета движение конлангеров не приобрело бы столь обширного масштаба, который оно имеет сейчас, и не стало бы столь плодотворным. Интернет-бытование искусственных языков позволяет им развиваться и жить, хотя и иной жизнью, чем языки естественные. Естественный язык живет в реальном повседневном функционировании, где узус и норма, речевая деятельность, языковая система и текстовый материал находятся в постоянном взаимодействии, где языковые изменения осуществляются через устную и письменную коммуникацию

носителей языка. Трудно определить, когда то или иное слово или новая грамматическая форма появились в речи, когда они стали признаны и вошли в систему языка. Искусственный язык совершенствуется и дополняется путем «апдейтов» — изменений, вносимых автором в определенный момент времени. Состояние каждого конланга можно зафиксировать на данную конкретную дату.

9. В отличие от естественных языков, к которым шкала «хороший язык — посредственный язык — плохой язык» неприменима, конланги подвергаются аксиологическому сравнению. Оценка качества того или иного искусственного языка не может быть объективной, оторванной от его типа. Так, простота — положительное качество для вспомогательного языка и совсем необязательно — для ВЯ. Наличие исключений для конлангов натуралистического типа приветствуется, для конлангов логического типа — осуждается.

10. Структура ВЯ напрямую зависит от приоритетной задачи автора — «миротворческой» или собственно лингвистической. Часть ВЯ, хотя с ними и связаны вымышленные миры, иногда тщательно разработанные, являются изначально воплощением определенного лингвистического замысла, экспериментом по моделированию языка с задуманными свойствами (например, безглагольный келен, или язык юни, в котором все существительные состоят из трех букв, или монлинг, в котором все слова одно-сложные). За другими ВЯ не стоит исходной задачи обладать такими-то лингвистическими свойствами, они конструировались так, чтобы наилучшим образом соответствовать образу вымышленного народа, атмосфере фантастического мира.

11. ВЯ соответствуют неограниченным языковым универсалиям и могут выходить за пределы большей части имплицативных языковых универсалий. Это свидетельствует о неравнозначности сформулированных лингвистами универсалий для языка и языкового сознания носителей.

12. Ориентация на оригинальность и неповторимость системы ВЯ сочетается в проанализированных нами проектах со стремлением следовать европейской модели грамматики в лингвистическом описании. К проектам ВЯ можно применить высказывание В. Гумбольдта, сделанное им по поводу изучения иностранных языков. Гумбольдт отмечал, что, изучая иностранный язык, «мы в большей или меньшей степени переносим на иностранный язык свое собственное миропонимание и, больше того, свое собственное представление о языке». То же самое происходит в проектах ВЯ. Даже если авторы стремятся сделать структуры этих языков максимально априорными, описания синхронного состояния и диахронии ВЯ строятся по традиционной европейской модели.

13. Помимо практики конструирования ВЯ, существует теория конструирования ВЯ, объясняющая причины вовлечения людей в этот род деятельности, способы и цели создания ВЯ, анализирующая причины успешности или неуспешности того или иного проекта, разрабатывающая соответствующие рекомендации. Как и практические проекты ВЯ, теория конструирования ВЯ представлена почти исключительно в электронной форме, поэтому отделена от лингвистической науки и воспринимается как научно-популярная отрасль.

14. Из функций языка особое значение в проектах ВЯ имеет эстетическая. Коммуникативная функция выступает в модифицированном виде: ВЯ в общем случае не служит средством коммуникации, он является предметом, темой коммуникации, то есть вокруг него формируется особый набор коммуникативных ситуаций, текстов, жанров общения, частично свойственных и естественным языкам, живым и мертвым (переводы, обучение, расшифровка надписей), а частично – характерных только для ВЯ (игра в «диалекты» или «языки-потомки», разработка автоматических средств генерирования словаря или фонетики и т.п.).

15. Другая важная функция проектов ВЯ – когнитивная. ВЯ служат важным инструментом изучения языка, человека и действительности. С этой точки зрения, было бы желательно использование проектов ВЯ, лингвистических задач и экспериментов, связанных с ними, для обучения языковедов.

Сделав основные выводы, сформулируем теперь главные аргументы, исходя из которых мы придерживаемся положительной оценки движения языкового конструирования и которые должны, по нашему мнению, определять отношение профессиональных лингвистов к движению конлангеров. Поскольку проанализированные нами проявления «демиургической» деятельности не единичны, а массовы, филологам стоит задуматься об их собственно лингвистической и когнитивной сущности.

Во-первых, эти попытки имплантации фантастики в реальную действительность являются формой игровой деятельности, необходимость которой для современного человека доказана специалистами.

Во-вторых, они могут рассматриваться как вид «графомании», лежащей на перекрестке науки и литературы. И, как в любой графомании, здесь мы обнаруживаем взаимодействие структур повседневности и научности, повседневности и искусства. Так, создание вымышленных миров и население их фантастическими народами выполняет важную ориентационную функцию в системе координат «свой – чужой». Придумывая атрибуты чуждости и в то же время изобретая возможные «точки соприкосновения» между разнообразными, дружелюбными и воинственными, человекоподобными и не, жителями сконструированных миров, «наивный демиург», с одной стороны, отражает характерные для нашей цивилизации конфликты, проблемы ксенофобии, национализма, фашизма, космополитизма, с другой – моделирует пути их решения. Нет таких строителей миров, кто изначально был бы настроен на создание полностью негармоничной Вселенной, в которой идет война всех со всеми или разные расы живут совершенно изолированно друг от друга. Без контактов между вымышленными народами, а главное – без общего языка, ничего не выйдет. Не получится сколько-нибудь продолжительного сюжета, не напишется история вымышленного мира. Не случайно в вымышленных мирах, населенных не одним, а несколькими языковыми сообществами, возникает задача создания не только «национальных», но и интернационального языка. В качестве международного языка на той или иной планете может использоваться один (или несколько) из национальных (тогда моделируется ситуация, существующая на Земле сейчас), либо специально изобретенный для этой цели искусственный язык (подобный эсперанто, воляпоку, идо).

В-третьих, вымышленные миры не статичны. Они обладают историей, которая может писаться для них «с обратным отсчетом» (от зафиксированной создателем мира точки, в которой мы «застаем» действие) и с отсчетом прямым – в будущее. Историю имеют и фантастические языки. Причем их эволюция, межъязыковые контакты и заимствования, формирование диалектов и литературного языка, возникновение социальных и прочих жаргонов должны быть логично связаны с историей мира³⁴. Таким образом, люди, увлеченные игрой в миры, делают и нечто большее: они занимаются исследованием социальной коммуникации, языковых ситуаций, языковой политики. Некоторые сконструированные языковые ситуации повторяют реальные, некоторые – абсолютно фантастичны³⁵.

Наконец, в-четвертых, создание конлангов для вымышленных миров – прекрасное упражнение языковой способности, которое следовало бы рекомендовать студентам-лингвистам. Дело здесь не просто в необходимости изобрести новую, более или менее логичную и удобную языковую систему, выдумать набор корней и аффиксов, фонетику и систему письма, набор грамматических категорий, правила построения высказывания. Эти задачи можно решить достаточно механистично, опираясь на руководства по конструированию языков и средства автоматизации, имеющиеся в Интернете. Можно поставить (и конлангерами ставятся) разнообразные дополнительные задачи, например, создать безглагольный язык или язык с нотной письменностью. Но что отличает конланги, сконструированные для фантастических миров, от искусственных языков типа эсперанто, идо, ложбана и др., призванных обслуживать коммуникацию между людьми, так это фантастическая же, вымышленная картина мира, которая должна быть в такой язык инкорпорирована. Жизнеспособный фантастический язык не может быть не окрашен культурно: в нем должны быть культурные концепты, национальные стереотипы, системы ценностей – все, что имеется в естественных языках. Изобрести культурно-языковые концепты говорящих драконов может оказаться гораздо труднее, чем придумать язык, в котором дейктические категории выражаются частицами приименных группах, а не глаголами.

³⁴ «Чем обширнее территория, обслуживаемая языком, тем труднее поддерживать языковое единство, и именно на бескрайних просторах планетоидов Кверемона решение этой проблемы методом ядра и периферии особенно актуально»; «На заповедной планете Старосвет внедрение элементов воссозданного праславянского языка привело к появлению сотен диалектов разной степени архаичности, которые группируются вокруг местных торговых и культовых центров (Белодвор, Беловодье, Христово Село, Загора, Русалье, Радуница et cetera)» («Тезаурус полной луны»).

³⁵ «...Большинство проектов мироустройства в Генетриксе – это архаические (первобытные и аграрные) системы, здесь велик спрос как на возрожденные древние языки, так и на специфический контингент заселения, который выращивается в специальных заповедниках путем селекции на протяжении многих поколений... Иногда такие общины говорят на естественных языках, которые без контакта с внешней языковой средой развиваются по собственному пути. Иногда же заповедные общины разбавляются специально подготовленными людьми, которые говорят на воссозданных языках древности, реконструированных праязыках или стилизованных под старину диалектах» («Тезаурус полной луны»).

Итак, создание конлангов для фантастических миров – род деятельности, хотя и неоднозначный, но скорее полезный, развивающий языковое творчество в связи с осознанием культурных феноменов. Закончить его рассмотрение нам хотелось бы не потерявшей со сменой тысячелетий своей актуальности цитатой из работы Б. Уорфа «Наука и языкознание», призывающей лингвиста-исследователя трезво определить свое место в современном мире: «Важным вкладом в науку с лингвистической точки зрения было бы более широкое развитие чувства перспективы. У нас больше нет оснований считать несколько сравнительно недавно возникших диалектов индоевропейской семьи и выработанные на основе их моделей приемы мышления вершиной развития человеческого разума. Точно так же не следует считать причиной широкого распространения этих диалектов в наше время их большую пригодность или нечто подобное, а не исторические явления, которые можно назвать счастливыми только с узкой точки зрения заинтересованных сторон. Нельзя считать, что все это, включая собственные процессы мышления, исчерпывает всю полноту разума и познания, они (эти явления и процессы) представляют лишь одно созвездие в бесконечном пространстве галактики. Поразительное многообразие языковых систем, существующих на земном шаре, убеждает нас в невероятной древности человеческого духа; в том, что те немногие тысячелетия истории, которые охватываются нашими письменными памятниками, оставляют след не толще карандашного штриха на шкале, какой измеряется наш прошлый опыт на этой планете; в том, что события этих последних тысячелетий не имеют никакого значения в ходе эволюционного развития; в том, что человечество не знает внезапных взлетов и не достигло в течение последних тысячелетий никакого внушительного прогресса в создании синтеза, но лишь забавлялось игрой с лингвистическими формулировками и мировоззрениями, унаследованными от бесконечного в своей длительности прошлого. Но ни это ощущение, ни сознание произвольной зависимости всех наших знаний от языковых средств, которые еще сами в основном не познаны, но должны обескураживать ученых, но должны, напротив, воспитать ту скромность, которая неотделима от духа подлинной науки, и, следовательно, положит конец той надменности ума, которая мешаает подлинной научной любознательности и вдохновению» [Уорф 1960].

Приложение 1

Списки конлангов

1A. Список конлангов на сайте *langmaker.com*

- A 353, Abakwi, Abh, Achaeae, Achenu, Acian, Adam-Man Tongue, Adare, Adawa, Adelic, Adin, Adjuvilo, Adúlad, Adúnaic, Advanced English, Aeks Nótrí Nódikem, Aeldarspragc, Ælitian, Aelya, Aeo, AEP, Aercant, Aertran, Aéstari, Afrihili, Ahlimite, Ahua, Ailurin, Aingeljā, Akbiekdi, Ālaku, Alarian, Al Bhed, Aldana, Alevain, Aligian, AllNoun, Almalinian, Almaqerin, Alpha Smart, Alphistian, Alpítin, Alrusomanz, Alurhsa, Alwato, Alzetjan, Ambarnic, Amelic, Americai Speak, Amerysk, Amman-Iar, Amtorian, Anaqaen, Anawanda, Ancallon languages, Ancient Language, The, Ancient Tongue of the Wise, Andal, languages of, Andanese, An'dorian, Anglish, Anglo-Romance, Anglo-Saxon Computerese, Aniese, Anikin, Animalic, Aninese, Anklis, Antapa, Antido, Antique Lantian, An'tur, Ape (Mangani), Apralios, Aqobagena, Aquitan, Arēsæd, Aran'Esei, Arangothian, Arcaicam Esperantom, Archaen, Archeia, Arden, Arêndron, Arionak, Arkian, Arlipo, Ar-na-Kamyt, Arnira, Aroni, Aronian, Arulo, Arvan, Arvandran, Arvorec, Ascenderati, Ascian, ASD-STE100, Asha'ille, Asht, Asiteya, Aslarian, Asmeni, Ašnaí, Aspele, Asrord-Dānis, Assi, Astarrien, Astou, Atarel, Atas, Atevi, Atlan (Atlantean), Atlango, Atlantean, Atlo-Greek, Attrendian, Aubháarith, aUI, Auld Elvish, Aulingese, Auxilingua, Avaeran, Avarin, Avesta, Avihalli, aw'ingiwa, Awolang, Axunashin, Ayeis, Ayeri, Ayhan, Azak
- B Baanzish, Babalo, Babm, bac, Bahasan, Bahasa Tumilenia, Bala-i-balan, Balbylon, Barakhinei, Barallen, Barmuur, Baronh, Barsoomian, Barushlani, Basic Anglo-Saxon English, Basic English, Basple, Bendeh, Benjish, Berendt, B-G-2-3, Bitruscan, Biyuron, Blaanian, Black Speech, Blaia Zimondal, Blissymbolics, Blitz English, Bogomol, Bolak, Bonjang, Bopal, Borg, Brandonian, Breathanach, Brithenig, Broken German, Broyan, Bruceish, Brujeric, Bryatesle, Bucovian, Bvazred, Byashrei
- C C-14, C-23, C-24, Cacone, Cadhinor, Cakish, C`al, Calénnawn, Candabrach, Çanil, Canis, Cānnānn Naewinn, Cannic, Ca'olaeg, Carrajena, Casta, Ceiteish, Celltiecc, Cenlatorre, Cepperjoleddicg, Ceqli, Cetonian, Chanan, Charyan languages, Chevraqis, Chicken, Chickenese, Chin'yn-theuk, Chipilak, Ch-m Tlondor, Cho-ba, Choton, Chovur, Chrodisonian, Chrol, Chunotl, Chusole, Cilthic, Cinpzy, Ciravesu, Cisca, Clalia, Classical Yiklamu, Clavis Convenientiae Linguarum, cni-veti, Coastal Zein, Coeniathen, Common Germanic, Comunleng, Çomyopregi, Conlangsof Destruction, Constructed Language #4892, Corint, Coronese, Cosmian, Crilatse, Criollo, Cruons, Cuérna, Cuêzi, Curco, Cyberyak, Cytrurian, Czirehlat
- D Ðabnøt, Ða difi, Dael, Daimyo, Daisilingo, Daléian, Dalgarno's Universal Language, Da Mätz se Basa, Damin, Danan, Danarib, Danovën/Arovën,

- Dapnant, Darale[≠], Darkovan, Darmakke, Darmok, Darseni, Darynese, Dashul, Dêbiua, Degaspregos, Dekavurian, DEL, Delason, Delendian, Dementian, Demonic/Alorian, Demua, Denden, Dendrix, Denisian, Den'Ksie, Dermensin, Derrae, Desa Chat, Descubralna, Deseret, Detbap, Deviasew, Deweg, Deymual, Dha-Patu, Dhemonh'ka, Di'aleka, Diallic, Diarenye, Digor, Dilhok, DiLingo, Dingwâ, Dinosaur Language, Diom, Diudisk, Divine Language, The, D'lateequ, D'ni, Doraya, Doriathrin, Dosian, Double Dutch, Dozhu:n, Draconian, Draconic (#1), Draconic (#2), Draconic (Lovarin), Draqa, Draseléq, Dren, Drhaqa, Drow, Drydic, Dublex, Duirún, Dundein Vega, Dunia, Dunnek, Dununmi, Durdekors, Dutton Speedwords, Dwarfín, Dwarven Pidgin, Dwêxêg
- E** e2, Eaiea, Early Rònic, Earth Language, Earth Minimal, Eastern, Eastern Drydic, Eastron, Ebisédian, Ebubo, Ecriture Universelle, EDA, E Dashul, Êdhchirriad, ê Èëe, Egaic, Egren, ehmay ghee chah, Ehxduxadiikootu, Eilig, Eklektu 96, Ekspreso, Elatoi, Eleiar, Elephant's Memory, Elet Anta, Elheg, Elkarol, Ellandh, Elleya, Eloi, Eloram, Eloshtan, Elven, Elvish, Emeni, Emterz, Enochian, Entish, Epiq, E-Prime, Eretas, Erog, Erone, Esata, Esei, Eseshtë-basó, Esiterato, Eskimo, Espanzë, Esperando, Esperanto, Esperanto de DLT, Esperanto sen Fleksio, Esreverian, Essential World English, Ethire, Etrer'aous, Etwu, Eunoia, Eurana, Euransi, EuroEnglish, Eurolang, Eurolengo, European, Europanto, Europeano, Eurún, Eviéndadhail, Exorian, Eyahwánsi
- F** Fampónd, Farlingo, Fasile, Fegiartische, Feianovedo, Feorran, Ferengi, Fergiartisch, Ferismonlaren, Finglish, Finnstek, Fith, Fjinnjikulla, Flaidish, Flestrin, Florish, Folkiske, Folkspraak, Folksstem, Fonymfin, Forendar, Fortunatian, Frater, Frater 2, Frionske, Fukhian, Fungarr, Furbish, Futurese
- G** Gaciça, Gaelish, Gälðyr, G'amah, Gamyar, Ganh, gá'rDëMy, Gargish, Gæarthuns, Gelveasar, Genistien, Geoglot, Germanech, Gevey, Giak, Gilish, Gilo, Gjarrda, Gladilatian, Glaugnea, Gleeb, Glide, Globish (Globish English), Glosa, Goblin, Goesk, Golal Natkali, Golic Vulcan, Gomain, Gyquim, Gothic, Graatska, Graavgaaln, Graod, Grooiman, Guask, gua!spi, Gutisk, Gweydr, Gwr, gzb
- H** Hadwan, Hallon, Hallowese, Hambhukringki, Hamdi, Hänäthliêr, Hani, Hansu, han-taj-tU1-hUt, Hapoish, Harajelata, Harry Potter Magic Language, Hattic, Heanasjacáel, Hebret, Heratī, Herlanian, Hieroglyfic, Highland Zein, High Speech, Himmaswa, Huttese, Hyilté, Hystudian
- I** iaPil, Ibraang, Ibran, Idjana, Ido, Idrani, Igmerind, Igrejan, Ii42hah32reh12man41, Iju Puna, Ikanirae Seru, Iksto, Ilaini, Ilathid'hi, Ilianóre, Ilish, Iljanore, Ilkorin, Illanī, Illfillin, Iltârer, Ilythirri Alurl, Imuttan, Inagalasi, Inda, Indika, Indo-Nugimian, Ini, inif Xeuviteles, Inklišche, Īnici, Inrilan, Intal, Inter Celtic, Inter-esperanto, Intergermansk, Interglossa, InterLang, Interlingua, Interlingue, Intermythic English, International Sign Language (ISL), Interó, Īpetas, Ipsilikthar, Iqalu, Irecepte, Irsawa, Isirian, Islandian, Islet, Islic Wood Elvish, Ismain, Isotype, it-Cejdijtung, Ctung, Ithkuil, Itlani, Ivrien
- J** J'ækatá, Jafo, Jakelimoto, Jamalinaşq, Jameld, Japanglish, Jasminese, Jaueqao myys, Javifo, Jechoire, Jelbazech, Jezik Sloviañaja, Jigwa, Jirit, jiVoqu, Jleer, Jlin, Jovian, Juvenilia, Jylsk, Jynmû

- K Kadhrein, Kæseran, Kagizerin, Kahan, Kakarak, Kalaba-X, Kaldon, Kali-sise, Kaliso, Kalonese, Kamakawi, Kankonian, Kansu, Kardasi (Cardassian), Kardasi (Cardassian), Kardii, Karis, Karklak, Kar Marinam, Kash, Katari, Kattoelai, Kaupelanese, Káyasánoda, Keadaa muil, Kebreni, Keki, Kel, Keldare, Kélen, Kelenala, Kemilas, Keolah's Languages, Kerinidoi, Kerno, Kesh, Khangaoyagon, Khikeng, Khul, Khundruzn, Khurwich, Khuzdul, Khuzdul, Neo-, Kiadin, Kiffish, Kika Olelo, Kimva, kimwa lilyeho, Kine, Kinfa, Kingfa, Kingifa, Kingiwa 'Awiwasa, Kin-Sang, Kinsi Rorotan, Kinya, Kioshu, Kir, Kirda-han, Kirezagi, Kiromi, Kirumb, Klaatu's Language, Klingon, Klingonaase, Knarwaz, KNSL, Koalins, Kobaian, KOD, Ko e Vagahau he Motu, Ko'ilidel, Kokipopi, kolaqadock, Kon'ya, Kordron, Kor'ekhani, Korpesk, Kosi, Kosmal Idioma, Kot, Kótèsä, Kramxelian, Kriegsprach, Krithnag, Kronokayjin, Ksokish, Kuzzogak, Kupo, Kushan, Kusthü, Kûtêruüknêtimü (Terpish), Kvaaplaang, Kwaadakw, Kwendyngu, Kya'terrian, Kyldil, Kyran, Kzinti
- L L17, LáAdan, Lacue, Ladekwa, Lahabic, Laikath, Lainesco, Lakal/Saradic, La Lengua Universal, Lalortel, Lan, Landero, Language of Center, The, Languages of the Commonwealth, Language X, Langue Nouvelle, Langue Universelle, LANGUST, LangX, Lannu den gental, Lano, Lanrohidh'il, Lapine, Lara, Larenti Tergush, Larua, Larveson, Lasa, Lashkos, Latalmish, Late Nietanian, Late Réziko, Latineo, Latino Moderne, Latino Sine Flexione, Latinvlo, Latqtsc, Laval, Laxonomasoljomijodo, Leibniz's Characteristica Universalis, Leksventin, Lemurian, Lemyzon, Lengua Universal (#1), Lengua Universal (#2), Len-q?is, Lepidopteran (Ze), Lesdekan, Lesko, Leturian, Ley Arah, Liaden, Li' Anyerra-Tarah, Life Sound, Lifhomese, Lijou, Lilipu, Limciela, Lin, LINC, Lincos, Linear A/Minoan, Lingo, Lingua Franca Nova, Lingua Ignota, Lingularumina, Liniyai-Karmisa, Linka Romànika, Liñxi, Liotan, Lips Kith, Lipu'onai, Litaja, Liva, Livagian, Llâtec, Llathos, Llegisia, Loglan, Loglan 76, Loglan 95, Logli, Logopandectesion, Logsan, Logulos, Lojban, Lojsk, Lone, Long Wer, Loro Trade, Low Orkish, Lrahran, Lûá, Ludireo, Ludycian, Lugasuese, Luinin, Luni, Lusane, Lusiaquía, Lydnevi
- M Machi, Machren, Mærik, Mágikimnaz, Magistri Linguio, Maktalu, Malacandrian, Maldekan, Malininic, Malknarh, Maltae, Mamseunsci, Manadei, Manaki, Manaža, Mango, Mannish, Mapalgetian Continental Basic Language, Marata, Margadian, Maḥ, Mathumisc/Archaic English Project, Matsui, Mänti, Mavod, Megdevi, Meghean, Meiko, Mekhael (#1), Mekhael (#2), Melani, Melindaran, Mellyrn, Mentolatian, Méntriaanes, Merahai, Merdian, mërèchi, Mèriale Nunérin, Merian, Mèriate et Darae, Meridonian, Merilareth, Mesogeoika, Metes, Meth, Mhigiwipian, Microlang 1.0, Microyak, Midikan, Mikiana, Miksa, Mineng, Mingjiese, Minhyan, Minyeva, Miouateku, Mjuteità Inglisja, Møkobi, Molvanian, Mondlango, Moonshine, Moragravēs, Mornač, Mortesielon, Moten, Mowhan, Mri, Mua, Muila, MUL, Mundo-Lingue, Musbrek, Mushroomese

- N Nabel, Nadsat, Naffarin, Nahéla, Nakiltipkaspimak, ñakiw pym wifiw kingewhàwwas, Nalona, Nalonin, Nalosya, Namarin, Namek, Nandorin, Nanigani, Nanon, Naqu, Naracze, Naranis, Narbonósc, Nari, Narish, Nartrean, Nassian, Natu-Khuzdul, Nedertæl, Neelan, Neitetar, Nemeritvie, Neo, Neo-Dalmatian, Neove, Nesupian, Nevbosh, Nevokanyi, Newahon, New Avaeran, New English, Newspeak, Ngetsu, NGL, Ngolopalnec, 'Ngwei-koo 'Lei, Nickish, Nietarenska, Nihilosk, Niline lale, Nimyad, Nirdaen, Niw Englisc, Njaama, Noceltaeh, Nómík Sprøk, Noraan, Nordálien, Nórdicg, Nordien, Northern Griffin Script, Nova, Nova Anglica, Novial, Novial 98, NovIALA, Novial Pro, Nowapan, Noxilo, Nóyahtowa, Nóyanla, Nrit, Nuatic, Nu Aves Khara-Ansha, Nuirn, Nunihongó, Nüreqio, Nuspíc, Nyofa
- O Obrenje, Occidental, Octrin, Oda Zginzgala, ODODU, Odonien, Oetadh, ð'ingææ, Ok, Okaikiar, Oktaan, Olaetian, Old Albic, Old Dwarvish, Old Hyksos, Old Kandar, Old Rashurish, Old Sindarin, Old Southern, Old Tongue, O'lelic, Olijad, Olvardeth, Omnesian, Omnia, Oneirien, Ongaki, Ook!, Oopee, Oou, Opus-2, Oraq, Orcish, Oro Mpaá, Ose, Ossers/Nashi, Otg, Ouranian-Barbaric, Oz, Ozay
- P Pacarian, Paiodd, Pakitani, Pakuni, Pala-kalloejna, Paleneo, Palli, Pamrul, Pamryr, Pan-kel, Panovese Kal, Pantato, Parseltongue, Pasilalion, Pasilogia, Patrienish, P@x'ããokxãã, Paulic, P'bankian, Pélénne, Pe'Ma'De, Penge lige, Penginijtunge, Perilo, Perio, Persevi, Phaleran, phonetic picture-writing, Piat, Pictban, Picture Language, Pig ELvish, Pig Latin, Pikachu, Pikutu, Pil'koska, Pisina, pjaukra, Plan B, Plan C, Platío, Pleafande, Pokemon, Poliespo, po'P'kp, Popi, Prajpiast, P'Ren, Primal, Prime Lexicon, Primitive Elvish, Progressiva, Projet d'une langue universelle presente a la convention nationale, Proslava, Proto-Dalurian, Proto-Drem, Proto-East-Arakhelian, Proto-Eastern, Proto-Hambah, Proto-Kesk'an, Proto-Liotan, Prototype Worlds, Psharádi (Modern Tsaran), Ptokan, Ptx:f, Purdik, Pushakian, Pwpwpw
- Q Qa, Qatama, Qat'w, Qelvietu, Q'en|gài, Qenya, Qhalite, Qilmanian, Qtwyqp Qly, Quebh, Quenya, Quya, q~'u^pl!
- R Rachovian, Radilu, Rahha, Ranamemi, Rap Lin Rie, Ravenloftish, Rav Zarruvo, Raxanakoa, Rayatako, Rêaniano, Regelluga, Regimonti, Reman, Recim, Retehitu, Réziko, Rhan, Rhean, Rhyllan, Rigavie Sutanio, Rikchik, Rinya, Risan, Rivaansa, Rivertongue, Ro, Rodlox's Unnamed Conlang, Rokbeigalmki, Romana, Romanice, Romanico, Romanid, Romanova, Romula, Romulan, Rònic, Ronnes, Rootian English, Rosakeat, Roxhai, Rrldha, R^tennin, Rúmeann, Rusakui, Rúvuk, R'yihdd
- S Saakha, Safo, Saiwosh, Sakao, Sakatda Ka Kadomo, Salanjan, San Corrado Langue, Sap'e'o, Saphah, Saprutum, Sapuho Dejeru, Sarbleski, Sarjan, Sarkelean, Sarminath, SASXSEK, Sathir, Satritain, Saurian, Scallin, SCSL, Sea Elvish, SedoNeural, Seimi, Sekponh, SeMpaiton, Senelhian, Sen:esepera, Senu Yivokuchi, Senyecan, Serasraes, Sermo, Seversk, Sevorian, Seyekoneth, Shadebu, Shaelic, Shaleyan, Shan, Shaquelingua, Sharioléh, Sheli, Shemdaoli, Sheng, Shilgne S'drawkab C'navdair, Shinoarnii, Shkanshej, Shoa, Shondan, Shotali, Sialy, Sidanjala, Sidonian, Signuno, Siidmak, Silarg, Silindion, Simlish,

- Simpekso, Simpenga, Simpla, SIMPLE, Sinampaiton, Sindarin, Sinnish, Sintí, Sitarwelas, Skandinaviska, Skerre, Slavenian, Slavisk, Slezan, SLOVIO, Slvanjec, Sohlob, Solresol, Somerish, Somish, Sona, Sorgalo, Sotonok, Speedtalk, Speedwords, Spelin, Spet, Spocanian, Spokil, Stäläg, Star Trek languages, Stitch Words, Straifpin'r, Streich, Strelwidhan, Strom, Sturnan, Sulekhí, Suma, Sunset Elvish (Pinuidan), Suoníppomí, Susachi, Svargó, Swa-di, Syldavian, Sylvyn, Szkev
- T Tá à p'u, Taeisan Languages, Taelons, Taki, Talarian, Talcas, Tal-eglar, Talhata, Talossan, Talumena, Tamarian, Tanach-a Shile, Taneraic, Tantorin, Ta Pémish Shprochna, Tarnese, Tarnif, Taruven, Tasratal, Tatari Faran, Ta Ti, Tatsique, Tazhai, Tazhi, Teaakitâukr̥kuaalæ..., Tech, Telerin, Telpuilkoc, Telvo, Telyana, Tenctonese, Teonaht, Tepa, Terran, Terrasihla, Tesawa, Tev'Meckian, Tharan, Thauliralau Triyk, Thequm, Thereskeya, Thh:tmaa, Thiazic, /th/ Lang, The, Tho-Kyi, Thosk, Thylymas, Tiemish, Tigerian, Tikasako, Tilya, tinico, Tinxirean, Tirelat, Tîsjelán, Tja-tsan, Tjelwu, Tlön languages, Toaliralolo languages, Tokana, Toki Pona, Tolte, Toma Heylm, Tomato, Tominian, Tomoulini Ganmaa, Torrin, TRAN, Transcendent Algebra, Transitional English, Trill, Triparian, Triparik, TrQal, Trurian, Tsalu, Tsolyáni, Tshon, Tsumhetyan, Tudahe, Tukbeyo, Tulari, Tulinx, Tundrian, Tunu, Tutonish, Tvernel, Tydash, Tyl Sjok, Tymat, Tymru
- U Uajiren, Ubbi Dubbi, UberLingua, Uchunata, Udraю, Uhli, Ukhik, Ukunida, Ummo, Ungil, UNI, Unideo, Uni Mar, Unipix, Unish, Unitario, Universal, Universal Lingva Kodo, Universal Character, Universal Cipher Language, Universalglot, Universal Networking Language, Universal Translation Language, Un'ky'ok, Unnamed Conlang, Unstränng, Úqoi, Uropi, Utésalacné, Uusisuom, uuteib eafeis
- V Vabungula, Vadhawian, Vaior, Valarin, Valavya, Valdiss, Vallés, Valmelind, Vamperr, Var'aq, Vardhastani, Varro, Vash, Vassic, Vayaun, Veltish, Veltsin, Vendi, Venyárin, Verdurian, Ve Segelm A Laighódhét, Vihal, Viikqnnosf, Viku, Vilani, Vinlandic, Vixen, Vling, VOA Special English, Vogu, Vogukadanë, Voidä, Voksigid, Volapük, Volapük Revised, Völkerverkehrssprache, Vónánà, Vong, Von Morath Pasigraphy, Voorish, Vorlin, Vosh, Voynich, Vozgian, Vranian, Vystoulor
- W Waldzell Conlang, Wamen, Wapadja, Wasabi, Watakassí, WDFDspeak (Ostopian), Web Language, Wede:i, Wenedyk, Wessisc, Western Zein, Westron, Wilawossian, Wilkins' Analytical Language, WittyWordWork, Woznackh
- X X, Xail, Xap II, Xapqt, Xara, xathmel, Xéniara, Xianese, Xliponian, Xronari, Xt!, xuxuxi
- Y Yahina, Yathor, Yeaji, Yeishan, Yeledumel Thanusil, 'Yemls, Yerti, Yf Rgalin, Ygyde, Yihhian, Yiirabarhi, Yil, Yinglish, Y-irril, Yisian, Yivrian, Ylhäällä, Yorlakesian (Mok'yorlak'ol), Ypsilönsk, Ystheron, Ytádý
- Z Zadra, Zadri, Zan, Zaynktooks, Zdekkite, Zegzolt, Zelknaym, Zengo, Zhakish, Zharranh, Zhong Ying, Zhyler, Zim, Ziotaki, Zireenka, Zjivalian, Zoggian, Zoinx, Zurbian, Zurvár, Zusayan, Zyem

1Б. Список конлангов на Conlang Yellow Pages

Adelic	ВЯ	Babalo	(в проекте)
Adûnaic	ВЯ	Barakhinei	ВЯ
Aeldarsprage	язык микронации	Barsoomian	ВЯ
Afrihili	вспомогательный	Basic Anglo-	модифицированный
Ahua	гипотетический	Saxon English	английский
Akbiekdi	ВЯ	Basic English	модифицированный
Alevain	ВЯ		английский
AllNoun	экспериментальный	Bendeh	личный
Almaqerin	ВЯ	Bitruscan	вспомогательный
Alpha Smart	экспериментальный	Biyuron	ВЯ
Alphistian	ВЯ	Black Speech	ВЯ
Aluric	ВЯ	Blissymbolics	для инвалидов
Alzetjan	ВЯ	Bogomol	ВЯ
Amaterasu,		Borg	ВЯ
languages of	ВЯ	Breathanach	ВЯ
Americai Speak	модифицированный	Brithenig	ВЯ
	английский	Broyan	ВЯ
Amman-Iar	ВЯ	CEQLI	
Ancallon,		(Cheng-Lee)	логический
languages of	ВЯ	Cetonian	ВЯ
Andal,		Charyan	
languages of	ВЯ	languages	ВЯ
An'dorian	ВЯ	Chin'yn-theuk	алфавит
Aniésé	личный	Ciravesu	ВЯ
Arangothian	ВЯ	Cispa	ВЯ
Archaen	ВЯ	Conlangs	
Ardalambion		of Destruction	развлекательный
(Tolkien's		Curco	ВЯ
languages)	ВЯ	CycL	логический
ArkenB>	алфавит	Dxl	личный
Arkian	ВЯ	Damin	тайный язык
Arvandran	ВЯ	Danovën	логический
Asiteya	ВЯ	Dapnant	ВЯ
Aslarian	ВЯ	Darkovan	ВЯ
Assi	ВЯ	Degaspregos	философский
AUI	экспериментальный	Delason	ВЯ
Aurabesh	алфавит	Denden	ВЯ
Avarin	ВЯ	Deviasew	ВЯ
Azak	ВЯ	Dhemonh'ka	ВЯ
B-G-2-3	экспериментальный	Dilhok	ВЯ
Baanzish	экспериментальный	DiLingo	развлекательный

D'ni	ВЯ	Fuchisch	комический
Don's unnamed conlang	экспериментальный	Gamyar	ВЯ
Doraya	ВЯ	Gargish	ВЯ
Doriathrin	ВЯ	Gevey	ВЯ
Draconian	ВЯ	Gjarrda	артланг
Draseléq	ВЯ	Gladilatian	ВЯ
Drhaqa	(в проекте)	Glaugnea	личный
Drow	ВЯ	Gleeb	ВЯ
Dunia	вспомогательный	Glosa	вспомогательный
Dunnek	ВЯ	Goblin (Gible)	ВЯ
Dutton		Graavgaln	ВЯ
Speedwords	стенографический	gualspi	логический
Eaiea	музыкальный	Hambhukringki	экспериментальный
Earth language	вспомогательный	Hani	ВЯ
Earth Minimal	экспериментальный	Hapoish	ВЯ
Eklektu	гибрид многих языков	Himmaswa	ВЯ
Elephant's Memory	экспериментальный	Ido	вспомогательный
Elet Anta	ВЯ	Ilianore	ВЯ
Eloshtan	ВЯ	Ilish	ВЯ
Elvish (Tolkien)	ВЯ	Ilkorin	ВЯ
Enochian	мистический	Imgerind	ВЯ
Entish	ВЯ	Intermythic English	«мифометафорический»
Eroné	личный	Ipsilikthar	ВЯ
Esperanto	вспомогательный	Ismaon	ВЯ
Esperanto sen Fleksio	вспомогательный	Jameld	ВЯ
Essential		Jirit	ВЯ
World English	вспомогательный	Kakarak	личный
Eunoia	ВЯ	Kaliso	ВЯ
Eurish	вспомогательный	Kankonik	ВЯ
Eurolang	вспомогательный	Kebreni	ВЯ
Eurolengo	вспомогательный	Kélen	ВЯ
Feorran	ВЯ / экспериментальный	Kika Olelo	ВЯ
Ferengi	ВЯ	Kinya	личный
Fërismonlarǵm	ВЯ	Kir	ВЯ
Fith	ВЯ	Kirezagi	ВЯ
Fjinnjikulla	экспериментальный	Khuzdul (Dwarvish)	ВЯ
Folkspraak	вспомогательный	Kiffish	ВЯ
Frater	вспомогательный	Klingon	ВЯ
Frater 2	вспомогательный	Knarwaz	ВЯ
		Kobaian	ВЯ
		Kodron	ВЯ

Korpesk	ВЯ	Neo-Dalmation	историческая реконструкция
Korthai	ВЯ	NGL (Next Generation)	вспомогательный
Láadan	женский язык	Nirdaen	ВЯ
Laikath	(в проекте)	Nova	ВЯ
Landerо	экспериментальный	Novial	вспомогательный
Latino		Occidental	вспомогательный
Moderne	дериват латинского	Ok	экспериментальный
Latino Sine Flexione	вспомогательный	Oktaan	ВЯ
Lesko	ВЯ	Olaetyan	ВЯ
Leturian	ВЯ	Old Southern	ВЯ
Ljoerr-teg	алфавит	Old Tongue	ВЯ
Lifhomese	ВЯ	Orkish	ВЯ
Lingo	личный	Ouranian- Barbaric	мистический
Lingua		Pala-kalloejna	артланг
Franca Nova	вспомогательный	Panovese kal	личный
Lingua Ignota	конланг XII века	Pantato	ВЯ
Liotan	ВЯ	Patrienish	язык микронации
Liva	логический	Pengeálige	язык микронации
Loglan	логический	Phaleran	ВЯ
Lojban	логический	Plan-B	вспомогательный
Logulos	личный	Poliespo	вспомогательный
Lrahran	артланг	Prototype Worlds	жаргон НФ
Machi	ВЯ	q~'u^pl!	ВЯ
Malat	логический	Quenya	ВЯ
Marata	ВЯ/ экспериментальный	Rahha	ВЯ
Master Language, the	вспомогательный	Ranamemi	ВЯ
Mavod	личный	Rap Lin Rie	стенографический
Mapumisc	модификация английского	Réman	ВЯ
Merdian	личный	Rikchik	ВЯ
Meth	ВЯ	Rinya	ВЯ
Miksa	личный	Rivertongue	ВЯ
Moten	ВЯ	Ro	философский
Mowhan	гибрид многих языков	Rokbeigalmki	личный / ВЯ
Mushroomese	развлекательный	Romanico	вспомогательный
Nadsat	ВЯ, сленг	Sakatda	ВЯ
Nandorin	ВЯ	Dejeru Sapuho (Desa Chat)	вспомогательный
Nanigani	ВЯ	Scallin	ВЯ
Neelan	личный	Sen:esepera	вспомогательный
Neo	вспомогательный	Sevorian	ВЯ

Shaleyan	ВЯ	TrQal	
Shavian	алфавит	(Trollish)	ВЯ
Shelta (Shelter, Gammon)	ирландский тайный язык	Tsàlu	алфавит
Shemdaoli	ВЯ	Tunu	ВЯ
Simpenga	вспомогательный	Tutonish	вспомогательный
Sindarin	ВЯ	Tvern El	личный
Sitarwelas	личный	Tydash	личный
Sndmak	личный	Uhli	ВЯ
Skandinaviska	вспомогательный	Ukhik	ВЯ
Solkar	алфавит	UNI	вспомогательный
Solresol	музыкальный	UNL (Universal Networking Language)	вспомогательный
Sona	вспомогательный	Universala	
Speedtalk	экспериментальный	Lingva Kodo	кодовый
Spocanian	личный	Universal	
Star Trek languages	ВЯ	Picture	
Streich	ВЯ	Language	вспомогательный
Suma	вспомогательный	Üqoi	ВЯ
Syldavian	ВЯ	UTL (Universal Translation Language)	логический / вспомогательный
Taelons	ВЯ	Vabungula	личный
Tal-eglar	алфавит	Vaior	личный
Talossan	язык микронации	Valarin	ВЯ
Tamarian	ВЯ	Valdyan	ВЯ
Taneraic	личный	Vendi	личный
tAruven	ВЯ	Verdurian	ВЯ
Tazhai	ВЯ	Vilani	ВЯ
Tékumel	ВЯ	Vogu	
Telerin	ВЯ	(Vogukadanл)	ВЯ
Teonaht	ВЯ	Volapük	вспомогательный
Tepa	ВЯ	Voksigid	логический
Terran	ВЯ	Vorlin	вспомогательный
Thosk	ВЯ / экспериментальный	Voynich	
Toaliralolo languages	ВЯ	language	нерасшифрован
Tokana	личный	Vranian	вспомогательный (?)
Tomoulini		Vulcan	ВЯ
Ganmaa	ВЯ	Waldzell conlang	личный
Tolte	ВЯ / экспериментальный	Watakassн	ВЯ (?)
Tomato	ВЯ	Wede:i	ВЯ
Tominian	ВЯ	Westron	ВЯ
Triparian	ВЯ	Wilkins' l	
		anguage	аналитический

Xaon,		Khyl	личный
languages of	ВЯ	Kusthь	ВЯ
Xt!	ВЯ	Lainesco	личный
Yf Rgalin	личный	LanguageX	личный
Yiklamu	однозначный	La Lengua	
Y-Irril	личный	Uneversal	вспомогательный
Zegzolt	личный	Len-q?is	ВЯ
Zengo	в проекте	Malininic	ВЯ
Zharranh	ВЯ	Naqu Oqtanu	
Zirienka	ВЯ	(Oktaan)	ВЯ
Zoinx	экспериментальный	Penginijtunge	язык микронации
Zyem,		Romanice	вспомогательный
languages of	ВЯ	Ruṭennin	
Aelya³⁶	экспериментальный	(Pлrzunyezín)	личный
Casta	ВЯ	Sidanjala	ВЯ
Chanan	ВЯ	Taki	личный
Demua	скрипт	Thematican	личный
Deseret	скрипт	TRAN	личный
Emeni	ВЯ	Trill	ВЯ
Erotica	эротический	Тьдаhe	личный
Etwu	ВЯ	Voorish	личный
Glide	ВЯ	Web Language	Интернет-язык
iaPil	личный	Xkanksey	ВЯ
Interglossa	вспомогательный	Zadri	ВЯ
Keki	экспериментальный		

³⁶ Страницы, посвященные этому и нижеследующим языкам, на сегодняшний день удалены из сети

Приложение 2

1. Ольга Лаэдэль Основные черты планеты Атэа и её цивилизации³⁷

Физико-географическая характеристика планеты

Планета Атэа — вторая планета в системе звезды Йанэй. Звезда Йанэй относится к спектральному классу F9, масса её приблизительно равна солнечной. В общем, Йанэй — вполне типичная небольшая жёлтая звезда, каких во Вселенной огромное количество. Йанэй имеет планетную систему, состоящую из трёх планет земной группы, трёх газожидких гигантов типа Юпитера, и трёх каменно-ледяных планет. На второй от звезды планете — на Атэа — существует жизнь, причём жизнь разумная, создавшая высокоразвитую цивилизацию. Масса планеты Атэа — 0,98 земной массы или 5,86.1021 т. Состав атмосферы почти в точности соответствует земной. У Атэа 2 спутника — Жэнэдэй и Шэнэдэа, по природе своей аналогичных Луне. Год на Атэа длится 327,6 земных или 312,0 атэанских суток. Продолжительность суток на Атэа 25,2 земных часа. (Лемле — разумные жители Атэа — делят сутки на 16 (т.е. на восьмеричные 020) гамэ — «часов», или, лучше сказать, 95-минуток (94,5 минут)).

Суша занимает около 20% поверхности Атэа. Остальная её часть — это, главным образом, океан, мелководный в северном полушарии и довольно глубокий (в среднем 5-6 км) в южном. Атэанская суша представлена одним большим континентом Хэлтон (Континент) в северном полушарии, к востоку и западу от которого располагается Ваигжэн (Острова) — архипелаг из нескольких сотен мелких и средних островов, омываемых неглубоким (в среднем 10-30, максимум около 100 м глубиной) морем. Ваигжэн занимает всю северную и экваториальную часть западного полушария Атэа. В средних широтах южной части западного полушария расположен Раалин — достаточно крупный остров и рядом с ним ещё несколько мелких островов. На Континенте расположены два горных хребта — Хэнэзор, идущий вдоль западного побережья Континента, и Торжэн в центральной части континента, начинающийся у южного побережья Континента и тянущийся на северо-восток. Высота обоих этих хребтов достигает 3-4 тысяч метров, некоторые вершины около 5000 м. Остров Раалин почти весь горист и холмист, хотя горы его ниже — 1-2, максимум 3,2 тысячи метров. На Континенте, к востоку от гор Торжэн находится большое внутренне море Эридор. Более подробную информацию о географии Атэа содержит карта планеты.

Атэанский климат достаточно тёплый и влажный. Хотя смена времён года на Атэа имеет место, больших перепадов температуры не происходит, температура колеблется в пределах от +18 до +35°C. Лишь в высокогорье, на вершинах хребтов Хэнэзор и Торжэн, температура опускается до отрицательных (от 0 до -10°C) величин и выпадает снег.

³⁷ Разрешается воспроизведение и распространение дословных копий этого текста любым способом на любом носителе, при условии, что это разрешение сохраняется и указаны автор (Ольга Лаэдэль) и первоисточник (сайты <http://laedel.euro.ru>, <http://laedel.dellaluna.net>). На этих же условиях разрешается воспроизведение и распространение других текстов Ольги Лаэдэль, использованных в настоящей книге.

Жизнь на Атэа – на основе углерода. Наиболее высокоразвитые представители животного мира эквивалентны в своём развитии млекопитающим, растительного – покрытосеменным. Юг Континента и Островов покрыт тропическими лесами, севернее – степи и лиственные леса умеренной зоны, ими же покрыт и Раалин.

Лемле – жительницы Атэа

На планете Атэа обитает один разумный вид – лемле. Это двуногие прямоходящие существа, ростом около 1,5 метров, внешне в общем-то похожие на людей. Наиболее заметные внешние отличия лемле от человека – это твёрдый роговой гребень на голове, иная форма лба, носа и глаз, четырёхпалые конечности со свободно изгибающимися пальцами безо всяких суставов и фаланг, отсутствие каких бы то ни было волос, очень гладкая и упругая кожа. Гребень является важным для лемле органом чувств, а именно – эхолокации, главным образом, подводной, весьма нужной для таких водлюбивых существ, как лемле, и позволяющей им прекрасно «видеть» под водой с помощью гребня-сонара. А на суше основным источником информации об окружающем мире для лемле является обычное зрение.

Другая важнейшая особенность лемле состоит в том, что все они женского пола. Способом продолжения рода у лемле является амфигенез, что означает как возможность партеногенеза, так и возможность зачатия при слиянии двух яйцеклеток пары лемле. Возможность амфигенеза обеспечивается специальным органом, – куннилингвой (продолжением маточных труб, похожим на прячущийся в вагине длинный тонкий змеиный язык), способной доставить яйцеклетку как в свою матку, так и в матку другой лемле. Активизация яичников и овуляция происходит по желанию.

Предки лемле жили по берегам многочисленных на Атэа водоёмов и вели полуводный образ жизни, проводя значительную часть своего времени в воде, а часть в прибрежных зарослях. Благодаря такому происхождению у лемле и появилась способность к подводной эхолокации, подводная ультразвуковая «речь» (наряду с обычной речью и слухом на суше), а также и присущее от рождения умение прекрасно плавать и нырять, подолгу (десятки минут) находясь под водой. Вид лемле представлен двумя расами, условно называемыми северной и южной. Они отличаются цветом кожи и гребня: у северных лемле кожа молочно-белого цвета, а гребень светлый (обычно – перламутрово-пепельный или перламутрово-бежевый); у южных – кожа золотисто-бронзового цвета и гребень – разных оттенков чёрного. В древности северные лемле населяли Континент, тогда как южные населяли Раалин и преобладали на Островах. Со временем представительницы обеих рас достаточно равномерно перемешались на всей заселённой лемле территории.

Важными особенностями лемле, не присущими им от природы, но благоприобретёнными являются невозможность насилия и бессмертие (лемле не старятся). Победа над насилием и смертью стали результатом сознательных усилий лемле по изменению своей природы. Эти результаты, их влияние на жизнь и общественное устройство лемле заслуживают отдельного разговора, и речь о них пойдёт далее.

Невозможность насилия у лемле

Важнейшей чертой атэанской цивилизации является невозможность насилия (и иных действий, нацеленных на причинение страданий) среди

лемле. (Далее я буду условно называть все действия, причиняющие страдания другим индивидам, агрессией, переводя этим словом атэанский термин *рѣжарнэ*).

В древности на Атэа были такие же рабовладельческие государства, как и на Земле, происходили войны, да и в мирное время жестокости было немало. Но среди ведъм (мастеров искусства психического слияния с окружающим миром и обретения посредством этого нетривиальных способностей и опыта) нашлись такие, которые постарались изменить ситуацию и достигли успеха. Они создали метод ментальной защиты от любого нападения, точнее, даже от желания напасть, называемый *рѣжарнэ* (это слово можно перевести как «обращение нападений», «возврат агрессии» и т.п.). Ведуньи научились чувствовать и возвращать любые намерения причинить страдания. Возврат намерения причинить страдание вызывал у существа, имевшего это намерение, шок и обморок. Сила, глубина и продолжительность этого шока-обморока была тем больше, чем большее страдание хотелось причинить, чем более агрессивными были намерения. (Например, «возврат» желания нагрубить или обидеть вызывал недолгую дезориентацию и оглушённость; «возврат» желания причинить боль, ударить – состояние вроде нокаута, длительностью от минут до многих дней, тем более сильное и долгое, чем сильнее было желание сделать больно и чем большая боль желалась; желание убить, «возвращенное» желающему, убивало несостоявшегося убийцу). Все умевшие возвращать агрессию оказывались фактически неуязвимы для любого нападения, но и сами уже не могли нападать ни на кого (это повлекло бы возврат агрессии самой себе). Метод *рѣжарнэ* действовал не только на лемле, но и на любых существах со сколько-нибудь развитой нервной системой, эффективно защищая и от диких зверей. Со временем этот метод был упрощен настолько, что обучить ему стало возможно любую лемле. Предпосылкой к умению возвращать агрессию была способность лемле чувствовать эмоциональное состояние, настроения и намерения, точнее, характер намерений других живых существ. Эта способность к эмоциональной прислушанности (присущая лемле от природы и существенно развиваемая при подготовке к обучению *рѣжарнэ*) позволила лемлейской цивилизации обрести ещё одну важную особенность – невозможность лжи.

Лемле чувствовали намерение солгать, обмануть или утаить важную информацию (что делало невозможной и обман посредством полуправды), и это делало всякую ложь невозможной, а попытку обмана бессмысленной и обречённой на разоблачение сразу же. Умение обращать нападения радикально изменило ход истории и общественное устройство на Атэа. Как ни боролись государства и их правительницы с ведьмами, обучающими *рѣжарнэ* – они ничего не могли с ними сделать. Любое насилие было бессильно против умеющих обращать нападения. Распространение метода *рѣжарнэ* остановить не удалось – владевшие методом часто учили всех желающих, благо это было возможно и не слишком трудно. Когда большинство лемле овладело способностью *рѣжарнэ*, государства просто исчезли, т.к. уже не было возможности заставить кого-либо подчиниться воле правителя, государственного чиновника или большинства. Исчезло рабство и любые формы насилия и принуждения во взаимоотношениях между индивидами. Сложилась и сохраняется ситуация, когда никто ни-

кого ни к чему не может принудить, а может только уговорить что-то сделать по доброй воле.

Атэанскую политическую систему можно назвать консенсусной демократией (или консенсусно-согласованной анархией) и охарактеризовать следующим образом. Любые решения могут приниматься только при условии, что все, кого эти решения затрагивают, не возражают против них. Любая лемле, которую затрагивает данное решение, автоматически имеет право вето – если ей от этого решения станет плохо, то никто не сможет ни принять, ни исполнить такое решение. Пока решение не принято, плохо всем оттого, что страдает кто-то, для кого оно необходимо. Оставлять данный вопрос нерешенным лемле не могут – это было бы «агрессией» в отношении тех, кому необходимо его решить. А варианты решения, причиняющие страдание хоть кому-то, нереализуемы из-за способности лемле возвращать агрессию. Поэтому приходится искать такое решение, которое приемлемо для всех затронутых им лиц. Система подготовки и принятия решений в общих чертах выглядит так. Для принятия любого решения необходимо, чтобы все, кого оно так или иначе затрагивает, выразили своё согласие или хотя бы отсутствие возражений, своё «не-вето». Если круг заинтересованных лемле не слишком широк, чтобы каждая могла договориться-согласиться с каждой, то достаточно лишь этого взаимно-всеобщего проявления согласия. Если же решается вопрос, затрагивающий очень многих, и тем более, если имеются серьёзные разногласия, то для выработки приемлемого для всех варианта образуется экспертный совет по той или иной проблеме либо кругу проблем.

Совет не является официальным, формальным органом, и уж тем более это не орган власти. Это группа добровольцев, вызвавшихся искать оптимальные и всех удовлетворяющие варианты решения вопроса, предлагающая их всему сообществу затрагиваемых данной проблемой лемле. Всякая лемле, если она берёт на себя труд глубоко копаться в проблеме и искать подходящее для всех решение, автоматически оказывается участницей совета по данной проблеме. Дело совета – выработать, найти, предложить всему заинтересованному сообществу решение, с которым бы все в итоге согласились. Решение же всё равно принимается именно взаимным подтверждением всеобщего согласия. (Развитая система связи позволяет каждой быстро выяснить, все ли согласны; и каждая же может предлагать и обсуждать соображения по проблеме, становясь, если её соображения востребованы, участницей совета). Проблемные советы – это именно процесс и способ достижения согласия в том или ином вопросе, естественно возникающий, когда согласие проблематично. В сущности, цивилизация лемле обходится вообще без каких-либо официальных органов и не структурирована официально, и всякая официальность ей чужда.

Немаловажно, что даже спустя века после того, как широкое распространение *рёжарнэ* изменило атэанскую цивилизацию, лемле стараются обучить ему своих детей. Делают они это, понимая, что именно непреодолимая защищённость каждого индивида является основой мира и свободы на Атэа.

И ещё один маленький штрих. Способность обращения нападений сделала лемле вегетарианцами в самом широком и абсолютном смысле. Вообще-то лемле и от природы были, по своему питанию, вегетарианцами, питаясь преимущественно плодами разных растений, а также некоторыми водорос-

лями. Но с распространением *рёжарнэ* для лемле стало невозможным также и использование материалов животного происхождения, таких как кожа, мех, и т.п. (Фраза «Лучше ходить голой, чем в мехах» как раз про лемле ;).

Лесбийская любовь, эрос и культура лемле

Однополая природа лемле вовсе не означает исчезновения таких явлений, как любовь и эрос. Любовь и эротические чувства стали так же однополы, как и сами лемле, приобретя гомоэмоциональный, гомоэротический, лесбийский характер. Утрата связи между эросом и продолжением рода, а также однополость лемле, сделавшая всякий эрос и любовь лесбийской, видимо и стали причиной небывалого раскрепощения и освобождения эротических чувств у лемле, эротизированности лемлейской культуры менталитета. Важнейшей чертой атэанской культуры является её эротизм – вся культура, всё искусство лемле пронизано, пропитано лесбийским эросом. В культуре лемле отсутствуют какие бы то ни было табу и запреты, налагаемые на эротику, которая не считается чем-то низким, постыдным, недостойным. Наоборот, эротические чувства, переживания и желания считаются у лемле одними из самых прекрасных и возвышенных.

Всякую красоту и всякую нежность лемле воспринимают эротически и получают от неё эротическое удовольствие. Все личные привязанности лемле также окрашены в эротические тона. Поэтому отсутствуют чёткие границы между любовью, дружбой, товариществом, приятельством. Все эти проявления различаются между собой лишь силой чувств, привязанностей и глубиной взаимопонимания. Любовь для лемле – это прежде всего абсолютное взаимопонимание и взаимоприятие, духовное родство, порождающее нежность и привязанность. Все эти чувства: и наслаждение красотой, и симпатия, и нежность — не остаются лишь духовной абстракцией, а непременно находят своё выражение и воплощение в телесном соприкосновении и телесной ласке. Лемле не знают, что такое брак, семья (не знакомы им понятия ревности, супружеской верности). Любовные союзы возможны не только между двумя, но и, подчас, между тремя, а иногда и более чем тремя лемле – главное, чтобы было абсолютное взаимопонимание между всеми, кто входит в данный союз. В то же время лемле очень сильно привязываются к своим возлюбленным, к своим ближайшим подругам – гораздо сильнее, чем большинство людей. Любовно-дружеские связи у лемле почти никогда не рвутся и не ослабевают. Если же эти связи всё-таки нарушаются, то это – большая катастрофа для всех, кто ими был связан.

Если человек в своих эротических действиях и желаниях стремится достигнуть оргазма, то лемле стремятся пребывать в состоянии *жэмэ* – эротического наслаждения, в котором они (в отличие от человеческого оргазма) способны размышлять, заниматься всевозможными делами, делая их благодаря своему состоянию с большим вдохновением и удовольствием. Именно в любви и видят лемле смысл своей жизни и всякой деятельности – в радости и наслаждении от соприкосновения с телесной и душевной прелестью подруг среди красоты природы и своих творений, от слияния своей душевной и телесной красоты с красотой других лемле и окружающего мира, от порождения красоты в самой себе и в мире, при своём участии.

Мировоззрение и верования лемле

Длительное – более тысячи лет – развитие цивилизации лемле в условиях отсутствия государств, власти, какой бы то ни было системы при-

нуждения индивидов, а только лишь на основе взаимодовлетворяющих соглашений между индивидами, сделало менталитет лемле очень неавторитарным, неиерархичным и терпимым к инакомыслию. Лемле никогда не считают, что они владеют истиной в последней инстанции, и всегда готовы допустить с некоторой вероятностью правоту своих оппонентов. Тем не менее, менталитету лемле ни в коей мере не свойственно безразличие к истине или суждения об одинаковой истинности всех точек зрения и учений. Как раз наоборот, для лемле типично понимание, что воззрения и учения могут существенно различаться в степени своей истинности (т.е. достоверности и адекватности изображения действительности, мира или вещей самих-по-себе). Лемле, как правило, не жалеют сил на отстаивание и обоснование своих взглядов, не теряя, однако, готовности к их пересмотру, если на то обнаружатся достаточные основания. Другое дело, что споры об истинности воззрений никогда не приобретают характер скандала, вражды или взаимного осуждения.

Следствием плюралистичного менталитета лемле является отсутствие на Атэа монотеистических религий (типа христианства, ислама, иудаизма и т.п.). Да и вообще лемле не религиозны. Им более присущ нестрогий атеизм (воззрения вроде «Всё в мире, я полагаю, развивается само по себе, по своим внутренним, имманентным законам, которые суть свойства природы и её частей»), агностицизм, встречаются и разные формы пантеизма и язычества... Для атэанских вероучений типично поклонение женским и женственным божествам, порождающим и лелеющим, возвращающим всё сущее. В древности оно обычно имело форму поклонения лемле-подобным богиням, порождающим сущее из самих себя и/или рождающим жизнь в изначально неживом мире. Обычно изображался пантеон, состоящий из богини-праматери и порождённых ею богинь различного уровня, каждая из которых порождала или привносила в жизнь то или иное начало, ту или иную стихию, те или иные явления природы и части мира. Сами лемле воспринимались тоже как некая, пусть и не самая могущественная часть этого пантеона, тоже обладающая божественной способностью порождения и возвращения жизни, а также божественной способностью творчества, трактуемого тоже как своего рода рождение и возвращение. В более поздних вероучениях прежние богини трактовались как символы абстрактного божественного начала в некоторой компоненте мироздания.

Позднее, в материалистических мировоззрениях культ божественного женственного начала превратился в этический и эстетический императив рождающей, растящей, лелеющей и творящей женственности, как раз и присущий лемле. «Так что же,» – можно было бы спросить лемле-материалистку, – «по-твоему, получается, что единственные богини – это сами лемле?» «Да, именно так», – ответила бы материалистка, – «сами лемле, да другие разумные лемле-подобные существа, если таковые есть где-нибудь».

Важно и характерно, что в атэанских вероучениях зло (понимаемое как всё, что причиняет страдания, разрушает жизнь, радость и красоту) не персонифицировалось в фигуре вроде дьявола земных религий, или каком-либо ином анти-божественном начале. Оно трактовалось у лемле как покидание женственно-божественным началом некоторой части мира, которая лишившись его сразу или постепенно распадалась, становясь

ничем, хаосом или мёртвой материей. Богини же или божественные начала представлялись более или менее могучими, но никогда не всемогущими, что означало, что на какую-то часть мира у богинь может не хватить внимания или сил. И тогда для лемле оставалось лишь самостоятельно (ведь лемле и себя считали богинями, хоть и скромного масштаба) попытаться обрести достаточно сил, чтобы спасти ту часть мироздания, которая почему-то оказалась без присмотра других богинь. (Хаос, пустота, безжизненная или дикая среда не трактовались как злое начало, но процесс деградации до их стадии – это и есть зло, считалось в атэанских верованиях.) Именно превращение лемле во всё более могучих богинь, усиление божественности лемле ставили своей целью атэанские ведьмы, да и учёные тоже.

Со временем, с наступлением преобладания материалистических учений, формулировки в терминах «божественность», «богиня» и т.п. сменились у большинства учёных, инженеров и у части ведьм словами о возрастании мудрости и красоты лемле, упрочении бытия лемле, истоков радости и любви.

Возрастанию мудрости, расширению знаний и умений цивилизации лемле происходит благодаря двум непохожим друг на друга источникам – науке и ведовству. Наука и ведовство, хотя не соперничают и не конфликтуют друг с другом, но и не соотносятся друг с другом почти никак – слишком уж полно и фундаментально различие между ними. Фактически, для лемле это два глубоко разных метода обретения опыта взаимодействия с окружающей действительностью, двух качественно разных родов опыта, лучше сказать. Удел науки – изъяснимое, формализуемое, рационально выведенное из наблюдений и экспериментов и ими же проверенное знание. Удел ведовства – искусство эмоционально-эротическо-психического слияния с окружающим миром и обретения посредством этого нетривиальных способностей тела и психики, а также неявно-интуитивного опыта, связанного с этими способностями. Интуитивное чувство ведьмы и рациональное знание учёной не соотносимы друг с другом, и не становятся таковыми, даже если речь идёт о научном объяснении и ведовском прочувствовании одного и того же феномена или предмета. Ведовское чувствование и научное объяснение (или хотя бы наблюдение) одного и того же феномена – вещи полностью разные, принципиально независимые друг от друга. Ведовские методы и опыт не могут быть использованы в научном исследовании, ибо методически и понятийно несоотносимы. Разве что объективные проявления ведьминых способностей могут быть исследованы наукой и по-своему объяснены ею рано или поздно. С другой стороны, и научное объяснение любого феномена не становится частью связанных с этим феноменом ведьминых чувств и опыта, но и не мешает вчувствоваться в сокровенную сущность и очарование явления или предмета, которому есть научное объяснение. Да и само научное объяснение тоже может быть предметом ведовского интуитивно-эмоционального постижения.

Бессмертие

Еще одна важная особенность цивилизации лемле состоит в том, что лемле не старятся. Лемле нашли средство или способ, останавливающий старение организма. (Я затрудняюсь сейчас сказать, сделали ли это ведьмы или естествоиспытатели). С этих пор лемле стали фактически бессмертны. Видимо по этой причине дети на Атэа – большая редкость. Обре-

тя бессмертие, лемле больше не ищут продолжение своего существования в потомстве. Лишь чувствуя способность и талант к воспитанию новой личности, полную уверенность в том, что не навредят ей, лемле становятся матерями. И это происходит нечасто и с очень немногими. Поэтому численность населения Атэа почти стабильна и составляет около 800 миллионов жительниц на всей планете, увеличиваясь на 20-30 лемле за год. Воспитание детей происходит в городах матерей, где собираются матери с детьми и просто лемле с педагогическими склонностями. В этих городах дети растут и учатся в обществе своих матерей и сверстниц. Роль учительниц выполняют обычно матери (предварительно, ещё до беременности, подготовившись к этой роли), преподавая группам близких по возрасту девочек различные науки и искусства. Все три города матерей расположены у моря, один – Мемлеалан – находится на южном побережье Континента, другой – Ноллелин на севере Раалина, третий – Алиэжэлен на одноимённом острове (занимая собою его весь) в субтропиках Ваигжена.

Воспитание и учёба в городах матерей закладывают только основу для дальнейшего развития. А далее бессмертные лемле постоянно продолжают бесконечное, перманентное обновление знаний, дообразование, необходимое для продолжения творчества и для адекватности всему новому, что привносит в цивилизацию творчество других. У лемле считается хорошим тоном не просто публиковать результаты своего творчества (в науке, технике или искусстве), но и создавать условия для доступа и приобщения к этим результатам для всех заинтересовавшихся – учить, писать учебники, не оставлять без внимания вопросы и просьбы помочь разобраться-понять-научиться. Учёба не сопровождается экзаменами, защитами, получением дипломов или учёных степеней, а происходит в форме самообразования с помощью разного рода кибернетических обучающих, компьютеризированных учебников и в общении с другими лемле, как изучающими ту же область знаний, так и уже владеющими знаниями в этой области и взявшими на себя роль учителей-наставниц.

Официальных учреждений, подобных вузам и официальным документов об образовании у лемле нет. Однако рекомендации учителей, чему и (возможно) у кого надо (предварительно или одновременно) поучиться, чтобы постичь их науку, позволяют сохранять упорядоченность и систематичность образования. Подтверждением (а точнее, демонстрацией) знаний и умений у лемле служат результаты их деятельности, такие, как, например, научные публикации, или вклад в тот или иной технический проект – доступность этой информации в сочетании с невозможностью лжи делает эту информацию достаточным свидетельством квалификации.

Эналь – атэанский всепланетный искусственный язык

Язык эналь, на котором разговаривают лемле – общий для всей цивилизации. Это искусственный язык, созданный изначально как международный, вненациональный язык науки. Язык предназначался прежде всего для написания на нём научных трудов, общения учёных, преподавания. Эналь можно назвать атэанским эсперанто или атэанской латынью, с той оговоркой, что принципы, на которых создавался и развивался эналь, были иные. Он строился как полностью априорный язык, в котором и словарный фонд, и грамматика придумывались, разрабатывались с нуля, независимо от существовавших на Атэа естественных языков. Главной целью

ставилась ясность и логичность грамматики, выразительность, гибкость и живость языка, способность его к развитию. Требования максимальной простоты не было, было лишь пожелание не усложнять язык, когда на то нет необходимости (кстати, в отличие от земного эсперанто и ряда других искусственных языков). Язык в итоге получился непохожим на распространённые тогда на Атэа естественные языки, но действительно нейтральным, и к тому же, пожалуй, превосходящим их по выразительности. Язык удался, и действительно стал использоваться учёными лемле, причём не только для написания научных работ и преподавания, но и в общении между собой и для написания художественной литературы. Знание эналь стало неперенным атрибутом образованности. Когда атэанская цивилизация достигла уровня развития, при котором каждая лемле получала хорошее образование, эналь превратился во всепланетный язык. Устройство языка эналь подробно рассмотрено в описании грамматики. Кроме того, могу предложить вашему вниманию несколько текстов на эналь.

Социальный строй на Атэа и его технологическая база («GNUтый коммунизм»)

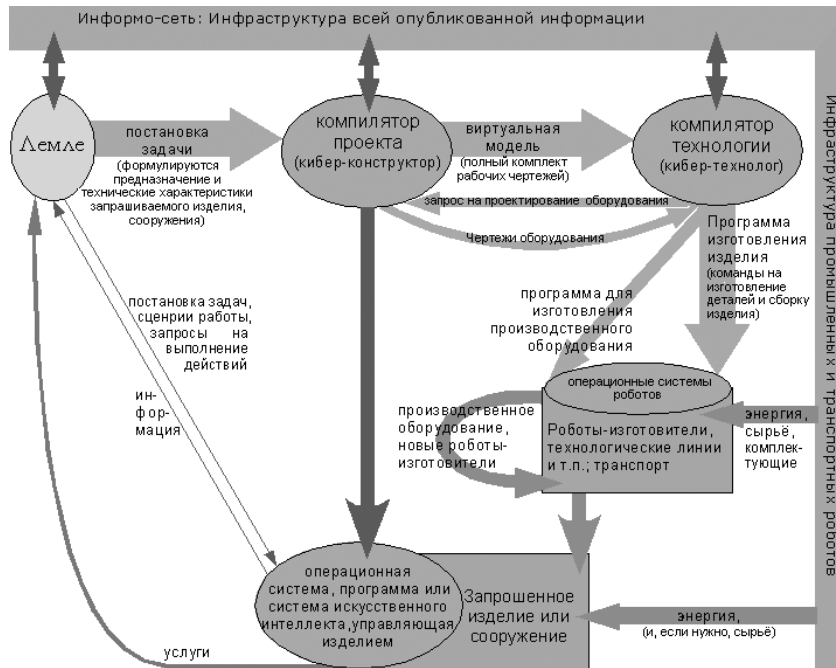
Повсеместное распространение метода рёжарнэ сделало невозможным использование подневольного труда (хоть рабов, хоть скота) и стало сильным стимулом к изобретению различных устройств и машин, облегчающих работу. Под воздействием этого стимула атэанская цивилизация довольно быстро стала цивилизацией индустриальной. Это уже заслуга не ведьм, а естествоиспытателей, результаты чьих исследований позволяли создавать новые машины и технологии, овладевать новыми источниками энергии, использовать новые природные ресурсы. Но в то же время, способность к возврату агрессии не позволяла лемле безоглядно ломать среду обитания, свою и других существ. Поэтому атэанским инженерам пришлось немало потрудиться над аккуратным и бережным встраиванием, можно сказать – вживлением техники в биосферу. С развитием космонавтики значительная часть атэанской техносферы переместилась в космос, где на необитаемых небесных телах и орбитальных станциях она могла бурно развиваться без опасений вредного влияния на биосферу Атэа.

Начиная с некоторого уровня развития робототехники и энергетики всё материальное производство у атэанской цивилизации осуществляется силами роботов. Роботы в состоянии изготовить по запросу любую вещь в любых количествах, если известна технология её изготовления, достаточно энергии и сырья. (В частности, изготовить любой предмет обихода для лемле столь же просто, как для людей Земли 1990-х годов скопировать файл в компьютере.)

Уровень развития энергетики достаточно высок, чтобы с лихвой обеспечить все потребности цивилизации. Любое необходимое сырьё может быть добыто (не столько на Атэа, сколько на её спутниках и астероидах), синтезировано искусственно или получено вновь из утилизируемых (рециркулируемых) отходов – для этого требуется, опять-таки, лишь технология и энергия. Характерно, что уровень развития производства у атэанской цивилизации существенно превосходит тот, что достаточен для полного удовлетворения потребностей в материальном комфорте всех лемле. Уровень развития робототехники и кибернетики достаточно высок для того, чтобы материальное производство практически никогда не требовало

непосредственного участия лемле в нём. Рабочие чертежи изделий, программы для автоматических технологических линий генерируются специализированными системами искусственного интеллекта (играющими роль своего рода компиляторов) на основе полученных от лемле заданий общего характера и результатов проделанных лемле научных исследований. Лемле не выполняют роль ни операторов (рабочих), ни проектировщиков или технологов (чертящих каждую деталь и рассчитывающих каждую технологическую операцию) – это прерогатива машин, и вмешиваются лемле в неё лишь в редких, исключительных случаях. Роль лемле в производстве может быть охарактеризована словами «прикладная наука и администрирование общего характера» – это роль и инженера-учёного, чьи исследования направлены на разработку новых технологий, и генерального (или вроде того) конструктора, и сисадмина, контролирующего машинную инфраструктуру.

Принципы организации материального производства у лемле можно показать на следующей схеме

Вышеописанная машинно-программная инфраструктура полностью освобождает лемле от физической и рутинной умственной работы, обеспечивая при этом всех лемле всеми материальными благами, надобными для комфортной жизни, и разнообразными инструментами для творчества и исследований. Именно творчество и составляет ту деятельность, которой лемле заняты. Прежде всего, это искусство и фундаментальная наука, а в несколько меньшей мере – прикладная наука и инженерная деятельность.

Такое соотношение (резко отличное, кстати, от имеющего место на Земле, где абсолютное большинство людей занято в материальном производстве и прочих видах прикладной деятельности) связано не просто с тем, что лемле могут себе его позволить экономически – лемле понимают и чувствуют, что фундаментальная наука и искусство образуют питательную среду (наука – информационную, искусство – эмоциональную), необходимую для новых достижений в любых областях, в том числе и прикладных.

Поскольку решающими факторами в материальном производстве являются знания, технологии и энергия (а также сырьё, но это тоже так или иначе выражается через энергию (а количество энергии, которое получает цивилизация, в свою очередь зависит от знаний и технологий)), то эти же факторы, наряду с *рёжарнэ*, обуславливают и социально-экономический строй лемлейской цивилизации. У лемле любые знания и идеи (в частности, и научные открытия, и произведения искусства, и технологии) являются достоянием всей цивилизации, и никто не может никого ограничить в распространении и пользовании ими. Знания и идеи воспринимаются как неотъемлемая часть любой личности, которой так или иначе стали знакомы эти знания и идеи. А потому запреты и ограничения, хоть цензурного, хоть копирайтного характера, на пользование и распространение информации были бы, ни больше ни меньше, посягательством на свободу всех личностей, соприкоснувшихся с этой информацией. (Это, кстати, похоже на идеологию земного движения за свободное программное обеспечение, – почитайте о Free Software Foundation и проекте GNU.) (В принципе, нынешняя земная система авторских прав и интеллектуальной собственности выглядела бы в глазах лемле как изощрённая форма полного или частичного рабовладения.)

Вся вырабатываемая энергия и прочие материальные ресурсы у лемле распределяются просто – поровну. Они делятся на равные квоты, по количеству всех живущих лемле. Каждая распоряжается своей квотой. Поскольку на личное потребление тратится незначительная часть квоты (в силу её огромности), распоряжение квотой – это принятие решения о направлении ресурсов своей квоты на тот или иной большой проект (например, на строительство каких-либо общественных сооружений, которые владелица квоты считает нужными, или какие-то интересные ей исследовательские программы и т.д. и т.п.). В случае, когда личной квоты не хватает на задуманный проект, не остаётся ничего иного, кроме как попытаться убедить других лемле потратить на него часть своих квот. Если проект интересен многим, то за этим дело не станет – именно так лемле и осуществляют многие ресурсоёмкие проекты.

«Уж не коммунизм ли это?» – спросит читатель. Коммунизм ;))) Только без руководящей и направляющей компартии, без диктатуры пролетариата, государственного контроля над личностью и всем остальным. Для которого не нужно ни пролетариата, ни террора, но нужен высокий уровень развития энергетики, робототехники, и, наверное, космонавтики, плюс распространение информации на условиях *copyleft*'а. Либеральный, GNUтый, кибернетический коммунизм :) Кстати, должна отметить, что описанный выше социально-экономический строй я считаю возможным (при достижении должного уровня научно-технического развития) для любой цивилизации, и не важно, однополо-лесбийская ли она, как атэ-

анская или двуполая, как земная. Более того, этот строй представляется мне строем, который должен естественным образом сменить капитализм, в случае благополучного разрешения проблем роста и модернизации, возникающих с приближением капитализма к исчерпанию своих возможностей (как сейчас на Земле).

Атэанская космонавтика

Вообще-то, цивилизация лемле уже перестала быть сугубо атэанской. Лемле активно исследуют и осваивают свою планетную систему (хотя кораблей, способных совершать межзвёздные перелеты ими пока не создано). Ближний космос – околоатэанское пространство, и особенно спутники Атэа – Шэнэдэа и Жэнэдэй – являются сферой жизнедеятельности цивилизации лемле. Шэнэдэа и Жэнэдэй очень хорошо исследованы, на них размещено огромное количество исследовательских и промышленных объектов. Как раз на Шэнэдэа и Жэнэдэй находится большая часть лемлейской индустрии. На спутниках добывается почти всё нужное цивилизации сырьё, практически вся промышленность сосредоточена на них же, на них же вырабатывается вся энергия, требуемая для тамошней индустрии, транспорта и жизнеобеспечения обитаемых объектов. На Атэа остаются лишь производства, связанные со сборкой и обслуживанием различных машин и конструкций, строительством, а также энергетика, обеспечивающая атэанские потребности. Производство продуктов питания осуществляется в основном на Атэа, хотя поселения на спутниках сами обеспечивают себя основными видами продуктов. Растения, обеспечивающие сырьём промышленность, выращиваются по большей части на спутниках.

Хотя население обоих спутников совсем невелико по сравнению с Атэа, на которой и живут почти все лемле, в поселениях на Шэнэдэа и Жэнэдэй имеются все условия для комфортной жизни. На Жэнэдэй находится два поселения, на более далекой Шэнэдэа – одно. Поселения на спутниках представляют собой систему просторных тоннелей и искусственных пещер, в которых размещаются жилища, места для отдыха, исследовательские лаборатории, оранжереи. Суммарная площадь тоннелей поселения сопоставима с городом средних размеров. В каждом их поселений живет по несколько тысяч лемле. Причём прилетающих на спутники временно (на десяткисотни дней) в несколько раз больше, чем обосновавшихся там надолго. Автоматические заводы, шахты, энергостанции не обязательно располагаются вблизи поселений – многие из них расположены в самых разных местах спутника – поближе к сырью или к объектам смежного производства.

Важнейшей системой космической инфраструктуры атэанской цивилизации являются орбитальные лифты – их два, и через них осуществляются почти все перевозки между Атэа и космосом. В общих чертах орбитальный лифт – это станция на геостационарной орбите (неподвижно висящая над некоторой точкой экватора планеты), а с неё на поверхность планеты спущена система лент, по которой и осуществляются перевозки между поверхностью и станцией. Один орбитальный лифт поднимается с горы Литэолин, расположенной на Континенте, в южной части горного массива Торжэн. Другой лифт берёт начало в противоположной точке экватора Атэа – на острове Алакор, на юге суперархипелага Ваигжэн.

Имеется целый флот автоматических транспортных кораблей, перевозящих грузы с Шэнэдэа и Жэнэдэй на орбиту и между орбитами (т.е.

главным образом на орбитальные лифты и с них). В более дальнем, чем Шэнэдэа и Жэнэдэй, космосе ситуация другая. Ближайшие планеты активно исследуются, но не колонизированы. Автоматические зонды запускались практически к каждому крупному телу планетной системы.

На Утуинэль, третьей планете в системе, действует несколько постоянно обитаемых баз и орбитальная станция, на которых работают десятки исследователей. К Утуинэль регулярно летают пилотируемые корабли. Пилотируемые экспедиции совершались также к Офоутар – ближайшему из газожидких гигантов. На её крупные спутники несколько раз высаживались космонавты, но постоянные исследования в системе Офоутар ведутся автоматами. К Зиронэль – первой, ближайшей к звезде планете – также совершались пилотируемые экспедиции, но постоянные исследования на Зиронэль ведут роботы. Многие астероиды исследовались автоматами, а некоторые из них – и пилотируемыми экспедициями тоже. На нескольких астероидах уже развернуты автоматические заводы по добыче и первичной переработке ископаемых.

(1993-2003)

2. С. Сотомайор³⁸

Келен: введение и контекст

Introduction

Kéleñi are usually between 180 and 220 cm in height and 70 to 110 kg in weight. Their skin color ranges from dark brown through hazel to pale green. A few golden Kélen is spoken by the Kéleñi, a humanoid species of the planet Térjemar. Adult -yellow skinned individuals appear from time to time. Hair color is usually black or dark green or pale green, though again golden-yellow is occasionally seen. Eye color is usually black, with green running through certain lineages, and purple and yellow showing up occasionally.

The name Kélen comes from the root *-kél-*, which refers to crafts and artistry. This could be taken as a reference to the guilds which are such an important part of Kélen life. Or, it could refer to the creation myth wherein the Kélen people are crafted by the local deities or by *annára* into what they are today.

The Kélen people are organized into clans, and each clan purports to have a different dialect. That said, the clans Xámorte and Ástaña together with several other clans in the area known alternately as Xámorte and Ánneméthín, have more or less unified their dialects into a common language, known as Xámorte-Kélen to outsiders who differentiate it from their own Kélen.

This sketch is primarily about Xámorte-Kélen, but will cover other dialects when they are of interest. Actual Kélen words will appear italicized and green, while anglicized words will appear as regular text. For those who are interested, a short pronunciation guide is available here.

The People

The Kéleñi are not native to Térjemar. They came from elsewhere. They are humanoid, giving rise to theories that the Kéleñi are genetically modified humans. The Kéleñi, however, say that they are not human, thank you very much.

The planet Térjemar is a terrestrial planet, slightly smaller than earth, orbiting a slightly hotter and brighter star. Térjemar has no moons, very little axial tilt, and takes approximately 20 Earth hours per rotation and 813 20-hour days per revolution.

Society

Traditionally Kélen society is divided into four parts (four being the sacred number). These are: the clan, the church, the guilds, and the wanderers. The clans are matrilineal and often matriarchal. Allegiance to a clan is obligatory for all Kélen on the grounds that everyone has a mother. Allegiance to the church or to a guild is optional, and not always permanent, though it is assumed to be long-term. Being a wanderer, on the other hand, is typically a short-term thing, indulged in by youth. There are, however, a small number of people considered to be permanent wanderers who are well respected by all members of society and often act as mediators between the various groups.

The Kélen clans and guilds control most economic activity, often sharing control of any given area. Guilds cover such wide areas as street and public park maintenance, civil defense, mining, hand-crafting of luxury items, etc. Oddly, the storytelling guild is not actually a considered a guild. Instead, it is seen as a loose conglomeration of Wanderers.

³⁸ Воспроизводится с разрешения автора с сайта <http://home.netcom.com/~sylvia1/kelen/intro.html>.

The church, on the other hand, mediates clan disputes and oversees the making of new clans. It also defends the groups and guilds from being controlled entirely by one clan.

The clans usually number between 150 and 250 people all pooling their economic resources as well as child care needs. The clan is matrilineal, matrilocal and generally matriarchal, with a ruling council of old women and grandmothers. Often this council includes men, but sometimes the men have a separate council of their own. The clan takes care of the child raising for all of its members, leaving them free to do other things as necessary. Since all the children are raised together, the difference between a sister and a cousin is negligible. However, since the women stay in the clan and the men eventually leave, the difference between same-sex and opposite-sex siblings and cousins is important.

The clan house is usually a large and varied structure with gardens and courtyards, receiving parlors for non-kin and areas where only blood-kin are allowed. Even in the cities, clans are clustered together and separated from other clans by public parks and market squares. Most of the gardens and parks are covered as well, if only partially, to provide protection from a native airborne predator.

Each house and market square usually has a well or fountain. Some public ponds are stocked with an iridescent fish. These fountains and ponds are maintained by the Fountain Guild (*jánnáneran*), which also maintains the public aqueducts and sewers. Public greenery is maintained by the Garden Guild (*jáxteran*), the guild responsible for street and tree maintenance. The trellises and coverings over public spaces, however, are maintained by the Trellis Guild (*jatáñeran*), which also organizes public defense against some of the large predators of Térjemar. Chimes are also common, and the Chime guild (*jasálikeran*) is responsible for a popular set of chimes that plays musical notes. Other guilds include the Light-maker Guild (*jalúikeran*), responsible for public lighting and power, the Kitchen Guild (*jahóheran*) which is responsible for all public restaurants and eateries, and the very important Beaders' Guild (*janíseran*) which is the maker and distributor of the beads everyone wears in their hair to indicate status and fashion.

Education is shared between the clans, the church, and the guilds. The clans provide elementary education during childhood. At a certain age, the girls are usually packed off to a church school for higher education. Some churches offer schools for boys as well. The guilds provide vocational training and education, sometimes far beyond the scope of what the guild officially does. The permanent wanderers will sometimes give tutoring in one or more of the four arts: *ansála* (storytelling and music), *antennára* (dance and motion), *análte* (healing and touch), and *ankeilke* (visual design). These four arts are also taught in other places and in other ways.

Religion

The creation story has them coming to Térjemar in the form of seven sisters who fell from the stars. They were then found by a local power named Ánenánte who taught them how to live properly and gave them various gifts, as well as an eighth sister named Xámorta, who was the child of two other local powers known as Kíthje and Nárelke. Some consider these local powers to

have been individuals of the *anattérjien*, a semi-legendary race native to Térjemar. Some stories have only Nárelke as native to Térjemar, and Kíthje in particular as «one of us».

Needless to say, Ánenánte has been deified, as well as Kíthje and Nárelke. However, the most important deity is actually the Star Goddess Lúáne. She is the one most Kéleñi pray to. She is also the visible form of *annára*, or the underlying order of the universe. Some say she is the mother of the universe and of *anannárien*.

Annára, in the form of one's genes and upbringing and history and the consequences of one's decisions and actions, is what makes a person and it is also what makes a person distinct and unique. It is closer in definition to «human nature» than to «fate», though it includes a degree of inevitability, though *annára* can be overcome. As it is partially self-defined, it also corresponds to such concepts as «honor» and «integrity».

Groups, guilds, and clans also have *annára* — theirs being made up of all the individual *annára* and the group history. This in turn becomes *annára* for the entire species of Kéleñi, which in turn is part of *anannárien*, or the underlying order of the universe. While *annára* is interlocking, it is not seen as hierarchical. It is rather seen as a substance spread around the universe of which everyone and everything has their piece. The pieces have the same nature as the whole, much in the same way as a small puddle of water has the same nature as a lake.

Annára is sometimes opposed by *attáLa* or Chance. Some see *attáLa* as hostile to *anannárien*, others see it as a necessary part of *anannárien*. The concept of balance or *anxáláe* is important here. Balance is maintained by *anaccánien*, which is love or emotion. There is also the idea that the universe is a dynamic pattern that started with the beginning of time and will not finish until the end of time.

One class of priestesses (males very rarely have this ability) claims to be able to see *anannárien* and how it exists in space and time. These are the *maróáñi*. Non-Kéleñi call them oracles.

Aside from Lúáne, the other important deities worshipped in the Great Temple of Xámorte include: Róán, the goddess of dreams and the patroness of the *maróáñi*; Émár, the earth goddess and the goddess of fertility; and Álre, the goddess of wisdom, trickery, and the four arts. Kíthje is also considered the god of the wilderness and of hunting, and Ánenánte is considered the patron of wanderers and of the four arts. The only other male deity of note is Márenon who guards the Hall of Stars, where some say the ancestors dwell with the Star Goddess. The hero Lájathin has also been deified, at least in Ánneméthin, and makes the fourth of the male deities.

Minor deities are Hárthare, the sea-goddess; Nárelke, the goddess of cold and ice; Xéjelke, the god of murder and assassination, Nárelke's son; Thíríen and Átaren, the goddess and god of the forest; Háwenon, the patron of fishermen; and Téonérja, the oldest of the *anattérjien*.

Kinship

The Kéleñi are matrilineal and matrilocal, and the kinship terms reflect this. They also have a tradition of adoption at any level of kinship, and as adopted kin are considered to be the equivalent of blood kin, there is little formal distinction

between these sets of terms. There is also a tradition of named-kin, people who are accorded the politeness of kinship without many of the corresponding rights and responsibility.

To start with an arbitrary generation, a person's same sex same generation sibling or cousin is one's *matié*. The corresponding term for a person of the opposite sex is *makája*. So, a woman's sister is *matié* and a woman's brother is *makája*. A man's sister is *makája* and a man's brother is *matié*. This is because people are divided up into same generation same gender groups that stay intact throughout a person's life. So, a woman stays at home with her sisters, and a man and his brothers will leave home at the same time and possibly all get married en masse to a group of sisters.

Any same gender and generation kin who are not close enough to stay with the speaker are referred to as *makíra*. A person's special companion, perhaps a close sister or brother and/or lover is *maxántie*. A colleague in a guild is sometimes accorded the polite term *maténtie*. In contrast, the word *mamántie* is sometimes used for clan kin.

A woman's husband is *márón* if she is formally married with a contract between clans. This type of marriage is *antéññesáci*. These contracts often have an expiration date and detail what is to happen to the children and are essentially treaties (*antéññi*) between clans. Sometimes a woman will take up with someone she has fallen in love with and will adopt him or her into the clan. This is also *maxántie*, as it is considered a permanent bond.

One's mother is *málmára*, provided she is one's heart's mother as well as one's genetic mother. Otherwise the term *mapára* is used for both mothers and aunts (a mother's *matié*). The polite term for a woman of one's parent's generation but of a different clan is *matémpara*. One's legal father is *márón*, and one's father's co-husband is *masówa*. One's mother's brother is *mawésa*. One's father's sister is not your kin, as she is likely of a different clan, so one could use *matémpara* or the neutral term *macéna* («woman»). A polite term for a man of the previous generation in a different clan is *matémwesa*.

One's daughter is *maláca* and one's son is *mamóíñ*. Any female child of the clan is also *maláca*. The neutral term for a child is *mísa*. Children are raised communally by the women of the clan. Orphan children partially taken in by the clan are *maténisa*. A grandchild is *méliñ*. The descendants of the clan are usually referred to with the word *maláci*. An infant, too young to mix with siblings, is *macíwa*.

One's mother's mother is *márja*. So is her sister. One's mother's father is *mamánsowa*. One's father's parents are technically not one's kin, though the polite terms *maténarja* and *maténsowa* are used. In clan's where one grandmother is the head of the clan and others are subordinate, the term *mamánarja* is used to refer to the other grandmothers.

Calendar and Timekeeping

The Kélen year is 813 days long. Since there are no moons, there is no set division for months. As there is also little axial tilt, there is not as strong a variation in seasons. The only real celestial guide is the presence of a certain nebula, called *jamólemae malúáne* or Lúáne's Womb. The earliest appearance of this nebula on the horizon marks the new year, and a day called *jilrúsa*. This is followed by sixteen days of the new year called collectively the *anilrúsi*. After these, the

calendar counts another 48 days (in 3 sixteen-day increments) to the day called *jaxéloru*. There is a calendar division every 64 days. There are also calendar divisions every 96 and 144 days, culminating in a day called *jalónaña*. Thereafter are 237 days, divided into three increments, which mark the «dark» time of year when the nebula is not in the sky. Counting all 813 days, the midpoint of the year is celebrated as *jawíjilxien*. A diagram, with the special days marked in red, appears below <...>³⁹

Each set of 16 days is called a *jalúla* ends in a day marked with light blue. Several *jalúli* make up each *jilTawa*. There are 17 of these, varying in length from 1 to 9 *jalúli*. The days marked in darker blue mark the end of each 144 day division. There are 5 of these counting *jalónaña*. The 96 day divisions are marked in orange, and the 64 day divisions are marked in lavender. The green days mark where the 96 and 64 day divisions overlap.

As mentioned earlier, the important holidays are marked in red. Times of celebration are marked in light yellow, and the «dark» part of the year is marked in shades of grey. Altogether, a year is called *jilxién*, and the Kélen count the years starting from the day they supposedly landed on the planet. This puts them in the 957th year, or year 1675 under their Base 8 counting system.

Each rotational period is divided into the day (*jalóna*) period and the night (*jaxáel*) period. These are further divided into 8 (4 each) periods called *jahóLi*. Each *jahóLa* is divided into 8 *júsreni*; each *júsren* is divided into 12 *júsíñi*; and each *júsíñ* is divided into 64 *jilíñi*. So, timekeeping consists of citing *jahóLa* : *júsren* : *júsíñ* : *jilíñ*. However, since each *jilíñ* is approximately one and a half Earth-seconds long, those are often left off of the calculation. Indeed, the *júsíñ* at approximately one and a half Earth-minutes is also regularly disregarded. But, the nearly 19 Earth-minute *júsren* and the approximately 150 Earth-minute *jahóLa* are used regularly.

Íráñi and Humans

There are two other species living on Térjemar: humans and Íráñi. Some would dispute that the Íráñi are a separate species from the Kéleñi, but the Kéleñi do not take that seriously. That said, Íráñi are probably genetically modified Kéleñi, the modification having taken place generations ago. The Íráñi generally speak the same language as the Kéleñi, with dialectal differences due to location and not to species.

The humans on Térjemar are mostly confined to the space station Lánoráen and the port city of Mircállan. Most of them speak some human language as their native language and only speak Kélen as a secondary language if they speak it at all.

The Kéleñi on the whole prefer their own company and don't like to mix with the other species. They consider themselves superior to other species, sometimes to the point of classifying Íráñi and Humans as animals.

³⁹ Не имея возможности воспроизвести эту таблицу в черно-белом издании, отсылаем заинтересовавшихся к странице <http://home.netcom.com/~sylvia1/kelen/intro.html>.

Приложение 3

Сконструированные языки – системы числительных

A priori

Dalgarno	va	vH	ve	vo	vy	vu	vai	vei	voi	val
Wilkins	poba	poba	pobe	pobi	pobo	pobgh	poby	pobigh	pobyi	pobal
Leibniz	ba	ca	da	fa	ga	ha	la	ma	na	be
Formosan	taufb	bogio	charhe	kiorh	nokin	dekie	meni	thenio	sonio	kon
Langue										
nouvelle	ba	co	de	ga	ji l	u	ma	ni	pa	vu
Delormel	za	ze	zi	zo	zu	zau	zê	zei	zeu	da
Réthy	a	ä	o	ö	e	ë	i	u	ü	
Letellier	a	e	i	o	u	a:	e:	i:	o:	bu:
Sotos										
Ochando	siba	sibe	sibi	sibo	sibu	sibra	sibre	sibri	sibro	sibru
Solresol	redodo	remimi	refafa	resolsol	relala	resisi	mimido	mimire	mimifa	mimisol
Reimann	di	vi	li	mi	ki	ri	ti	ni	ji	dé
Verheggen	ba	de	fi	go	shu	kê	la	me	na	ban
Menct	bo	be	bu	do	de	du	fo	fe	fu	bos
Spelin	ik	ek	ak	in	en	an	ip	ep	ap	iks
Bopal	en	de	te	fe	ve	ge	ce	pe	ne	o
Maldant	ô	ob	oc	od	of	og	oj	ok	ol	oa
Eichhorn	ak	ek	ik	ok	uk	ök	ük	auk	aik	akuli
Balta	ba	be	bi	bo	bu	ja	je	ji	jo	bas
Gurin	da	de	di	do	du	das	des	dis	dos	dus
Spokil	ba	ge	di	vo	mu	fa	te	ki	po	ha
Zahlensprache	a	e	i	o	u	ä	ë	ò	à	bè
Völkerverkehrs-										
sprache	tiz	tez	taz	toz	tuz	tij	tej	taj	toj	mituj
Pan-Arisch	fur	far	fir	sur	sar	sir	xur	xar	xir	fumpur
Ro	zab	(zac)	zad	zaf	zak	zal	zam	zan	zar	
<i>Современные</i>										
aUI	a	e	i	o	u	A	E	I	O	U
Babm	bo:	de:	fu:	ga:	ha:	zi:	ke:	le:	mu:	a
suma	baba	dia	fua	goa	kea	lai	mimi	nui	poi	rei
Loglan	ne	to	te	fo	fe	so	se	vo	ve	neni
Lojban	pa	re	ci	vo	mu	xa	ze	bi	so	pano
Tanerai	marnu	yabnu	cannu	meinu	sunu	yannu	auannu	jaunnu	sautnu	pou
Lusane	ba	ce	di	fo	gu	ma	ne	pi	so	tu
Láadan	nede	shin	boó	bim	sham	bath	um	nib	bud	thab
Eaiea	fa	fb	fc	fd	fe	fg	fh	fi	fj	fla
Roctegedda	ba	ce	di	fo	gu	ha	le	ni	po	ru
Liva	nte	nta	nto	ntey	ntei	nteí	nteu	ntay	ntai	ntaî
Ibubo	aco	acu	acy	ada	ade	adí	ado	adu	ady	aga

A posteriori

1. С романскими корнями

XIX век

Gigli	na	vu	tre	fe	fi	sse	la	to	no	
Gerber	en	dwoi	troi	karoj	penoi	sesoi				deksoj
Communications- sprache	una	dua	tria	quatra	quina	sesta	setta	otta	nona	dia
Pantos-Dimou-										
Glossa	ono	dyo	tro	tetro	pento	ekso	epto	okto	nono	deko
Universal- Sprache										
Pirro	un	du	tri	quat	quint	sex	sept	okt	nov	dec
Volapük	bal	tel	kil	fol	lul	mäl	vel	jöl	zül	bal(deg)
Weltsprache	un	du	tres	cvart	cvint	secs	sept	oct	nov	dec
Courtonne	jun	du	rê	qat	cin	sis	pê	to	non	
Pasilingua	una	dua	tria	quadra	quinqua	sexa	septa	octa	nova	deka
Esperanto	unu	du	tri	kvar	kvin	ses	sep	ok	nau	dek
Mundolingue	un	du	tri	quar	quin	sex	sept	oct	nove	dece
Kosmos	una	dua	tria	quadra	quinqua	sexa	septa	octa	nova	deca
Lingua										
Henderson	un	du	tré	quat	quinc	sex	sept	oct	nov	dec
Mundolinco	un	du	tres	cvarto	cvinto	siso	septo	octo	nono	desem
Anglo-Franca	un	du	tre	quat	quinc	sex	sept	oct	novem	dec
Myrana	un	dui	tre	quar	quin	sex	sib	och	nöf	desh
Langue										
catholique	un	dve	tre	quator	quin	six	sept	oct	nov	dece
Antivolapük	un	due	tre	kuatt	sink	sis	sett	ott	noff	diss
Dil	un	tun	zan	fir	bej	siz	sib	sek	nov	unez
Universala	un	du	tri	kar	kin	ses	set	ok	nov	dek
Orba	u	du	tre	kat	hin	sei	set	ot	neu	sen
Communia	un	dui	tri	quadri	quini	sexi	septi	octi	noni	dezi
Novilatiin	uun	due	tre	kvar	kvin	see	septe	okte	non	dec
Veltparl	prim	tven	tril	kar	fiv	seks	sev	tam	nov	primog
Nov Latin	un	du	tre	quat	quinq	sex	sept	oct	nov	dec
Dilpok	ja	dä	ze	fi	lü	su	pö	to	ny	jar
Langue bleue	ven	dov	ter	far	kel	gab	chep	lok	nif	dis

До Второй Мировой войны

Idiom Neutral	un	du	tri	kuatr	kuink	seks	sept	okt	nov	des
Panroman	un	du	tre	quar	quin	sex	sept	okt	nov	dez
Mundelingva	uno	duo	trio	karo	kino	seto	sito	oto	novo	deko
Perio	un	tem	tir	vor	kin	zek	zip	ok	nop	us
Zakrzewski	un	du	tri	kar	kin	ses	set	ok	non	dez
Pan-Kel	en	do	tri	fir	fif	ha	sep	ok	no	de
Ido	un	du	tri	quar	kin	sis	sep	ok	non	dek
Parla	uns	dus	tres	kvas	kvis	sis	ses	ots	nos	des
Romanal	uni	dui	tri	quadri	quinti	sexti	septi	octi	noni	deci
Kovalev	hen	deut	tri	tetr	pent	hex	hept	ok	ene	dec
Uropi	un	du	tri	kwer	pin	ses	sep	oc	nev	des

Lips-Kith	tun	twi	tri	pes	pen	sek	sep	nok	nik	tek
Interlingue	un	du	tri	quar	quin	six	sett	ott	non	deci
Hom-Idyomo	uni	du	tri	kwatri	cinki	sesi	septi	okti	noni	deko
Lingvo										
Kommona	una	dua	tria	kara	senka	seza	setta	otta	neva	unanta
Omo	un	du	tri	kvar	kvin	ses	sep	ok	nay	dek
Una	een	du	tri	quar	kin	six	sep	ok	nin	dess
Novial	un	du	tri	quar	sink	six	set	ot	nin	dek
Panedo	mono	bino	trio	katro	pio	zesto	sevo	lioto	dievo	mero
Sintasal	un	du	tri	cuar	cuin	sex	sept	oct	non	dec
Mondyal	un	du	tri	kuar	cink	sis	syet	oyt	nof	dez
Interglossa	mono	bi	tri	tetra	penta	hexa	hepta	octa	nonnea	deca
Olingo	unu	du	tri	qar	qin	ses	sep	oq	non	deq

После Второй Мировой войны

Auxilia	un	dwé	tré	kwar	kin	sis	set	ox	non	dis
Pikto	un	du	tri	dudu	handi	dutri	handu	handtri	handudu	dec
Speedwords	u	dos	tri	qar	fun	ses	sep	otto	nyn	ty
Esperantuisho	unu	du	tri	kvar	kvin	sis	sept	ok	nown	dek
Mundion	un	dos	tres	quat	quin	six	sem	ot	noem	tan
Frater	uni	bi	tri	kuadri	kuinti	ses	sep	okta	nona	deka
Interlingua	un	duo	tres	quatro	cinque	sex	septe	octo	nove	dece
Antro	oin	du	tri	kuar	penk	seks	sep	ok	neu	dek
Unolok	un	du	tri	kat	pjart	si	set	ot	nov	dí
Axiom-Variant	un	dua	tri	kvart	kvint	sekst	sept	okt	nona	decem
Ande	an	pe	ti	ke	fo	ju	bar	del	gau	ansii
Stipfone	ün	dü	trê	ïot	panj	seï	hèp	ot	nöw	dêz
Glosa	mo	bi	tri	tet	pen	six	seti	ok	nona	deka
Unilingua	un	du	tri	quatre	cinque	six	sept	octo	nin	dec
Liberanto	un	de	tro	fer	fey	sey	sen	ey	nau	tin
Frendo	una	dua	tria	kua	kuina	sesa	septa	okta	nua	dela
Zamalo	un	dos	tres	quatro	cinco	seqs	sept	eqto	nowe	deq
Gloneo	un	du	tre	qar	qin	sit	sep	ot	non	is
Eurolengo	un	du	tre	fier	fyf	sis	seven	oko	nun	dies
Unitario	una	dua	troja	kvarta	tzingkva	seksta	septa	otta	nöwa	diksi
Dunia	un	du	tri	kwar	kwin	heks	septem	ok	non	dek
Eurolang	uno	duo	tri	quator	quinque	six	septem	octo	novem	decem
Sen:espera	unin	duin	tirin	forin	ffin	sesin	sepin	ocin	enin	decin
Uni	UN	TO	TI	KA	SI	SA	ET	PO	NI	UNZE
Etwu	ün	dé	twu	cut	sink	sis	et	ot	néf	
Eklektu	ek	du	tri	tear	pent	hok	sept	pat	nov	deg
Neo-Dalmatian	oin	doi	tra	kátru	káinku	si	shat	yoit	nóiva	dik
Talossan	viens	douâ	tres	qator	simcâ	sex	seifet	vuit	nouâ	bisquinc
Tundrian	un	dous	treis	quatro	cinq	sêix	seut	oito	nôu	dzeç

2. С германскими корнями

Nu Teutonish	een	tvo	tri	fir	fem	ses	syv	ot	ní	ti
Anglic	wun	tuu	three	for	fiev	six	seven	aet	nien	ten
Euronord	ein	tve	tri	fyre	fif	six	zeven	ackt	nein	ten
Earth Minimal	vaa	du	traa	fo	be	si	staa	ha	na	vaano

Alannaic	ainas	thoi	threiss	sethour	simphe	hekse	hiphon	thean	ainthean	thoithean
Jameld	aunt	tí	thren	vour	fēfe	zix	tsébun	ight	neön	temz
Paulic	eno	owt	eerth	ruof	evif	xis	neves	thgie	enin	net
Breersh	wen	sej	trej	Huu	How	sis	saan	ej	noon	sen
Cegli	han	du	tri	for	fai	ce	cil	pal	gau	hanzoi
Adelic	æne	ðwæ	dri	gwør	bimpe	sekke	sippe	aað	niif	ðekke
Futurse	wā	tsy"	tri	foG	fä ^ç v	sis	se ^ç Bm	ed	nä~æ~	tsæ~

3. С балто-славянскими корнями

Majar	jeden	dva	tri	chetiri	pet	shest	sedm	osm	devet	deset
Novy Razg.	ozizh	zla	gchi	regyche	xjag'	femg'	mes'	lomes'	zeljag'	zemjag'
Ladef	yeden	dyo	tri	ned	feyv	si	sem	vocem	nyfe	ten
New Prussian	ai:ns	dwa:i	tri:s	keture:i	penke:i	usha:i	septine:i	astane:i	newine:i	dessimts
Sevorian	iedøn	dvaa	trii	sötir	pet	sest	sedøm	osøm	devet	deset
Nashina	edët	deva	trie	cetire	pet	sest	sedm	osm	devet	deset
Slovio	din	dva	tri	sxtir	pia	sxes	siem	vos	dev	des

4. С кельтскими корнями

Brithenig	yn	dew	trui	cathr	cinc	sei	seth	oeth	noe	deg
Breathanach	u-n	dua-h	tria-*	cotar	caonc	seis	seicht-n	uacht-n	nuaibh-n	deich-n
Wessisc	an	day	pry	powr	pyf	segh	seggæn	agh	negn	ten
		twah								
Celltiecc	enn	dau	tri	pedyr	cug	chwech	seith	oith	noiv	decc

5. С корнями из разных индоевропейских языков

Degaspregos	oinos	dwos	tros	kwetworos	penkwos	sweksos	septemos	oktos	newimos	dekemos
-------------	-------	------	------	-----------	---------	---------	----------	-------	---------	---------

6. С неиндоевропейскими корнями и смешанными корнями

Palawa Kani	pama	paya	luwa	wulya	mara	nana	tura	pula	tali	pama(?)
Toki Pona	wan	tu	tu wan	tu tu	luka	luka wan	luka tu	luka tu wan	luka tu tu	luka luka

Артланиги

Proto-Eldarin	ere-, mini-	atta, tat(a)-	nél(ed)-	kánat-	lep (e.n k)-	ének-	ot(o.s k)-	tol-ot(h)-	néter-	kaya.n r-
Qenya	mir	at(t(a))	ole(e)	nelde	lemin	ende	otso	umna	oline(t)	lempe
Quenya	mine	atta	nelde	canta	lempe	enque	otso	tolto	nerte	cainen
Noldorin	min	tad	neled(h)	canad	lheben	eneg	odog	toloth	neder	caer
Black Speech	ash									
Amman-lar	voron	adha	pored	ganad	bili	toner	cedo	derod	model	laith
Klingon	wa'	cha'	wej	loS	vagh	jav	Soch	chorgh	Hut	wa'maH
Atlantean	dihn	doot	say	kut	shah	luk	tohs	yah	niht	Eh-khep
Vorlin	yun	dus	san	kad	lim	tor	zib	hog	nev	dek
Tepa	isi	kin	nase	pun	maa	maanisi	mankin	mannase	mampun	kimmaa
Naqu	pii	sai	loi	nii	tai	xoi	fii	vai	zoi	piiqi
Elet Anta	an	ali	caro	cord	cesef	iscwe	aram	hada	olni	tuca
		taliet								
Neelan	can	bod	mos	kay	ved	ziw	kit	pu'd i	st	llad
DiLingo	ip	twip	trip	fip	flip	sip	zynip	jip	dip	hip
Maktalu	lé	shé	fi	ash	azi	ushu	ulé	ulá	ufi	uze
Tha-Tizê	dè	tat	veth	lal	têt	ku	kut	kök	kök-dè	kök-tat
Southern+	dyx	tahik	visi	laz	ases	xu	xu-dyx	xu-laxi	xu-visi	xu-laz
Classic Sital+	dexe	taixi	vethe	lá	tí	ku	kudexe	kow	kow-dexe	kow-taixi
Watakassí	tá	kabí	slí	vandú	dakí	mandú	manduutá	katí	saslí	káz

Arkian	paji	doju	rax	fol	din	raji	tid	ini	int	lert
Hibernian	pai	dout	racht	fel	din	rai	tid	ini	int	lerti
Antapa	iso	ufā	élé	óqu	eda	edi-ék-[1]	edi-ék-[2]	edi-ék-[3]	edi-ék-[4]	uki
Üqoi	jloohu	maq'iigh	zhobun	vdes'i	vdhazi	vithkhu	dghoshui	voshai	viiqeg	spvthaq
MCL	bri	cli	dri	gli	pri	sli	tri	vli	zri	clani
Nova	na	mno	bde	mi	bú	nú	re	gú	bi	ngú
Cispa	ik	ak	tiirp	ciric	kiiric	kaish	zaric	saic	saic-ik	saic-ak
Jarrda	yu	ral	jagh	kun	rraz	kov	noash	rom	kor	yum
Doraya	is	ke	te	keka	me	keta	nao	da	la	kema
Gladilatian	zno	fsut	hrnu	srut	wefe	mu	hzut	zo	hrhr	mrut
Draseléq	det	kladn	murs	rredn	pieqs	faqs	dhuadn	ünsédn	kroqgn	stadn
Curco	zet	cjan	mus	zen	pjec	fac	zan	ynsén	cjon	san
Leturian	ned	deg	sem	karp	gong	teit	dxem	koln	lam	tud
Arangothian	bed	koith	merra	avot	isik	umpso	tabba	sibba	pinquo	serx
Sulekhī	loth	voth	toth	foth	both	shoth	poth	koth	zhoth	limokh
Kankonian	in	bam	em	hol	kyu	sem	treil	fur	hel	zan
D'ni	fah	bree	sehn	tor	vaht	vahgahfah	vahgahbree	vahgahsehn	vahgahtor	nayvoo
Denden	beru	verai	kairi	demi	loroi	srao	naru	terno	apar	berai
Danovën	tī	da	fē	la	ve	kō	jū	ni	ru	wa
Minervan	monè	dûl	tûl	qat	sanq	sorc	huè	ostte	nînûl	decûl
Mango	jasi	svid	druhi	haf	mihru	khoz	nongo	asi	pavi	zor
Otg	aai	oum	out	on	eg	et	alh	oil	ag	yz
Rokbeigalmki	khada	du	thara	ribu	khamsa	sejo	shaastuh	tei	niiyuh	drou
Ciravesu	ocu	tete	quepa	tato	enne	quije	olle	tautu	culce	ea
Rahha	zi	ra	nu	le	he	sen	its	its-ba-zi	its-ba-ra	its-ba-nu
Teonaht	uon	tibro	elen	frem	nibro	ksykso	tsabre	uyno	temra	dleyln
Melanian	she	te	pe	se	ke	le	ve	ce	re	shene
Kélen	án	énne	wijté	wíór	ámme	té	ónne	ánór	áriw	énnen
Eleviaal	dha	de	drex	lar	xan	ze	verd	gad	ren	dhos
Toono	ek	trago	benki	bedla	zola	zola	zola	zola		zola ek
vi bedla					vi bedla	vi benki	vi trago	vek	zola	
Mushroomese	nang	nee	sham	shee	ha	læk	jæth	booth	kyo	jep
Fu	min	bwo	hī	kanga	pen	jila	kāka	swen	hāta	yita
Eloshtan	epe	kalok	ralok	razok	malak	catak	gitek	yorak	ragok	epemik
Qested	ane	kene	vene	kale	mane	sase	hete	yolte	lente	aneme
Muila	uun	dar	ou	kar	sim	sat	heel	vaa	nuok	dou
Ozee Tilp	jog	lon	bo	bix	winni	pu	pun	bi	noc	jogun
Nepturian	not	sendo	korla	sela	krat	nona	hen	sork	nab	nors
Vamela	tea	loa	loa	loa	lima	lima tea	lima loa	lima [3]	lima [4]	loa lima
			ma tea	ma loa						
Sile	yan	pein	leis	kais	tare	fish	kat	atso	shimme	ge
Dráeng	tid	pal	tri	ithir	nadh	sia	pith	odh	nau	deith
Dublex	van	duv	ter	har	pen	sis	sem	voc	nen	des
Idhur	ost	mek	gar	inv	fēn	eki	kal	son	mat	gret
Hallon	uma	dasu	taran	vual	vefa	vech	vifim	shada	mem	dima
Tev'Meckian	vuk	thub	zem	shan	phej	lep	rug	khaz	bras	haj
I:lo:ārtrascu:	óno:s	tava:	diras	sa:pwar	pe:emp	pumtses	pumwe:a	pume:ze:	pumnawa:	tam
Adinjo	win	larn	jon	lukhan	korn	lumen	chan	kosij	mu	shak

Elressie	mre	nyo	mao	yu	mur	pur	raol	shan	lirr	rram
Jaueqaomys	pyr	ique	uch	daut	bech	ii'tei	tiety	asej	tiise	uiin
Ziotaki	pina	tizya	ronyo	mazyau	sini	pelia	pelyina	liati	pelyoro	liama
#4892	emme	ruk	chu	thamme	panei	fonei	iro	botu	sachaso	ikh
<i>Liotan</i>										
Proto-Liotan+	meil	suainn	seail	diom-N	dair-N	naib-N	niug-N	por-H	daoc-H	teaid
Machren	mel	suaenn	sjaela	djiam-N	daer-N	naep-N	njuc-N	por-H	deach-H	tjaet
Kadhrein	mely	hoeny	cas	dyem	dar	nav	nyouq	por	deg	tyaj
Ivrien	melya	soinya	cathe	dyima-N	darya-N	nave-N	nyuqa-N	pora	dega	tyaja
Genistien	mele	syne	cathe	jiman	daren	naven	nuqan	pora	deka	ajde
<i>Castuvien</i>	mele	suéne	cathe	dziman	daren	naben	nugan	pora	deka	tsadze
Astarien	meile	syine	caitha	zima	daira	naiba	nuga	pora	deke	saidza
Lemyzon	mél	swn	qez	dêm	der	nep	núg	por	dàk	téct
Xara	tan	ver	gil	dor	zal	fon	xar	jun	sel	min
<i>East Lemurian</i>										
Proto-E.-										
Lemurian+	mbi	thwi	kwyr	mwi	phli	qwi	nshi	jeti	xhedi	keni
<i>Bronian</i>										
Doxian	meb	dwi	kyr	mi	bli	ki	nesh	dzhet	shed	ben
Late Vautinese	me	thwe	kwire	mew	phle	qwe	nhe	ete	qebe	bne
Allemonian	ebon	dwi	kuri	muli	feli	gwi	noshi	churi	zhedi	ebkin
<i>Isanian</i>										
Hopsturian	bii	tii	kur(ii)	myd(ii)	fyl(ii)	gii	shii	jed(ii)	khed(ii)	bin
Ilo	emb	endwi	eggyr	emmud	embul	engqi	enshi	enzri	embe	endembul
Proto-Harnian+	mbi	thwi	kwyyre	mut	bule	wi	nshi	gede	hed	bni
Jano	embi	dwi	xyre	mul	bule	i	enshi	ged	gedembi	benne
Degwanian	neb	thwi	kwyyr	mut	bul	wu	nesh	ged	hed	netwe

Библиография

- [Ахманова, Бокарев 1956] Ахманова О. С., Бокарев Е. А. Международный вспомогательный язык как лингвистическая проблема // Вопросы языкознания. 1956, № 6
- [Барулин 2002] Барулин А.Н. Основания семиотики. Ч.1. М., 2002
- [Белова 1977] Белова О.В. Этноконфессиональные стереотипы в славянских народных представлениях // Славяноведение. 1997, № 1. С. 25-32
- [Белова 2002] Белова О.В. Межкультурный диалог в свете этнолингвистики // Славяноведение. 2002, № 6
- [Бенвенист 1974] Бенвенист Э. Общая лингвистика (под ред. Ю.С. Степанова). М., 1974
- [Берлянд 1992] Берлянд И.Е. Игра как феномен сознания. Кемерово, 1992
- [Берн 1998] Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы. М. — СПб., 1998
- [Брода 2002] Брода М. Между SACRUM и PROFANUM. Души народов: своя и чужие // Конференция «Культура «своя» и «чужая»» на портале auditorium.ru
- [Бодрийяр 1994] Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было // Художественный журнал. М., 1994, №3. С. 33 – 36
- [Бодрийяр 2000] Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000
- [Бодуэн де Куртене 1963] Бодуэн де Куртене И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1. С. 47-77
- [Бубер 1995] Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. М., 1995. С. 16-92
- [Ван Дейк 1989] Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989
- [Виртуальная реальность 1997] Виртуальная реальность: философские и психологические аспекты. М., 1997
- [Выдрин 2004] Выдрин В.Ф. И опять – части речи в бамана // Типологические обоснования в грамматике. М., 2004. С. 145-173
- [Гамперц 1975] Гамперц Дж. Дж. Типы языковых обществ // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социоллингвистика. М., 1975. С. 182-198
- [Григорьев 1960] Григорьев В. П. И. А. Водуэн де Куртене и интерлингвистика. // И. А. Водуэн де Куртене (к 30-летию со дня смерти). М., 1960
- [Григорьев 1966] Григорьев В.П. О некоторых вопросах интерлингвистики // Вопросы языкознания. 1966, № 1
- [Гумбольдт 2000] Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 2000
- [Гиренюк 1996] Гиренюк Ф.И. Симуляция и символ: вокруг Ж. Делеза. // Социо-логос постмодернизма. М., 1996
- [Гуревич 1998] Гуревич П.С. Культурология. М., 1998
- [Демин 1983] Демин М.В. Игра как специфический вид человеческой деятельности // Филологические науки. М., 1983. № 2
- [Демьянков 1994] Демьянков В. З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структура представления знаний в языке. Сборник научно-аналитических обзоров ИНИОН. М., 1994. С. 32-86
- [Демьянков 1995] Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 239-320

[Демьянков 2002] Демьянков В.З. Соотношение обыденного языка и лингвистического метаязыка в начале XXI века // Языкознание: Взгляд в будущее. Калининград, 2002. С.136-154

[Дуличенко 1991] Дуличенко А. Д. Из истории интерлингвистической мысли в России // Проблемы международного вспомогательного языка. М., 1991

[Емелин 1999] Емелин В.А. Виртуальная реальность и симулякры. <http://emeline.narod.ru/virtual.htm>

[Жинкин 1982] Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., Наука, 1982

[Иваницкий 1984] Иваницкий В.В. Понятие биосоциальности // Системные принципы и этологические подходы в изучении популяций. Пуццо, 1984

[Исаев 1991] Исаев М. И. Столетие планового вспомогательного языка эсперанто (идея, реализация, функционирование) // Проблемы международного вспомогательного языка. М., 1991

[Калнынь 1976] Калнынь Л. Э. Диалектологический аспект проблемы «язык и диалект». Изв. АН СССР. 1976, т. 35. Сер. литературы и языка, № 1

[Кийченко 2002] Кийченко К.И. Неэквивалентность информационного обмена в современном мире как основная стратегия навязывания культурной идентичности // Конференция «Культура «своя» и «чужая»» на портале auditorium.ru

[Клейн 2002] Клейн Н. «No Logo» М., 2002

[Ковалик 1998] Ковалик Ю. «Фантастическая реальность»: опыт лингвистического подхода // Тезисы докладов и сообщений на Всесоюз. науч. конференции-семинаре, посвящ. творчеству И. А. Ефремова и проблемам науч. фантастики. Николаев, 1988. С. 121 – 123

[Корсунцев 1997] Корсунцев И.Г. Философия виртуальной реальности // Виртуальная реальность: философские и психологические аспекты. М., 1997

[Косарева 2001] Косарева А.Б. Фантастиковедение в поле культурологии // Формирование дисциплинарного пространства культурологии. Материалы научно-методической конференции. 16 января 2001 года, Санкт-Петербург. Серия “Symposium”. Выпуск 11. СПб., 2001. С. 48-53

[Кошелев 1983] Кошелев С.Л. Философская фантастика в современной английской литературе. Романы Д.Р.Р. Толкина, У. Голдинга и К. Уилсона 50-60-годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983

[Кубрякова et al. 1970] Кубрякова Е. С., Климов Г. А., Серебренников Б. А. Язык как исторически развивающееся явление // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970

[Кузнецов 1982] Кузнецов С. Н. Основные понятия и термины интерлингвистики. М., 1982

[Кузнецов 1984] Кузнецов С. Н. Направления современной интерлингвистики. М., 1984

[Кузнецов 1991] Кузнецов С. Н. Основные этапы становления интерлингвистической теории // Проблемы международного вспомогательного языка. М., 1991

[Кузнецов] Кузнецов С. Н. К вопросу о типологической классификации международных искусственных языков//stra.teg.ru

[Левитская 2002] Левитская Н.А. «Своя» и «чужая» модель в культуре // Конференция «Культура «своя» и «чужая»» на портале auditorium.ru

- [Леч 1972] Леч Р. К вопросу о соотношении категорий «язык» и «диалект» // Русское и славянское языкознание. К 70-летию чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1972
- [Маклюэн 2003] Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М., 2003
- [Маркалова 2002] Маркалова Н. Лингво-фантастическое исследование // lecton.ru
- [Маслова 2001] Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001
- [Мечковская 1996] Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М., 1996
- [Мусорин 2001] Мусорин Ю. Что такое отдельный язык? // Сибирский лингвистический семинар. Новосибирск, 2001, № 1. С. 12-16
- [Новикова 1988] Новикова Н.В. Новообразования в современной научной фантастике (Словообразовательный и нормативно-стилистический аспекты). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988
- [Носов 1994] Носов Н.А. Психологические виртуальные реальности. М., 1994. С.185-188
- [Постовалова 1988] Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988. С. 8-69
- [Радовель 2002] Радовель М.Р. Факторы взаимопонимания в межкультурной коммуникации // Материалы международной научно-практической конференции «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах «Коммуникация-2002» («Communication Across Differences»)). Ч. 1. Пятигорск, 2002. С. 19-21
- [Реформатский 1987] Реформатский А.А. Принципы синхронного описания языка // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 20-40
- [Румянцев 2002] Румянцев О.К. Неизбывность чужого в другом // Конференция «Культура «своя» и «чужая»» на портале auditorium.ru
- [Серебrenников 1998] Серебrenников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988
- [Сепир 1993] Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 259-265
- [Сидорова 2005] Сидорова М.Ю. Определение художественного текста: усложнения постгутенберговской эпохи // Текст: структура и семантика. Сборник материалов конференции. М., 2005
- [Сильницкий 2004] Сильницкий Г.Г. К противопоставлению вокальных и консонантных языков // Типологические обоснования в грамматике. М., 2004. С. 438-444
- [Соссюр 1977] Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977
- [Сусов 1999] Сусов И.П. История языкознания. Тверь, 1999
- [Телия 1988] Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988. С. 173-204
- [Тер-Минасова 2000] Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000
- [Тодоров 1997] Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М., 1997
- [Тодоров 1999] Тодоров Ц. Теория символа. М., 1999
- [Топешко 2000] Топешко И. Н. Культурно-мифологическая концепция происхождения языка // «Новые» и «вечные» проблемы философии. Новосибирск, 2000. С. 16-30
- [Узилевский] Узилевский Г.Я. Основания, цели, задачи и потенциал эргономической семиотики // Сетевой журнал str.teg.ru

- [Узилевский 1991] Узилевский Г.Я. О структуре естественных и структуре эволюционно развившихся искусственных языков // НТИ. Сер. 2. 1991, № 9. С. 1-7
- [Узилевский 2000] Узилевский Г.Я. Начала эргономической семиотики. Орел, 2000
- [Урбан 1972] Урбан А. Фантастика и наш мир. Л., 1972
- [Уорф 1960] Уорф Б.Л. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960
- [Уорф 1999] Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика. I, М., 1999. С. 58 – 92
- [Файбышенко 2002] Файбышенко В. Ю. Другой: негативная данность языка и позитивный опыт речи // Конференция «Культура «своя» и «чужая»» на портале auditorium.ru
- [Фрай 2003] Фрай М. Книга вымышленных миров. Антология. М., 2003
- [Хайдеггер 1993а] Хайдеггер М. Путь к языку // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993
- [Хайдеггер 1993б] Хайдеггер М. Из диалога о языке. между японцем и спрашивающим // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993
- [Харитонов] Харитонов Е. Библиография авторефератов диссертаций по проблемам фантастики в литературе и искусстве // <http://www.fandom.ru>
- [Хауген 1975] Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М., 1975. С. 441-472
- [Хейзинга 1992] Хейзинга Й. Homo ludens. М., 1992
- [Хоккет 1998] Хоккет Ч.Ф. Проблема языковых универсалий // Хрестоматия по курсу «Введение в языкознание». М., 1998. С. 79-88
- [Чаликова 1985] Чаликова Г. Социокультурные утопии. Реферативный сборник ИНИОН. М., 1985. Вып. 3. С. 256-297
- [Части речи 1990] Части речи. Теория и типология. Ред. Алпатов В.М. М., 1990.
- [Чернышева 1979] Чернышева Т.А. Природа фантастики. Гносеологические и эстетические аспекты фантастической образности: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. М., 1979
- [Чернышева 1985] Чернышева Т.А. Природа фантастики. Иркутск, 1985
- [Шапинская 2002] Шапинская Е.Н. Проблема Другого в современной культуре // Конференция «Культура «своя» и «чужая»» на портале auditorium.ru
- [Шеманов 2002] Шеманов А.Ю. «Свои» и «чужие» в условиях «пустой» идентичности // Конференция «Культура «своя» и «чужая»» на портале auditorium.ru
- [Шиллер 1935] Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека // Шиллер Ф. Статьи по эстетике. М.-Л., 1935. С. 200 – 293
- [Шувалова 2005] Шувалова О.Н. Креативность языковой личности или психическое отклонение? Вымышленные языки вымышленных миров // Пушкинские чтения. СПб, 2005. С. 314 – 316.
- [Шувалова 2005] Шувалова О.Н. Жанровая специфика фантастической литературы и образ человека в ней // Филология в системе университетского образования. Материалы конференции. М., 2005
- [Щерба 1974] Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24-39

- [Эдельман 1980] Эдельман Д.И. К проблеме «язык или диалект» в условиях отсутствия письменности // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980. С. 127-147
- [Эльконин 1978] Эльконин Д.Б. Психология игры. М., 1978
- [Языкознание 1998] Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998
- [Якобсон 1975] Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975
- [Якобсон 1984] Якобсон Р.О. Поэтическая функция речи // Семиотика. М., 1984
- [Якубинский 1986] Якубинский Л.П. Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986. С. 71-82
- [Ярмахов 2002] Ярмахов Б. Б. Межкультурная коммуникация: аспект социальной идентичности // Материалы международной научно-практической конференции «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах» «Коммуникация-2002» («Communication Across Differences»). Ч. I. Пятигорск, 2002. С.183-185
- [Baudrillard 1994] Baudrillard J. Simulacra and Simulation. University of Michigan Press, 1994
- [Borges 1993] Borges J. L. Other inquisitions 1937-1952. University of Texas Press, 1993
- [Barnes 1974] Barnes M. E. Linguistics and languages in science fiction – fantasy. New York, 1974
- [Delany 1977] Delany S. R. (ed.) Jewel-hinged jaw: notes of the language of science fiction. N.Y., 1977
- [Elgin 1988] Haden Elgin S. First dictionary and grammar of Láadan. 2nd ed. Madison, WI, 1988
- [Gavin 1996] Gavin E. Dejpu'boqh Hov rur Qabllj! // *Wired*, Aug. 1996. Pp. 84-93
- [Gavin 1999] Gavin E. Babble On Revisited // *Wired*, Aug. 1999. P. 66
- [Goddard] Goddard C. The Natural Semantic Metalanguage <http://www-personal.une.edu.au/~cgoddard/>
- [Greenberg 1963] Greenberg J.H. Some Universals of Grammar with Particular Reference to the Order of Meaningful Events // *Universals of Language*. London, 1963. Pp. 80-113.
- [Fogel 2003] Fogel M. The language of business is Greek to some; to Jeff Henning, it's Karklak // *Inc. Magazine*, May 2003
- [Freudenthal 1960] Freudenthal H. Lincos: design of a language for cosmic intercourse. Amsterdam, 1960
- [Freudenthal 1974] Freudenthal H. Cosmic language // *Current Trends in Linguistics*. Vol 12. The Hague, 1974. Pp. 1019-1042
- [Hammet 1993] Hammet F. Virtual reality. N. Y., 1993
- [Heim 1991] Heim M. The Metaphysics of virtual reality // *Virtual reality: theory, practice and promise*. Westport and London, 1991. P. 27-33
- [Henry 1967] Henry V. Antinomies linguistiques. Paris, 1967
- [Jacob 1947] Jacob H. History of Planned Auxiliary Languages, London, 1947
- [Jespersen 1928] Jespersen O. An International Language, Copenhagen, 1928
- [Jespersen 1931] Jespersen O. Interlinguistics, Copenhagen, 1931
- [Lakoff 1987] Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. Chicago – London, 1987

- [Large 1985] Large A. The Artificial Language Movement. London, 1985
- [Libert 2000] Libert A. A priori Artificial Languages. Languages of the World, 24. Munchen, 2000
- [Libert 2003] Libert A. Mixed Artificial Languages. Languages of the World, 29. Munchen, 2003
- [Libert 2004] Libert A. Artificial Descendents of Latin. Languages of the World, 31. Munchen, 2004
- [McConnell 2001] McConnell B.S. Beyond Contact: a Guide to SETI and Communicating with Alien Civilizations. Cambridge, MA, 2001
- [Meyers 1980] Meyers W. E. Aliens and linguists. Language study and science fiction. University of Georgia Press, 1980
- [Niven 1977] Niven L. Words in Science Fiction // The Craft of Science Fiction. N.Y. 1977
- [Okrand 1992] Okrand M. The Klingon dictionary. Pocket Books, 1992
- [Okrand 1997] Okrand M. Star Trek: Klingon for the galactic traveler. Pocket Books, 1997
- [Piron 1998] Piron C. Language constraints and human rights // Anniversary symposium on language and human rights, Geneva, UN, April 28, 1998 http://us.geocities.com/c_piron/2.html
- [Plank, Filimonova 2000] Plank F., Filimonova E. The Universals Archive: A brief introduction for prospective users. STUF 53, 2000. Pp. 97-111
- [Semantic Universals 1994] Semantic and lexical universals — theory and empirical findings. Amsterdam, 1994
- [Sapir 1931] Sapir E. Wanted: A World Language // The American Mercury. Feb., 1931
- [Shakespeare 2000] Shakespeare W.; Nicholas N., Strader A. [translators] The Klingon Hamlet: The Restored Klingon Version. Pocket Books, 2000
- [Studies 1997] Studies in the syntax of universal semantic primitives. Special issue of language sciences, 19(3). 1997
- [Tolkien 1988] Tolkien, J.R.R. Essays. London, 1988
- [Vos Post 1997] Vos Post J. Me human, you alien: how to talk to an extraterrestrial. N.Y., 1997
- [Wierzbicka 1985] Wierzbicka A. Different Cultures, Different Languages, Different Speech Acts: Polish vs. English // Journal of Pragmatics, 9. 1985. Pp. 145-178
- [Wierzbicka 1986] Wierzbicka A. Does language reflect culture? Evidence from Australian English // Language in Society, 15. 1986. Pp. 349-374
- [Yaguello 1991] Yaguello M. Lunatic lovers of language: imaginary languages and their inventors. London, 1991
- [Xiao, McEnery 2002] Xiao R. Z., McEnery A.M. Situation aspect as a universal aspect: implications for artificial languages // Journal of Universal Language, 3 (2). 2002. Pp. 139-177

Список использованных Интернет-ресурсов

- Википедия – русская версия <http://ru.wikipedia.org/wiki>
- Звездная радуга <http://anton2ov.spb.ru/galax/>
- Искусственные и естественные языки <http://www.lingvisto.org/artikoloj/lingvoj.html>
- Квэнья — Древний язык <http://www.chat.ru/~narendil/>
- Конференция «Культура «своя» и «чужая»» <http://www.auditorium.ru/aud/conf/conf13>

Логлан <http://loglan.chat.ru>
 Мусомный Амбар. Учебники по Квенья и шрифты <http://womendog.kulichki.net/tolkien/ambar/quenya.html>
 Сделай сам! http://linguistica.sula.ru/art_kit.htm
 Сообщество артлангеров <http://www.artlangs.com>
 «Стратег.Ру», сетевое издание <http://stra.teg.ru/library/strategics>
 Тайный город <http://www.t-grad.com/enc/>
 Тезаурус полной луны http://espada.org.ru/_fant.php
 Утопия Атэа <http://laedel.euro.ru> и <http://laedel.della-luna.net>
 Языки Толкина <http://www.uib.no/People/hnohf>
 Amerysk (ВЯ) <http://www.angelfire.com/mi2/tribal/amerysk>
 The Analytical Language of John Wilkins <http://www.alamut.com/subj/artiface/language/johnWilkins.html>
 An'dorian <http://randyb.byu.edu/alioth/sketch.html>
 Anonymous, The Elvish Linguistics List, <http://www.egroups.com/group/elfling/info.html>
 Ardalambion <http://www.uib.no/People/hnohf/index.html> (языки Толкина)
 Artificial Language: Definition and Much More <http://www.answers.com/topic/constructed-language>
 Atlantean Metahistory <http://www.langmaker.com/atlanteanmetahistory.htm>
 Babel Texts <http://randyb.byu.edu/alioth>
 Bogomol ВЯ <http://www.geocities.com/Area51/Corridor/2711/bogomol.html>
 Constructed Human Languages <http://www.quetzal.com/conlang.html>
 Constructed Languages & Codes <http://f.webring.com/hub?ring=constructedlangu>
 Constructed Languages <http://www.valdyas.org/conlang.html>
 The Conlang Yellow Pages <http://www.geocities.com/Athens/Crete/5555/conlang.htm>
 A Constructed Languages Library <http://www.geocities.com/Athens/Acropolis/9219/conlib.html>
 Constructed Languages <http://www.livejournal.com/community/conlangs/>
 Constructed Languages - Eastern Michigan University <http://www.sfs.nphil.uni-tuebingen.de/linguist/forms/langs/GetListOfConstructedLgs.html>
 Created Worlds http://dmoz.org/Games/Roleplaying/World_Building/Created_Worlds/
 D'ni Dictionary http://www.eldalamberon.com/dni_dict.htm
 D'ni Linguistic Fellowship <http://linguists.bahro.com/forums>
 Drift <http://www.python.org>
 Elgin S. H. Linguistics and Science Fiction Interface <http://www.webspawner.com/users/sfling>
 Fauskanger H. Tolkien's Not-So Secret Vice <http://www.uib.no/People/hnohf/vice.html>
 Freelang <http://www.freelang.net>
 Gnome World <http://www.sedesdraconis.com/index.cgi?Gnome>
 Hani (ВЯ) http://www.langmaker.com/db/mdl_hani.htm
 Henning J. Model Languages <http://www.langmaker.com/m10101.html>

Easton D. «Dean's Conlang Page» <http://www.geocities.com/Athens/Acropolis/9219/index.html>
 Esperanto.net <http://www.esperanto.net>
 Intermythic English (БЯ) <http://www.langmaker.com/intrmyth.htm>
 The Famous Conlang Translation Relay Game of 1999 <http://www.frontiernet.net/~scaves/relay.html>
 Henrik Theilings Schriftenlehrer <http://www.theiling.de/schrift/>
 Harrison R. «Langlab» <http://www.rick.harrison.net/langlab/index.html>
 Kennaway R. <http://www2.cmp.uea.ac.uk/~jrk/conlang.html>
 Kelen (БЯ) <http://home.netcom.com/~sylvia1/Kelen/kelen.html>
 The Klingon Language Institute <http://www.kli.org/>
 Klingon and its Users: a Sociolinguistic Profile http://us.geocities.com/judith_hh/scripdef.htm
 LangServices Language Creation
http://www.langservices.net/language_creation.html
 Language Invention Course
<http://web.archive.org/web/20020320142710/http://www.linguistics.ucla.edu/people/grads/jforeman/collegium/collegium.htm>
 Lapine (БЯ) <http://www.langmaker.com/featured/lapine.htm>
 Linguistics 201: Artificial Languages http://pandora.cii.wvu.edu/vajda/ling201/test4materials/artificial_languages.htm
 Lojban Research Group <http://www.lojban.org>
 Loglan <http://www.loglan.org/>
 Lipu'onai (БЯ) <http://lipuweb.sphosting.com/>
 Machi (БЯ) <http://www.geocities.com/Area51/Corridor/2711/machi.html>
 Mark Rosenfelders Metaverse <http://www.zompist.com/>
 MavicaNET Многоязычный Поисковый Каталог <http://www.mavicanet.com/directory/rus>
 Pidgins, Creoles, and Constructed Languages <http://www.zompist.com/last.htm>
 A Primer In SF XENOLINGUISTICS <http://www.xibalba.demon.co.uk/jbr/lingo.html>
 Rosenfelder M. Language Construction Kit <http://www.zompist.com/kit.html>
 Star L. TyaliC TyelelliOva <http://www.geocities.com/Athens/Parthenon/9902>
 Sindarin — English dictionary
<http://www.geocities.com/almacq.geo/sindar/index.html>
 Skerre: An Invented Language <http://www.valdyas.org/conlang/skerre.html>
 Studies on the Works of J.R.R. Tolkien <http://www.sci.fi/~alboin/jrrtmenu.htm>
 Teonaht (БЯ) <http://www.frontiernet.net/~scaves/teonaht.html>
 The Language Page <http://www.io.com/~hmiller/lang> (БЯ Г. Миллера)
 Tolkien Language Translator <http://www.elendor.net/translator.php>
 Virtual Verduria <http://www.zompist.com/virtuver.htm>
 Way With Worlds, The <http://www.seventhsanctum.com/www>
 World Builders <http://www.world-builders.org>
 Why Make Up Languages? <http://www.geocities.com/CapeCanaveral/4854/whylang.htm>
 Yamada Language Center: <http://babel.uoregon.edu/yamada>

М.Ю. Сидорова, О.Н. Шувалова
ИНТЕРНЕТ-ЛИНГВИСТИКА:
ВЫМЫШЛЕННЫЕ ЯЗЫКИ

Макет подготовлен ООО «1989.ру»
Подписано в печать 11.02.2006 г.
формат 60x90/16
бумага офсетная
тираж 1000 экз
заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Подольском филиале ЧПК
142110, г. Подольск, ул. Кирова, 25

